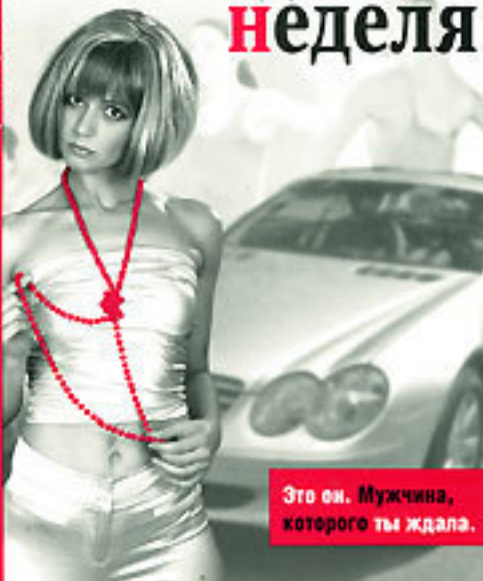

Линда Ховард

Всего одна
неделя

Нет счастья без любви

Это он. Мужчина,
которого ты ждала.

Линда Ховард
Всего одна неделя
Серия «Блэйр Мэллори», книга 1

OCR Roland; SpellCheck Elenor

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159096

*Всего одна неделя: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-045734-2, 978-5-9713-5761-2, 978-5-9762-3584-7*

Аннотация

Блэр Мэллори – успешная, состоятельная владелица фитнес-клуба. Жизнь ее течет легко и безмятежно, пока одну из клиенток клуба не убивают при загадочных обстоятельствах. Жертва была удивительно похожа на Блэр.

Таинственный убийца, который уже понял, что совершил ошибку, преследует Блэр угрозами.

Однако детектив Уайатт Бладсуорт, ведущий расследование преступления, готов совершить невозможное, чтобы спасти женщину, в которую давно влюблен...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	48
Глава 4	68
Глава 5	84
Глава 6	101
Глава 7	116
Глава 8	129
Глава 9	143
Глава 10	159
Глава 11	173
Глава 12	189
Глава 13	206
Глава 14	220
Глава 15	234
Глава 16	250
Глава 17	265
Глава 18	277
Глава 19	296
Глава 20	314
Глава 21	332
Глава 22	348
Глава 23	359

Глава 24	382
Глава 25	397
Глава 26	414
Глава 27	432
Глава 28	452
Эпилог	469

Линда Ховард

Всего одна неделя

Глава 1

Мало кто серьезно относится к группам поддержки. Если бы они только знали...

Я типичная американка. На фотографиях в школьных альбомах вы увидите девушку с длинными светлыми волосами, здоровым загаром и широкой улыбкой, смело открывающей безупречно белые зубы – результат тысяч долларов, потраченных на пластины и отбеливатели. Речь, конечно, о зубах, а не о волосах и загаре. Я всегда обладала безмятежной уверенностью в себе, свойственной юной принцессе из преуспевающей американской семьи; ничего плохого со мной случиться просто не могло. Ведь, в конце концов, участие в группе поддержки уже говорит о многом.

Признаю этот факт. Больше того, признаю с гордостью. Обычно девушек из группы поддержки считают безмозглыми самовлюбленными дурочками, но так могут думать лишь те, кто сам никогда не участвовал в творческом процессе. Прощаю им их невежество. Поддержка любимой команды – тяжелый труд, требующий немалого умения, силы и смелости, ведь опасности подстерегают здесь на каждом шагу. Во

время игры участники группы нередко получают серьезные травмы, а порой и погибают. Причем, как правило, страдают именно девушки: ведь парни неизменно стремятся подкинуть их как можно выше. На профессиональном жаргоне нас называют «птичками», и это очень глупо, так как на самом деле летать мы, конечно, не умеем. Нас просто швыряют. Бывает, что мы приземляемся на собственную голову, а порой даже ломаем шею.

К счастью, лично мне ломать шею не приходилось, но вот левую руку я действительно ломала, и ключицу тоже. Да и правое колено однажды здорово повредила. О таких пустяках, как растяжения и синяки, не стоит и упоминать. Но зато я до сих пор могу похвастаться отличным вестибулярным аппаратом, чувством равновесия и хорошей растяжкой ног: с легкостью делаю и сальто, и шпагат. К тому же в колледже за участие в группе поддержки мне даже платили стипендию. Что и говорить, мы живем в замечательной стране!

Да, кстати, пора представиться: меня зовут Блэр Мэллори. Согласна, имя так себе – достаточно банальное, но зато отлично гармонирует и с группой поддержки, и со светлыми волосами, и с широкой улыбкой. Что касается имени, то здесь я ничего поделаться не могу, ведь в ответственный момент все решали родители. Отца тоже зовут Блэр, так что остается сказать спасибо хотя бы за то, что мне не приклеили ярлык «младшая». Не думаю, что если бы официально меня звали Блэр Генри Мэллори-младшая, то я пользовалась бы

бешеным успехом. Так что «Блэр Элизабет» совсем не плохо и вполне меня устраивает. Конечно, звезды шоу-бизнеса дают своим отпрыскам другие имена – что-нибудь вроде «Гомер». Вот уж действительно, спаси и помилуй! Думаю, если детишки, повзрослев, вдруг решат свести счеты с опрометчивыми родителями, суд непременно должен будет их оправдать.

Здесь почему-то вспоминается убийство, свидетельницей которого я невольно оказалась.

Конечно, никакой прямой связи не существует. Так, чистая аллюзия. Подобие некой логической цепочки.

Следует признать, что даже с типичными американскими принцессами из групп поддержки порой случаются крупные неприятности. Вот я, например, однажды выскочила замуж, можете себе представить?

В какой-то степени это событие тоже связано с убийством. Едва окончив колледж, я стала законной супругой Джейсона Карсона, так что на протяжении целых четырех лет именовалась Блэр Карсон. Конечно, вполне можно было быобразить, что не стоит связывать судьбу с человеком, чьи имя и фамилия рифмуются, но, к несчастью, учиться приходится на собственном горьком опыте. Джейсон страстно мечтал о политической карьере, а потому постоянно заседал в студенческом совете и агитировал за избрание собственного папочки в конгресс штата. Дядюшка же его занимал весьма почетный пост мэра нашего города. Джейсон был настолько кра-

сив, что девушки при встрече с ним начинали заикаться – в самом прямом смысле. К сожалению, парень прекрасно это знал; еще бы – густые, поцелованные солнцем волосы, четкие, правильные черты лица, яркие синие глаза и прекрасная фигура, над которой он неустанно работал.

Можно без преувеличения сказать, что мы оказались образцовой парой – светлые волосы, идеальные зубы. Замечу без ложной скромности, что и моя фигура выглядела очень даже неплохо. Так почему бы нам было и не пожениться?

Четыре года спустя, к нашему взаимному облегчению, брак распался. Ведь, если честно, ничто, кроме внешности, нас не объединяло, а ее вряд ли можно считать достаточным основанием для счастливого супружества. Джейсон решил стать самым молодым конгрессменом штата, и для предвыборной кампании ему срочно потребовался ребенок – чтобы мы могли выглядеть типичной американской семьей. Меня такая постановка вопроса страшно разозлила. Дело в том, что раньше он был решительно настроен против детей, а теперь вдруг внезапно передумал – только ради красивой рекламной картинки. В ответ я не стала церемониться и просто посоветовала поцеловать мне задницу. Не то чтобы раньше он никогда этого не делал, однако на сей раз контекст оказался несколько иным, если вы понимаете, что я имею в виду.

Во время развода я вела себя как настоящая бандитка, хотя, наверное, должна была бы ощущать собственную вину и раскаиваться. Но я почему-то стала убеждать всех, что хо-

чу твердо стоять на ногах, всего добиваться самой и так далее, в том же духе. Должна признаться, что подобные идеи действительно привлекательны. Ну, а еще мне очень хотелось заставить Джейсона страдать. Наказать его было просто необходимо. За что? Например, за то, что однажды я застукала его со своей младшей сестрицей, Дженнифер Мэллори, которой тогда было семнадцать. Парочка нежно целовалась.

Должна заметить, что ярость никогда не ослепляет меня до полного оупения. Увидев предателей в столовой, я тихонько, на цыпочках, отправилась искать одну из многочисленных одноразовых камер, которыми мы фотографировали умильные семейные сцены для избирательной кампании Джейсона. Вот, смотрите, все в сборе и восседают за столом, уставленным всякой всячиной; а вот все дружно смотрят футбол. Джейсон больше любил фотографироваться с моей семьей, потому что как единое целое Мэллори выглядели гораздо привлекательнее Карсонов. В интересах избирательной кампании Джейсон был готов на все, даже на откровенное предательство.

Как бы там ни было, а мне удалось сделать очень хороший снимок Джейсона и Дженни – со вспышкой, все как положено. Теперь красавчик знал, что он полностью в моей власти. Что ему оставалось делать? Устроить погоню и на глазах у всей семьи начать вырывать из рук камеру? Нет, это не для него. Во-первых, придется объясняться. Джейсон вовсе не был уверен, что я поддержку его версию, скрыв правду. Во-

вторых, если бы отец увидел, что парень тронул хоть один волосок на голове его дочери и тезки, он не стал бы церемониться и разобрался с обидчиком по полной программе. Здесь нелишне будет уточнить, что я не только папочкина тезка, но и любимица.

Итак, развод был для меня делом решенным. Джейсон беспрекословно согласился на все условия, взамен потребовав лишь одного: чтобы ему вернули и фотографию, и негатив. Собственно, почему бы и нет? Тем более что я не настолько глупа, чтобы напечатать только одну копию.

Джейсон, разумеется, не думал, что я догадаюсь это сделать. А недооценивать коварство соперника всегда крайне опасно. Именно поэтому мне кажется, что успехов в политической карьере он никогда не добьется.

Естественно, я наябедничала маме о том, что Дженни целовалась с моим мужем. Неужели вы считаете, что следовало оставить эту негодяйку безнаказанной? Не то чтобы я совсем не любила Дженни. Но девчонка явно возомнила, что раз она в семье самая младшая, то может вести себя, как ей заблагорассудится. Все-таки тех, кто теряет чувство реальности, приходится время от времени ставить на место. В конце концов Дженни, конечно, пришлось простить, поскольку она моя самая близкая родственница. Но вот простить Джейсона – нет уж, ни за что на свете.

Вот так и получилось, что мама занялась воспитанием Дженни, а та слезно каялась и клялась, что больше никогда

не сделает ничего подобного или хотя бы постарается проявить хороший вкус. В это самое время средняя сестра, Шона, которая училась на юридическом факультете, занялась переговорами с Джейсоном относительно развода. Считается, что имя Шона – валлийская форма имени Джейн, но согласиться с этим трудно. По-моему, оно означает «акула-людоед с симпатичными ямочками на щеках», что точно подходит под описание сестры.

Все женщины семьи Мэллори дружно взялись за дело, и развод прошел в рекордно короткий срок. Отец даже толком не понял, с какой стати мы все так ополчились на бедного Джейсона. Правда, он особенно и не пытался ничего понять, просто принял события как данность и проявил семейную солидарность. По-моему, очень благоразумно с его стороны.

В результате развода мне удалось получить от бывшего супруга кругленькую сумму и красный «мерседес» с откидным верхом. Машина – это, конечно, здорово, но деньги гораздо лучше, потому что я сумела очень удачно ими распорядиться. Купила спортивный зал и организовала собственный фитнес-клуб. В конце концов, о себе заботится каждый, а я прекрасно знаю, как поддерживать достойную физическую форму. Шона предлагала назвать заведение «Симпатичная попка Блэр», но я решила, что такая вывеска ограничит клиентуру. Мама придумала вариант «Фанаты тела», и он сразу всем понравился, так что клуб получил именно такое название.

Я потратила кучу денег на ремонт и переоборудование. Когда все было готово, заведение буквально сияло, громко крича о высшем классе и красивой жизни. Куда ни глянь, везде отражение в зеркалах твоей собственной персоны; оборудование по последнему слову науки, техники и моды; туалеты, раздевалки и душевые отделаны заново; появились две сауны и бассейн, а вдобавок еще и массажный салон. Члены клуба «Фанаты тела» могли выбирать между йогой, аэробикой, тай-бо и кикбоксингом. Если после сеанса йоги вы еще не окончательно растаяли, то вполне могли прямо здесь, даже не выходя из здания, как следует встряхнуть свою задницу на любом из множества тренажеров. Я настояла, чтобы все сотрудники получили навыки оказания первой помощи. Ведь в любой момент какой-нибудь растолстевший босс с повышенным уровнем холестерина в крови мог так переусердствовать на тренажере в попытке произвести неизгладимое впечатление на молодую секретаршу, что заработал бы сердечный приступ и, того и гляди, отдал бы концы. Да и в рекламных проспектах такая мелочь, как постоянный контроль за самочувствием клиентов, выглядела очень впечатляюще.

Затраченные усилия были вознаграждены. Уже через месяц после открытия клуба дела в «Фанатах тела» шли просто отлично. Абонементы продавались на месяц и на год. Разумеется, на годовые предоставлялась скидка. Тактика очень удачная, потому что клиент оказывался на крючке и продолжал посещать заведение, чтобы не пропадали деньги. Сто-

янка, плотно заставленная машинами, создает впечатление процветания уже с улицы, а всем известно, какую роль играет первое впечатление. Успех неизбежно порождает успех. Меня же собственное дело поглотило целиком.

Клуб «Фанаты тела» работал с шести утра до девяти вечера, чтобы каждый желающий мог заняться собой в удобное ему время. В класс йоги поначалу записались всего лишь несколько женщин, а потому пришлось нанять молодых красивых футболистов – специально для того, чтобы они в течение недели ходили на занятия. Результат не заставил себя ждать: мачо из классов тяжелой атлетики и тай-бо тут же бросились следом за атлетически сложенными красавцами, чтобы добиться такой же великолепной формы. А женщины начали заниматься йогой, чтобы просто побыть рядом с привлекательными мужчинами. Так что уже к концу недели класс йоги вырос вчетверо. Мачо очень быстро раскусили, насколько интересны и полезны занятия йогой, и остались. Соответственно остались и женщины.

Я не сказала, что в колледже изучала психологию?

Прошло несколько лет, и вот что я представляла собой к тому времени, о котором идет речь: мне исполнилось тридцать лет, и значительную часть моего времени занимал бизнес, который требовал неустанного внимания, но в то же время приносил весьма солидную прибыль. Красный «мерседес» с откидным верхом я заменила на белый «мерседес» с откидным верхом – просто для того, чтобы выгля-

деть несколько скромнее. Живущей в одиночестве свободной женщине не стоит привлекать к своей персоне излишнее внимание. А если говорить откровенно, мне просто очень захотелось купить новую машину. Обожаю запах новых машин.

Я никогда не оставляла белый «мерседес» на общей стоянке перед клубом, так как не хотела, чтобы со всех сторон его били и царапали. За нашим зданием оборудована специальная парковка для машин сотрудников с отдельным, очень удобным въездом. Там у меня имелось собственное место – достаточно просторное, чтобы рядом не оказалось других машин, – как раз перед входной дверью. Как видите, быть хозяйкой порой не так уж плохо. А поскольку я к тому же оказалась рачительной хозяйкой, то с тыльной стороны здания устроила металлический навес, чтобы к машинам можно было беспрепятственно подойти в любую погоду. В дождь сотрудники особенно ценили такую заботу.

Разумеется, я босс, но никогда не стремилась самоутвердиться любым способом. Кроме уютного местечка на стоянке, мне не требовалось никаких особенных привилегий. Все-таки основное преимущество состояло в регулярных автографах на чеках. Я действительно единолично распоряжалась деньгами и принимала все основные решения, однако делала это заботливо и обдуманно. Сотрудники получали достойную медицинскую страховку, в которую входили и услуги стоматолога; хорошую зарплату, подкрепленную возмож-

ностью в свободное время давать частные уроки за дополнительную плату, а также щедро оплаченные отпуска. Понятно, что при таких условиях наше заведение никогда не страдало текучестью кадров. В определенной степени смена состава неизбежна, поскольку жизнь диктует свои условия, люди меняют род деятельности, переезжают с места на место и все такое прочее, но на аналогичную работу от меня редко кто уходил. Кадровая стабильность очень полезна для бизнеса. Клиентам нравится чувствовать, что они хорошо знакомы с преподавателями и тренерами.

Обычно клуб закрывался в девять вечера, и я нередко оставалась до самого конца, чтобы проверить, все ли в порядке, и запереть двери. Сотрудники торопились домой или куда-нибудь, где можно приятно провести вечер. Я вовсе не хочу сказать, что мне самой некуда пойти. Должна признаться, что в тридцать лет личная жизнь действительно была не настолько активной, как сразу после развода, но ведь «Фанаты тела» занимали почти все мое время. Клуб жил, развивался и стал неотъемлемой частью моего существования, так что о бизнесе приходилось неустанно заботиться. Немаловажно и то, что я подходила к свиданиям творчески: допустим, мы с молодым человеком встречались за ленчем. Такой вариант особенно выручал, если парень не оправдывал надежд: ведь ленч быстро заканчивается. Поели и разбежались. Так что если новый приятель не по душе, нет необходимости «отшивать» его или придумывать какие-то неуклю-

жие отговорки и извиняться за то, что его не приглашают домой. Ленч – очень хорошая идея и позволяет решить немало проблем. Если партнер по столику нравится, сразу открываются новые возможности, вплоть до настоящего свидания после работы или в воскресенье, когда «Фанаты тела» закрыты.

Так вот, в тот самый вечер, о котором пойдет речь (надеюсь, я не забыла сказать, что оказалась свидетельницей убийства?), я, как всегда, заперла клуб. Правда, немного позже, чем обычно, поскольку пришлось потренироваться самой – ведь в любой момент может понадобиться как бы между прочим сделать «колесо» или сальто. Работала я старательно, а потому после тренировки приняла душ и даже вымыла голову. Потом собрала вещи и направилась к служебному выходу. Выключила в здании свет, открыла дверь и вышла под навес.

Впрочем, нет, подождите! Я забегаю вперед: сначала надо рассказать о Николь.

Николь Гудвин – «зовите меня Никки» – изрядно отравляла мне жизнь. Она появилась в «Фанатах тела» около года назад и сразу принялась сводить меня с ума, хотя сама я осознала это лишь пару месяцев спустя. Эта особа отличалась тем чувственным, чуть хрипловатым голоском, от которого сильные мужчины моментально тают. За этот ее голосок мне хотелось немедленно придушить Николь. Чем же подкупает мужиков это воркование в духе Мэрилин Монро? Когда Ни-

коль говорила, все вокруг словно покрывалось густым слоем меда; странно, что окружающие не прилипали к полу и стенам. Спасибо, хоть не накручивала на палец прядь волос.

Но этого милашка не делала лишь потому, что этого не делала я, конечно, если не приходилось кого-то отчаянно распекать и нервничать. В здравом уме я, как правило, веду себя более профессионально.

Короче говоря, Николь постоянно обезьянничала. И подражала она именно мне. Копировала каждую мелочь во внешности и в поведении.

Прежде всего волосы. Естественный цвет волос Николь можно было бы назвать светло-русым, но уже через две недели после появления в «Фанатах тела» она превратилась в золотистую блондинку с пепельными прядями. То есть в точности переняла цвет моих волос. Я не сразу уловила суть перемены, так как ее волосы гораздо короче. Только спустя некоторое время, когда разрозненные мелкие детали начали складываться в единое целое, стало ясно, что она окрасилась именно под меня. Потом дело дошло и до прически: Николь начала собирать волосы на затылке в «конский хвост», чтобы они не мешали во время тренировки. Догадайтесь, кто еще делал то же самое, чтобы волосы не болтались?

Собираясь на работу, я обычно наношу самый скромный макияж, потому что считаю это пустой тратой времени: если девушка блестит от пота, макияж теряет смысл. А кроме того, у меня хорошая кожа, густые темные брови и ресни-

цы, так что особенно мне волноваться не приходится. Однако мне очень нравится очищающий лосьон, от которого кожа приобретает нежное сияние. Николь поинтересовалась, каким именно лосьоном я пользуюсь, и я, как последняя простушка, сказала правду. Буквально на следующий день кожа Николь тоже засияла.

Очень скоро ее одежда стала подозрительно напоминать мою: обтягивающие лосины и гетры во время занятий, а в перерывах, когда я наблюдала за тренировками других, еще и шаровары для йоги. Николь тоже начала щеголять в трико и гетрах, а когда болталась по клубу, поверх них натягивала шаровары. Я не случайно сказала «болталась». Судя по всему, бюстгальтера в ее гардеробе просто не существовало, в то время как Николь принадлежала к числу тех женщин, которым он просто необходим. Мужская половина моего клуба (мне очень нравится это выражение) явно наслаждалась зрелищем, но у меня самой от всех этих бесконечных встряхиваний и покачиваний тут же начинала жутко болеть голова, а потому, если мне случалось общаться со столь неприятной особой, приходилось смотреть исключительно ей в глаза.

И вот настал день, когда мучительница купила белый автомобиль с откидным верхом. Это был не «мерседес», а «мустанг», но все же белый и с откидным верхом. Куда уж дальше?

Возможно, я должна была бы чувствовать себя польщенной, но этого не случилось. Николь подражала мне вовсе не

из восхищения и любви. Думаю, она ненавидела меня лютой ненавистью. В разговоре фальшивая любезность перехлестывала через край, если вы понимаете, что я имею в виду. Если Николь щебетала: «О, дорогая, какие у тебя сегодня очаровательные сережки!» – то это надо было понимать примерно так: «Ты, сука, с какой радостью я вырвала бы их вместе с твоими пакостными ушами!»

Кто-то из членов клуба – разумеется, женщина, – глядя вслед трясущей всем, чем только можно, Николь, однажды заметил:

– Эта девица готова собственными руками перерезать тебе горло, сбросить тело в канаву, облить бензином, поджечь и оставить пылать. А потом, когда догорит, вернуться и станцевать на пепле жигу.

Понятно? Так что я ничего не выдумываю.

Поскольку заведение относилось к разряду открытых и общедоступных, мне приходилось принимать в клуб каждого, кому приходило в голову заняться фитнесом. Как правило, ничего страшного не случалось и занятия проходили спокойно и эффективно. Однако в договоре о вступлении в клуб, который в обязательном порядке подписывали все клиенты, существовал один пункт. В нем говорилось, что если в течение календарного года на подписавшего договор поступало три жалобы от других членов клуба – например, на поведение в раздевалке, нарушение правил приличия и тому подобное, – то по истечении обозначенного срока абонемент

больше не возобновлялся.

Профессиональная этика категорически запрещала вычеркнуть Николь из списков только потому, что эта особа беспредельно меня раздражала. Придерживаться правила было нелегко, но я старалась изо всех сил. Однако Николь нервировала, оскорбляла и даже приводила в бешенство почти каждую из женщин, с которыми ей доводилось общаться в течение дня. Она устраивала в раздевалке кавардак, а убирать за собой предоставляла другим. Позволяла себе двусмысленные, а порой и грубые замечания в адрес тех, кто не мог похвастаться телом Венеры. Узурпировала тренажеры, полностью игнорируя правило о тридцатиминутном ограничении.

Большей частью недовольство выливалось в перебранки, но, слава Богу, некоторые из обиженных приходили ко мне с горящими от праведного гнева глазами и требовали принять официальную жалобу.

Ко времени окончания срока абонемента в папке Николь скопилось куда больше, чем три официальных жалобы. Таким образом, я получила возможность поставить ее в известность – разумеется, в очень вежливой форме – о том, что абонемент возобновлению не подлежит и ей необходимо как можно быстрее освободить шкафчик в раздевалке.

В ответ раздался такой оглушительный вопль, что, наверное, испугались пасущиеся в соседнем округе коровы. Николь орала, обзывала меня сукой, шлюхой и прочими отвра-

тительными словами, которые даже повторять не хочется. Но это были лишь цветочки. Брань становилась все громче и яростнее, привлекая внимание всех и каждого. Думаю, психопатка ударила бы меня, если бы не была уверена, что, подерживая прекрасную физическую форму, я не задумываясь дам сдачи, причем гораздо сильнее. Поэтому на этот раз она ограничилась тем, что сбросила на пол все, что находилось на моем столе – пару горшков с цветами, заявления по поводу вступления в клуб, несколько ручек, – и пулей вылетела из офиса, на ходу выпалив, что в дальнейшем намерена общаться со мной исключительно через адвоката.

Прекрасно. Все, что угодно. Мой адвокат сможет встретиться с ее адвокатом в любое время. Несмотря на молодость, юрист Шона Мэллори отличалась железной хваткой и не боялась рискованных шагов. Эти черты она унаследовала от мамы.

Собравшиеся поглазеть на ярость Николь женщины пришли от зрелища в бурный восторг, а едва за ней захлопнулась дверь, даже начали аплодировать. Мужчины выглядели озадаченными. Я же ощущала острое разочарование, поскольку злодейка так и не освободила шкафчик. Это означало, что предстояло еще раз впустить ее на территорию клуба, чтобы она смогла забрать оставшиеся пожитки. Мне вдруг пришло в голову спросить у Шоны, нельзя ли назначить для визита Николь конкретное время и пригласить полицейского, чтобы тот, во-первых, явился свидетелем опустошения шкафчика,

а во-вторых, в случае необходимости защитил всех нас от очередного приступа бешенства.

Остаток дня прошел в золотом сиянии. Наконец-то я освободилась от Николь! Даже наведение порядка показалось мне делом не слишком обременительным; главное, что этой отвратительной гадины больше нет, нет, нет!

Ну ладно. Это то, что касается Николь Гудвин.

А теперь вернусь к рассказу о том, как я поздним вече ром вышла через служебную дверь и что случилось потом.

Фонарь на углу освещал стоянку, но все вокруг тонуло во тьме. Моросил мелкий нудный дождик, и я даже позволила себе выругаться, поскольку мою белую машину ожидало тяжелое испытание уличной грязью. Кроме того, город погружался в туман. Дождь и туман – не самое удачное сочетание. К счастью, у меня не вьющиеся волосы, так что в подобных ситуациях хотя бы не приходится волноваться насчет дурацких бараньих кудряшек.

Если уж судьба приказывает стать свидетелем из ряда вон выходящего события, то имеет смысл выглядеть как можно лучше.

Я заперла дверь и огляделась. В дальнем углу парковки стояла машина. Белый «мустанг». Меня поджидала Николь, черт ее подери!

Моментально насторожившись и слегка волнуясь – в конце концов, она ведь уже успела показать, на что способна в минуту бешенства, – я отступила на шаг для того, чтобы сте-

на оказалась за моей спиной и злодейка не смогла напасть на меня сзади. Ожидая, что она сейчас выйдет из тени, я быстро посмотрела по сторонам. Однако стояла полная тишина, ничего не происходило, и я снова перевела взгляд на «мустанг», решив, что Николь сидит в машине и выжидает, когда я уеду. Что она собирается делать? Ехать следом? Столкнуться «мерседес» с дороги? Поравняться со мной и выстрелить в упор? Ожидать можно было чего угодно.

Дождь и туман мешали разглядеть, сидел ли кто-нибудь в машине. Однако вскоре мне удалось различить полускрытую «мустангом» фигуру, и я смогла заметить светлые волосы. Тут же достав из сумки сотовый телефон, я включила его, решив, что если агрессор сделает хотя бы один шаг в моем направлении, тут же наберу 911.

В этот момент фигура возле машины зашевелилась и сдвинулась. От Николь отделилась более крупная и густая тень. Мужчина. Ах, черт, она уже успела притащить кого-то себе в помощь!

Я нажала «девятку» и первую «единицу».

Оглушительный треск заставил меня подпрыгнуть не меньше чем на фут; первой моей мыслью было, что совсем близко во что-то ударила молния. Однако не последовало ни ослепительной вспышки, ни вибрации. И тогда меня осенило, что страшный треск скорее всего был выстрелом, а целью этого выстрела была именно я. Заверещав от животного ужаса, я шлепнулась на четвереньки за машину. Наверное,

собиралась закричать, но смогла издать лишь жалобный мышинный писк. Я была испугана до полусмерти: Николь привезла не громилу – нет, она наняла убийцу.

Сотовый выпал у меня из рук, и найти его в темноте никак не удавалось. Приходилось постоянно оглядываться по сторонам, а потому смотреть на землю было просто некогда. Я попыталась провести рукой по асфальту в надежде разыскать телефон на ощупь. О, черт, а если тот, кто стрелял, пошел смотреть, попал ли он в цель? Что делать? Лежать неподвижно и притвориться мертвой? Ползком залезть под машину? Попытаться вернуться в здание и запереть за собой дверь?

Раздался звук мотора. Я подняла голову и увидела, как по узкой боковой улице проехал темный седан и тут же исчез за углом. Было слышно, как машина притормозила и остановилась у пересечения с проходившей перед клубом широкой четырехрядной улицей, а потом влилась в не слишком густой в это позднее время поток транспорта. В какую сторону она повернула, я так и не поняла.

Уехал ли это тот, кто стрелял? Если на стоянке находился кто-то еще, то этот человек наверняка услышал выстрел и вряд ли нашел бы в себе силы так спокойно уехать. Единственным нерастерявшимся водителем мог оказаться только сам стрелявший, разве не так? Любой другой потерял бы голову и сейчас изо всех сил удирал бы восвояси. Я и сама отчаянно об этом мечтала.

Все происходило совсем в духе Николь: она даже не удосу-

жилась нанять нормального киллера. Наверное, именно поэтому стрелявший не счел нужным проверить, действительно ли я мертва. Но если он уехал, то где же сама виновница «торжества»? Я ждала, прислушиваясь, однако тишину не нарушали ни звуки шагов, ни шум автомобильного мотора.

Я улеглась на живот и осторожно выглянула из-за переднего колеса. Белый «мустанг» продолжал стоять на парковке, а вот Николь нигде не было видно.

Выстрел никого не взволновал: не подбежали случайные прохожие, чтобы посмотреть, что же произошло, и поинтересоваться, есть ли раненые. Клуб «Фанаты тела» располагался в очень благополучном районе, в окружении небольших магазинов и ресторанов. Жилых домов рядом не было, да и торговые заведения обслуживали главным образом местный бизнес, так что рестораны закрывались около шести, а магазины почти сразу вслед за ними. Если кто-нибудь из членов нашего клуба решал вечером, после занятий, подкрепиться, то к ближайшему заведению ему приходилось ехать пять кварталов. До сих пор мне и в голову не приходило, насколько одинокой и беспомощной оказывалась наша парковка в поздние часы.

Я оставалась в полном одиночестве. Никто, кроме меня, выстрела не слышал.

Предстояло выбрать один из двух возможных вариантов поведения. Ключи от машины лежали в кармане. Вообще-то у меня было две связки ключей, потому что количе-

ство клубных дверей делало одну связку слишком тяжелой и неудобной, особенно если приходилось заниматься какими-нибудь делами или ходить по магазинам. Поэтому достать ключи от машины не представляло никакого труда: я могла моментально это сделать, открыть машину дистанционным пультом и прыгнуть в нее прежде, чем Николь успела бы до меня добраться, если, конечно, она уже не стояла рядом, с противоположной стороны машины. Правда, вероятность этого не слишком велика. Однако автомобиль, особенно с откидным верхом, не казался мне достаточно надежной защитой от агрессивной психопатки. Что, если она вооружена? Крыша не спасет от пули.

Второй вариант поведения заключался в том, чтобы вытащить из сумки связку ключей от дверей клуба, нащупать среди них нужный, отпереть служебную дверь и скрыться в здании. Времени на это уйдет больше, но за запертой дверью я буду чувствовать себя куда спокойнее.

Правда, существовал и третий вариант – постараться разыскать Николь и напасть на нее. Возможно, я именно так и поступила бы, если бы была вполне уверена, что она не вооружена. Однако я этого не знала, а рисковать собственной жизнью не собиралась. Я, конечно, блондинка, но все же не безнадежная дурочка.

Кроме того, подобная схватка неизбежно закончилась бы парой сломанных ногтей, а это слишком серьезная жертва.

Взвесив все «за» и «против», я пошарила в сумке и отыс-

кала ключи от клуба. Брелок имел ограничитель, чтобы ключи не крутились, так что они всегда находились в определенном порядке. Тот, которым отпиралась служебная дверь, был первым слева. Я зажала его в руке и на корточках, ушным шагом, добралась до двери. Упражнение выглядит ужасно, однако очень полезно для бедер и ягодиц.

Никто на меня не напал. Стояла полная тишина, если не считать приглушенного шума проезжающих по соседней улице машин. Неподвижность и безмолвие казались призрачными и куда более зловещими, чем шум и суета, неизбежные в том случае, если бы Николь с криком выскочила из-за машины и набросилась на меня. Вообще-то я не предполагала, что красотка способна на подобные прыжки: для этого надо обладать отличной гимнастической формой, а она могла только пыль в глаза пускать. Николь не умела делать даже шпагат, а уж о сальто и говорить нечего – сиськи наверняка бы перевесили, и она шлепнулась бы прямо на собственную смазливую физиономию.

Боже, хотела бы я хоть раз в жизни увидеть, как это чучело делает сальто!

Руки дрожали совсем чуть-чуть – ну хорошо, больше, чем чуть-чуть, – однако отпереть дверь мне все-таки удалось, причем с первой же попытки. Я буквально ввалилась внутрь, причем довольно неудачно, и больно ударилась правой рукой о косяк. Захлопнув дверь, заперла ее на задвижку и, опасаясь новых выстрелов, отползла прочь.

На ночь я всегда оставляла включенными две слабые дежурные лампочки, но они освещали лишь парадный фасад. Выключатель служебного коридора находился, разумеется, возле самой двери, а рисковать я не собиралась. Не видя ничего вокруг, я продолжала ползти по темному коридору, на ощупь определив, что уже миновала женский туалет для персонала – мужской располагался в другом конце, – потом комнату отдыха и наконец оказалась у третьей двери, за которой скрывался мой собственный офис. Я почувствовала себя добравшимся до родного окопа пехотинцем. Безопасность!

Под надежной защитой стен и запертой двери я наконец-то осмелилась подняться на ноги и даже включить свет. Потом торопливо и сердито набрала спасительный номер 911. Если бандитка надеялась, что я не займусь ее арестом вплотную, значит, она недооценивала мою ярость.

Глава 2

Ровно через четыре минуты и двадцать семь секунд, ярко осветив фарами темную улицу, перед парковкой остановилась черно-белая полицейская машина. Я потому с такой точностью называю время, что не сводила глаз с часов. Когда человек сообщает оператору службы 911, что в него только что стреляли, он, естественно, ожидает срочной помощи от той самой полиции, которую регулярно поддерживает налоговыми отчислениями. Какая-то часть моей души явно стремилась к героическим поступкам, и потому я пыталась сохранять мир даже с самыми сложными людьми: ведь окружающие куда лучше идут на контакт, если не придираешься к каждой мелочи. Так что я всегда старалась вести себя как можно любезнее со всеми, кроме собственного бывшего мужа. Однако при возникновении опасности для собственной жизни все высокие материи тут же отступают в сторону.

Не могу сказать, что, увидев полицейских, я впала в истерику или каким-то иным способом проявила слабость. Я не выбила дверь и не бросилась на грудь ребятам в темно-синей форме. Может быть, это и стоило бы сделать, но они выскочили из своей машины, держа руки на кобуре, так что я всерьез испугалась, что, если побегу, в меня тут же начнут стрелять. А впечатлений для одного вечера было с меня уже достаточно. Поэтому я просто включила свет и отперла парад-

ную дверь. Но из дома не вышла, а просто встала так, чтобы полицейские могли меня видеть, а сучка-психопатка – нет. К тому же дождь разошелся не на шутку, и мокнуть мне совсем не хотелось.

Я вела себя совершенно спокойно. Не прыгала и не вопила как резаная. Потоки адреналина захлестывали, а стресс давил так, что я тряслась с ног до головы и очень хотела позвать на помощь маму, однако мужественно взяла себя в руки и даже не заплакала.

– Поступило сообщение о стрельбе в этом квартале, мэм, – заявил один из полицейских, как только я отступила в сторону, освобождая им проход. Ребята внимательно осматривали каждый закоулок просторного пустого холла, очевидно, выискивая вооруженных преступников. Тот, который заговорил, был крепким парнем лет двадцати восьми, с коротко стриженными волосами и мощной шеей. Внешность его свидетельствовала о регулярных и настойчивых тренировках, хотя полицейский не принадлежал к числу моих клиентов – своих я всех знала в лицо. Может быть, после того как Николь арестуют и упрячут в психушку, я смогу порекомендовать ему свое заведение? Ведь никогда не стоит упускать возможность расширить круг членов клуба, правда?

– Если говорить точно, то выстрел был только один. – Я протянула руку. – Блэр Мэллори, владелица клуба «Фанаты тела».

Похоже, полицейские не привыкли к формальным пред-

ставлениям. Оба явно оторопели. Второй коп выглядел еще моложе и казался совсем мальчишкой, однако он первым пришел в себя и догадался пожать протянутую руку.

– Мэм, – вежливо произнес он, а потом вынул из кармана небольшой блокнот и записал мое имя. – Я офицер Бар-стоу, а это офицер Спенглер.

– Спасибо за то, что так быстро приехали. – Я одарила полицейских лучшей из возможных в данной ситуации улыбок. Да, дрожь до сих пор не прошла, но вежливость превыше всего.

Ребята немного расслабились, так как убедились, что оружия у меня нет. На мне были короткий розовый топик и черные шаровары для йоги, в которых не было даже карманов, чтобы что-нибудь спрятать. Офицер Спенглер мужественно убрал руку с кобуры.

– Что здесь происходит? – решил уточнить он.

– Сегодня днем произошла небольшая неприятность с одной из клиенток, Николь Гудвин. – Имя было тщательно записано в блокнот офицера Барстоу. – Дело в том, что из-за множества жалоб, поступивших от других членов клуба, я отказала ей в продлении абонемента. Женщина пришла в ярость, принялась крушить все вокруг, обзывать меня неприличными словами – одним словом, взбесилась не на шутку.

– Она вас ударила? – спросил Спенглер.

– Нет, но вечером поджидала меня на улице. Ее маши-

на оказалась на парковке за зданием, то есть там, где обычно оставляют машины только сотрудники. Когда я звонила в службу спасения, машина все еще была на прежнем месте, хотя сейчас, возможно, ее уже там нет. Рядом с машиной я видела саму Николь и еще кого-то, как мне показалось, мужчину. Услышав выстрел, я очень испугалась и тут же спряталась за свою машину, а потом, по-моему, мужчина уехал, а Николь осталась. Во всяком случае, остался ее белый «мустанг». Пригибаясь, я осторожно добралась до здания, заперлась и набрала 911.

– Вы уверены, что слышали именно выстрел?

– Да, конечно.

Дело в том, что я живу на юге США, а именно в штате Северная Каролина, так что знаю, как звучат выстрелы. Да и сама когда-то стреляла из охотничьего ружья. Когда мы ездили в деревню к маминым родителям, дед частенько брал меня охотиться на белок. К сожалению, он умер, когда мне едва исполнилось десять, и с тех пор я больше на охоту не ходила. Но звук выстрела сохранился в памяти навсегда, даже если бы телевизор не напоминал о нем с таким постоянством.

Должна сказать, что копы вовсе не бросились со всех ног к машине, где, вполне возможно, скрывалась вооруженная психопатка. Удостоверившись, что белый «мустанг» все еще стоит на служебной парковке, офицеры Барстоу и Спенглер начали переговоры по ловко прикрепленным на плече у каждого симпатичным маленьким рациям. Через несколько ми-

нут приехала еще одна черно-белая полицейская машина, и из нее выскочили офицеры Уошингтон и Вискосай. С Мариусом Уошингтоном мы когда-то учились в одном классе, так что он едва заметно кивнул мне и улыбнулся. Однако уже в следующее мгновение темное, словно высеченное из камня лицо его снова стало серьезным. Вискосай был невысоким, коренастым и почти лысым.

Мне приказали остаться в здании, и я с большим удовольствием подчинилась. Четверо полицейских осторожно вышли под дождь, в кромешную тьму, чтобы узнать у Николь, какого черта она здесь делает.

Я оказалась настолько послушной – и уже это доказывает степень моего потрясения, – что так и стояла на одном месте совершенно неподвижно. Через некоторое время вернулся офицер Вискосай и смерил меня очень внимательным, изучающим взглядом. Честно говоря, я даже немного растерялась.

– Мэм, – вежливо произнес полицейский после продолжительной паузы, – не хотите ли присесть?

– С удовольствием, – так же вежливо ответила я и опустилась на один из стульев для посетителей. Интересно, что происходит на улице и сколько еще продлится вся эта история?

Через несколько минут подъехали еще несколько полицейских машин с ярко горящими фарами. Моя парковка начинала напоминать территорию департамента полиции. Гос-

поди, неужели Николь так разбушевалась, что с ней не могли справиться четверо полицейских и им потребовалось подкрепление? Должно быть, эта особа еще более ненормальная, чем казалось сотрудникам и членам нашего клуба. Говорят, когда у человека едет крыша, он неожиданно обретает колоссальную силу. Николь же определенно была не в себе. Я поежилась, представив, как она расшвыривает копов направо и налево, все ближе подбираясь ко мне. Может, стоит забаррикадироваться в офисе?

Офицер Вискосай явно не собирался строить баррикады. Больше того, постепенно складывалось впечатление, что достойный служитель закона не столько защищал меня, как казалось поначалу, сколько охранял. Словно хотел убедиться, что я... не сделаю ничего плохого.

Ну и ну...

В голове моей один за другим начали созревать самые фантастические сценарии. Если полицейский следит, чтобы я что-то не сделала, то в чем именно заключается это «что-то»? Что предосудительного могу я предпринять? Пойти в туалет? Начать приводить в порядок бумаги на столе? И то и другое было просто необходимо сделать, хотя и с разной степенью срочности, однако такие поступки вряд ли могли заинтересовать полицию. Во всяком случае, хотелось верить, что офицера Вискосая эти пункты повестки дня не касались, особенно первый.

Углубляться в подобные рассуждения не имело смысла, а

потому усилием воли я привела мысли в порядок.

Вряд ли полицейские опасались, что я неожиданно приду в ярость, выскочу на улицу и нападую на Николь прежде, чем они смогут меня остановить. Если не доводить меня до иступления, то, как правило, я и выгляжу прилично, и веду себя очень спокойно и сдержанно.

Думаю, вы уже поняли, что при желании я могу до бесконечности мысленно кружить вокруг какого-то неприятного вопроса, если не готова подступить к нему вплотную.

И вот сейчас мне совсем не хотелось думать о том, почему офицер Вискосай стоял надо мной, словно конвоир. Ну вот просто совсем не хотелось.

К сожалению, встречаются ситуации, которые невозможно игнорировать. Реальность возникла в моем мозгу как-то совершенно неожиданно. Шок оказался сродни удару, я даже дернулась на стуле.

– О Господи! – пробормотала я. – Ведь этот выстрел предназначался вовсе не мне, так ведь? Николь... мужчина выстрелил в нее, правда? Он убил... – Я хотела сказать «ее», но неожиданно к горлу моему подступила тошнота, и потребовалось срочно сглотнуть и глубоко вздохнуть. В ушах возник противный звон, и я поняла, что сейчас совершу какой-нибудь не слишком изящный поступок, например, упаду в обморок. Поэтому пришлось наклониться, свесить голову между колен и начать дышать как можно глубже.

– С вами все в порядке? – спросил офицер Вискосай.

Его голос едва пробивался сквозь противный звон в ушах. Я взмахнула рукой, показывая, что пока еще в сознании, и сконцентрировалась на дыхании. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Главное – представить себя в классе йоги.

Постепенно звон в ушах начал стихать. Я услышала, как открылась входная дверь и раздались шаги сразу нескольких человек.

– Что с ней? – поинтересовался кто-то. Я снова помахала рукой.

– Сейчас, одну минутку, – удалось мне произнести, хотя слова были обращены к полу. Еще тридцать секунд дыхательной гимнастики, и тошнота отступила. Я осторожно выпрямилась.

Вошедших оказалось двое. Одежда их была сырой от дождя, а мокрая обувь оставляла на блестящем полированном полу грязные следы. Полицейские сняли резиновые перчатки. На одной перчатке я заметила что-то красное и мокрое, и комната моментально закружилась. Пришлось снова срочно свесить голову между колен.

Поверьте, я вовсе не нежное и хрупкое создание, но в этот день с самого ленча ничего не ела, а было уже часов десять вечера, если не больше, так что уровень сахара в крови скорее всего понизился до критической отметки.

– Может быть, нужна медицинская помощь? – участливо поинтересовался один из полицейских.

Я покачала головой:

– Все в порядке, но было бы здорово, если бы кто-нибудь принес мне попить из холодильника в комнате отдыха. – Я показала вдоль коридора. – Это вон там, за офисом. Или газировку, или бутылку со сладким чаем.

Офицер Вискосай направился было к холодильнику, но товарищ остановил его:

– Подожди. Надо проверить парадный вход.

Он ушел, а Вискосай остался на месте. Второй из пришедших с улицы полицейских сел рядом со мной. Его обувь мне очень не понравилась. Так как я все еще сидела опустив голову, то смогла как следует ее рассмотреть. Это оказались черные остроносые сапоги, и они были совсем мокрыми – вода даже собиралась в капли и стекала на пол. Брюки снизу тоже намокли.

– Детектив Форестер, – представился человек.

Я осторожно приподняла голову и вытянула правую руку.

– Блэр Мэллори.

Едва не добавила «рада познакомиться», что, конечно, было неправдой, по крайней мере в данных обстоятельствах.

Как и офицер Барстоу, детектив сжал мою руку и коротко встряхнул. Рукопожатие оказалось очень хорошим: не слишком крепким и в то же время совсем не слабым. О человеке можно многое узнать по рукопожатию.

– Мэм, вы можете рассказать, что здесь сегодня произошло?

Детектив показался мне воспитанным. Я осторожно при-

няла вертикальное положение. Испачканных красным резиновых перчаток видно не было, так что, вздохнув с облегчением, я принялась пересказывать то, что уже говорила офицерам Барстоу и Спенглеру. Вискосай наконец-то принес из холодильника чай. Прежде чем передать мне бутылку, он даже любезно ее открыл. Я сделала основательную паузу, чтобы поблагодарить и выпить несколько глотков холодного сладкого напитка, а потом продолжила рассказ.

Когда я закончила, детектив Форестер представил мне своего коллегу, детектива Макинниса. Снова состоялось формальное знакомство с рукопожатием. Детектив Макиннис подвинул один из стульев и сел вполоборота ко мне. Он выглядел немного старше и солиднее своего товарища; в волосах пробивалась седина, а на щеках темнела трехдневная щетина. Однако несмотря на повышенную ворсистость, полицейский казался скорее жестким, чем мягким и пушистым.

– Когда вы открыли служебную дверь и вышли, почему вас не заметил тот человек, который находился рядом с мисс Гудвин? – начал допрос детектив.

– Я выключила свет в коридоре.

– Как же вам удалось отпереть дверь, если было совсем темно?

– Дело в том, что я делаю это практически одновременно, – пояснила я. – Наверное, иногда какую-то долю секунды свет еще горит и при открытой двери, а иногда гаснет чуть

раньше, чем дверь откроется. Сегодня, после того как ушел последний из сотрудников, я закрыла дверь на задвижку, потому что решила задержаться и, естественно, не хотела, чтобы кто-нибудь вошел. Поэтому, выходя, я держала ключи в правой руке, а левой отодвинула задвижку и открыла дверь, одновременно выключив свет.

Я махнула правой рукой сверху вниз, показывая, как это обычно делается. Ведь мы почти всегда что-то держим в руках и все же умудряемся и отпереть дверь, и включить или выключить свет. Все так делают, то есть, конечно, те, у кого есть руки. К счастью, они есть у большинства людей; тем же, у кого рук нет, приходится сложнее, но у меня-то руки определенно имелись, в этом сомневаться не приходилось. Вот опять я начала мысленно танцевать вокруг да около. Глубоко вздохнув, постаралась привести мысли в порядок.

– Все зависит от координации движений, но по крайней мере в половине случаев дверь открывается уже в полной темноте. Хотите, покажу?

– Может быть, позже, – остановил меня детектив Маккиннис. – И что же произошло после того, как вы открыли дверь?

– Вышла, заперла дверь и обернулась. Именно в этот момент я и увидела «мустанг».

– А раньше вы его не замечали?

– Нет. Моя машина стоит прямо против двери, а, выходя за порог, обычно я сразу поворачиваюсь, чтобы запереть за-

мок.

Детектив методично задавал вопрос за вопросом, тщательно выясняя мельчайшие детали, а я терпеливо ему отвечала. Рассказала, как, едва услышав звук выстрела, тут же шлепнулась на землю. Показала грязные пятна на одежде. Заодно обнаружила, что ободрала левую ладонь. Может, кто-нибудь сумеет мне объяснить, почему ссадина, о которой я раньше даже не подозревала, начала жутко болеть, едва попав в поле зрения? Невольно скорчив гримасу, я попыталась оторвать грязный кусочек кожи.

– Мне необходимо срочно вымыть руки. – Бесконечные вопросы все-таки пришлось прервать.

Оба джентльмена ответили типично полицейскими взглядами.

– Чуть позже, – сухо отказал Макиннис. – Мне бы хотелось закончить разговор.

Прекрасно, пусть будет так. Все понятно. Николь убита. Сегодня мы с ней крупно повздорили, а на месте преступления, кроме меня, никого не оказалось. Детективы должны отработать все версии, а поскольку самой очевидной версией оставалась именно я, то с меня они и начали.

Неожиданно в памяти всплыл сотовый телефон.

– Да, еще вот что: в тот момент, когда раздался выстрел и я шлепнулась в грязь, я как раз набирала номер 911. От неожиданности я уронила телефон и найти его так и не смогла. Может быть, кто-нибудь посмотрит около моей машины?

Он должен быть там.

Макиннис кивнул Вискосаю, и тот, достав фонарик, отправился выполнять поручение. Через несколько минут он вернулся с телефоном и отдал его детективу.

– Лежал под машиной экраном вниз, – сообщил он. Детектив взглянул на экран. Когда начинают набирать номер, экран освещается, но ненадолго. Примерно через полминуты он гаснет. Однако если вы при этом слегка надавите на панель, он остается на экране. Так что в ярко освещенной приемной клуба цифры на моем телефоне должны были быть видны даже без подсветки.

Я очень устала и проголодалась, к тому же пережила испуг и вообще едва не упала в обморок от того, что Николь застрелили прямо у меня на глазах. Мне очень хотелось, чтобы дотошные детективы наконец покончили с первой версией, то есть со мной, и перешли к следующей. Тогда можно было бы куда-нибудь спрятаться и вдосталь поплакать. Поэтому я сказала:

– Понимаете, я же здесь одна, а значит, вам удастся услышать только мою версию событий. Так, может быть, как-нибудь ускорим процесс? Что, если применить детектор лжи?

Согласна, идея не самая гениальная, да и сердце мое в этот момент стучало с такой бешеной скоростью, что я испугалась за сохранность полиграфа, если он действительно будет применен. И попыталась придумать что-нибудь еще, чтобы отвлечь детективов от идеи немедленного использования ап-

парата. Не знаю, проводят ли они вообще подобные тесты, но мне рисковать совсем не хотелось. Кроме того, я не раз смотрела по телевизору фильмы о полицейских и знаю, что у них есть надежные способы определить, стрелял человек из пистолета или нет.

– А как насчет этих ваших хитрых тестов? – пропищала я. Детектив Макиннис прикусил губу – так, что лицо даже немного перекошилось.

– Хитрые тесты? – осторожно переспросил он.

– Вы должны понимать, о чем я. О моих руках. Вы же можете определить, стреляла я из пистолета или нет.

– О, – понимающе протянул Макиннис, кивнув и бросив на партнера многозначительный взгляд. Тот лишь что-то невнятно промычал. – Вы имеете в виду проверку на остаточные следы пороха?

– Да-да, конечно, – быстро согласилась я, понимая, что джентльмены изо всех сил сдерживаются, чтобы не рассмеяться; но иногда стереотип глупой блондинки может оказаться даже полезным. Чем менее угрожающе я буду выглядеть, тем лучше.

Детектив Макиннис все же решил воспользоваться дельным советом. Вскоре появился человек с небольшим чемоданчиком и произвел оперативную идентификацию стрелка. Тест состоял в том, что мои ладони протерли тампонами из специального волокна, после чего эти тампоны поместили в химический состав. Предполагалось, что если на руках оста-

лись следы пороха, то состав изменит цвет. Следов пороха не оказалось. Я, правда, думала, что полицейские чем-то брызнут мне на руки, а потом начнут светить специальной лампой, но техник сказал, что этот метод уже устарел. Каждый день приносит что-нибудь новое.

Однако несмотря на отрицательный результат, Макиннис и Форестер даже не подумали закончить процедуру. Они продолжали задавать мне вопросы. Спрашивали, разглядела ли я лицо мужчины, на какой машине он уехал и так далее, в том же духе. А тем временем и моя машина, и все здание клуба, и даже прилегающая территория подверглись самому тщательному досмотру. Очевидно, не обнаружив ничего подозрительного, в том числе и мокрой одежды, полицейские наконец оставили меня в покое, причем даже не взяли подпisku о невыезде.

Я знала, что Николь застрелили с очень близкого расстояния, ведь мужчина стоял рядом с ней. Поскольку лежала она возле своей машины в дальнем конце парковки, под дождем, а я была совершенно сухой, и не нашли мокрой одежды – это если бы я успела переодеться, – следовательно, убить ее я никак не могла. Мокрые следы на полу вели только от парадной двери, через которую входили полицейские; пол у служебного входа оставался совершенно сухим. Мои туфли тоже были сухими. Зато руки оказались грязными – свидетельство того, что я их не мыла. Да и на одежде отчетливо виднелась грязь. Сотовый телефон валялся под машиной, и на экране ясно

выделялись цифры 9 и 1, то есть начало номера 911. Короче говоря, картина полностью соответствовала моему рассказу, а это был хороший знак.

Я скрылась в туалете и первым делом решила самую неотложную проблему, а потом тщательно вымыла руки. Ссадина на ладони болела, поэтому я отправилась в офис и достала аптечку. Помазала рану антибактериальной мазью и прилепила огромный кусок пластыря.

Хотела было позвонить маме – вдруг кто-нибудь из знакомых уже поймал новость на полицейской волне и сообщил ей. Они с папой наверняка испугаются до полусмерти. Но потом подумала, что лучше спросить разрешения у полицейских. Выглянула в коридор, однако копы были поглощены работой. Беспокоить их не стоило. Если честно, я уже дошла до предела. Чувствовала себя совершенно разбитой. Дождь не прекращался, и его бесконечный стукдонимал еще больше. Фары стоящих машин ослепляли, от них разболелась голова. Полицейские тоже выглядели очень усталыми, а добавок еще и совсем мокрыми, несмотря на специальное снаряжение. Я решила, что самое лучшее сейчас – это сварить кофе. Разве копы могут его не любить?

Сама я предпочитаю ароматизированный кофе, а потому всегда держу в офисе разные добавки. Однако, как показывает жизненный опыт, мужчины не слишком склонны рисковать в отношении вкуса – во всяком случае, мужчины с юга. Житель Сиэтла даже бровью не поведет, если ему предложат

шоколадно-миндальный кофе или кофе с землянично-шоколадным наполнителем. Но южане, как правило, предпочитают, чтобы кофе обладал вкусом именно кофе и больше ничего. Поэтому специально для них я держу пачку традиционного классического кофе. Вот и сейчас я достала его из шкафа и насыпала в бумажный фильтр. Потом добавила щепотку соли, чтобы она нейтрализовала естественную горечь напитка, и совсем немного своего любимого шоколадно-миндального наполнителя. Мужчины вряд ли его ощутят, но он придаст напитку приятную мягкость.

Один кофейник я поставила под носик кофеварки, а другим начала наливать воду. Пока кофе варился, достала чашки из полистирола, молочник со сливками, красные пластмассовые ложечки и аккуратно расположила все это рядом с кофеваркой.

Вскоре дверь приоткрылась и показалась голова детектива Форестера – его явно привлек запах. Приятный джентльмен мгновенно заметил кофеварку и вошел.

– Только что сварила кофе, – пояснила я, делая глоток из своей персональной кружки – симпатичной, жизнерадостно-желтой, с начертанным большими лиловыми буквами дельным советом: «Прости своих врагов – они не ведают, что творят». Полистирол плохо реагирует на губную помаду, поэтому я предпочитаю настоящую керамическую посуду. Не то чтобы я регулярно красила губы, но, собственно, это особого значения и не имеет.

– Присоединитесь?

– У кошек есть хвост? – задал детектив риторический вопрос и направился к кофеварке.

– Это зависит от того, живут ли они на острове Мэн.

– Нет.

– В таком случае кошкам положено иметь хвост. Разумеется, если они не утратили его в результате какого-нибудь несчастного случая.

Форестер улыбнулся и налил себе чашку обжигающе горячего ароматного напитка. Должно быть, полицейские обладают особым телепатическим даром, посредством которого сообщают друг другу о наличии источника свежесваренного кофе. Иначе чем объяснить, что через несколько минут к двери офиса потянулась целая вереница блюстителей порядка – как в форме, так и в штатском? Один кофейник я поставила наверх, на нагреватель, а в саму машину вставила второй. Скоро емкости пришлось поменять местами, так как верхний кофейник мгновенно опустел.

Приготовление кофе позволило мне занять руки и частичную голову, а полицейским пусть немного, но все-таки скрасило тяготы службы. Сама я, выпив одну кружку, налила себе вторую. Все равно на сон надеяться не приходилось.

Я спросила у детектива Макинниса, можно ли позвонить маме, и он разрешил, но попросил немного подождать, так как скорее всего моя мать тут же примчится сюда, а ему хотелось сначала закончить все дела на месте преступления.

Согласившись с его доводами, я уселась за письменный стол и принялась маленькими глотками пить кофе, одновременно пытаясь унять дрожь, которая нападала совершенно неожиданно, внезапными приступами.

Все-таки надо было бы позвонить маме – пусть бы она прилетела и окружила любимое дитя заботой. Ночь казалась довольно мрачной, однако худшее еще ожидало впереди.

Глава 3

Вполне можно было предположить, что этот человек рано или поздно появится. Ведь он служил лейтенантом в департаменте полиции, а в таком городке, как наш, где всего лишь шестьдесят с небольшим тысяч жителей, убийства происходят далеко не каждый день. Так что возле моего клуба собрались, наверное, все дежурные полицейские, да и многие свободные от дежурства.

Сначала я слышала голос и лишь потом увидела его самого. Два года разлуки не помешали мне сразу узнать глубокий тембр и то своеобразное произношение, которое явно свидетельствовало, что обладатель его провел на юге далеко не всю жизнь. Да, в последний раз мы виделись два года назад, причем он ушел, даже не попрощавшись. И все же у меня в животе сразу что-то оборвалось – ощущение такое же, как на «чертовом колесе», когда начинаешь двигаться вниз. Целых два года прошло, а сердце так и норовит выскочить из груди.

Хорошо еще, что в тот момент, когда раздался знакомый голос, я находилась в офисе. Герой моего романа стоял за дверью и разговаривал со своими сотрудниками, а потому в запасе у меня оставалось несколько мгновений, чтобы приготовиться к встрече.

Да, нас с лейтенантом Бладсуортом связывала собствен-

ная история. Два года назад мы встречались – целых три раза. Звание лейтенанта ему присвоили относительно недавно, примерно с год назад, а в те времена он еще носил звание сержанта. Сержант Бладсуорт.

Может быть, и с вами случалось такое: вы встречаете незнакомого человека, и вдруг что-то происходит с вашей интуицией; каждый ваш гормон встает на цыпочки, вытягивает шею, чтобы как можно лучше видеть, а потом оглушительно кричит: «О Господи! Вот он! Да, это тот самый, которого ты так ждала! Немедленно хватай его и держи как можно крепче!»

Со мной подобное произошло с первого же приветствия. Между нами сразу начали происходить какие-то невероятные химические процессы. Едва я увидела Бладсуорта – а нас познакомила его мать, которая в то время посещала «Фанаты тела», – сердце мое в буквальном смысле затрепетало. Это повторялось при каждой встрече. Возможно, его сердце и не трепетало, но он сосредоточил внимание на моей персоне именно так, как это делают мужчины, когда видят некий объект, к обладанию которым страстно стремятся. Не важно, что это за объект: женщина или плазменный телевизор с огромным экраном. Искра взаимного узнавания оказалась сродни электрическому разряду.

Первое свидание прошло в тумане предвкушения. Первый поцелуй оказался подобен взрыву. Переспать с объектом страстного желания сразу, без промедления, мне поме-

шали два обстоятельства: а) это слишком вульгарно, б) я не приняла противозачаточную таблетку.

Должна признаться, что первое обстоятельство оказалось едва ли не более веским, чем второе, поскольку бушующие гормоны вопили во все горло: «Да, да! Я хочу от него ребенка!»

Гормоны – дураки. Прежде чем пускаться в любовную пляску, им бы стоило немного подождать и оглядеться, чтобы понять, как именно складываются обстоятельства.

Второе свидание оказалось еще более пылким. Поцелуй привел к почти полной утрате одежды. Остановиться меня заставило лишь обстоятельство «б», и это при том, что у партнера оказался кондом. Этим сомнительным изделиям я не доверяю с тех самых пор, когда после нашей с Джейсоном помолвки одно из них лопнуло в самый ответственный момент. Две недели я тряслась от страха, но, к счастью, все обошлось. Свадебное платье уже было готово к последней примерке, так что мама пришла бы в ярость, если бы, не дай Бог, талия невесты вдруг начала расползаться. Обычно я не слишком волнуюсь за мамины нервы – она в состоянии справиться с чем угодно, – но организация пышной свадьбы способна сломить даже самую стойкую и мудрую женщину.

Так что кондомы не для меня; ну разве что в качестве развлечения, если вы понимаете, о чем идет речь. Я твердо решила позаботиться о таблетках уже с самого начала следующего цикла, так как, заглянув в собственное будущее, уви-

дела в нем обнаженного Джефферсона Уайатта Бладсуорта, играющего в этом будущем огромную роль. Действительно огромную. Оставалось лишь продержаться ровно столько, сколько необходимо для полноценного действия таблеток.

На третьем свидании Уайатта словно подменили. Он был невнимательным и вялым, постоянно смотрел на часы, словно не мог дождаться, когда же можно будет наконец уйти. Прощальный поцелуй выглядел чистой условностью – так, холодное прикосновение чужих губ. Уходя, он даже не пообещал позвонить: видимо, не хотел врать, потому что действительно больше не позвонил. Не сказал вообще ничего, даже избитой фразы о том, что хорошо провел время. Больше мы с этим негодяем не встречались.

Я очень обиделась и рассердилась, и за эти два года ни обида, ни злость все еще не прошли. Как он мог так просто уйти, отказавшись от отношений, которые обещали перерасти в нечто необыкновенное? А если не чувствовал того, что чувствовала я, то зачем было срывать с меня одежду? Конечно, парни всегда так поступают, и благослови их за это Господь. Но когда выходишь из подросткового периода, начинаешь ожидать, что одной лишь похотью дело не ограничится, что лужа хотя бы немного углубится и превратится... ну по крайней мере в глубокую лужу, если уж не во что-то иное. Так что если приятель ушел лишь из-за того, что я дважды отказалась совокупляться, то, наверное, можно прекрасно обойтись и без него. Разумеется, я не позвонила и не

спросила, в чем дело и что произошло, ведь обида и гнев не позволили бы мне совладать с собственными чувствами. Решила, что позвоню, когда успокоюсь.

Два года промелькнули подобно искре, а до телефона руки так и не дотянулись.

В таком вот состоянии духа я пребывала в ту самую минуту, когда этот человек появился в моем офисе – во всей красе и в полный рост – шесть футов два дюйма. Немного изменилась прическа – темные волосы стали длиннее. Но зеленые глаза смотрели точно также: внимательно, остро и твердо. Эту твердость взгляда полицейским непременно приходится обретать, если они не хотят менять работу. Сейчас прямой пронизательный взгляд казался еще острее, чем раньше, и безжалостно прожигал насквозь.

Встреча меня вовсе не радовала. Почему-то очень хотелось ударить старого знакомого, и, наверное, я бы не сдержалась, если бы не была уверена, что тут же буду арестована за нападение на представителя закона. Оставалось сделать то, что в подобной ситуации сделала бы любая уважающая себя женщина: притвориться, что не узнала вошедшего.

– Блэр, – заговорил Бладсуорт, подойдя слишком близко – гораздо ближе, чем следовало. – Ты в порядке?

Какое ему дело? Я взглянула испуганно и слегка взволнованно – именно так, как смотрят женщины, когда мужчина оказывается слишком близко и ведет себя чересчур фамильярно, – и незаметно отодвинула стул.

– Да... все нормально, – сдержанно ответила я и старательно изобразила недоумение, посмотрев так, словно начинала медленно узнавать того, кто обратился ко мне, но пока еще не могла извлечь из глубин памяти нужное имя.

Удивительно, но в зеленых глазах блеснул неподдельный гнев.

– Уайатт, – коротко представился он.

Я изобразила еще большую растерянность.

– Что? – Я наклонилась и попыталась заглянуть ему за спину, словно проверяя, есть ли в комнате полицейские – на тот случай, если странный человек окажется буйным. Честно говоря, это действительно не было лишним.

– Уайатт Бладсуорт. – Слова падали тяжело, словно свинцовые шары. Игра в шарады явно его не забавляла, зато мне она доставляла массу удовольствия.

Старательно шевеля губами, я повторила имя про себя, словно вспоминала, а в следующую секунду изобразила восторг просветления.

– О, конечно! Теперь вспомнила. Прошу прощения, но с именами у меня всегда проблема. Как поживает твоя матушка?

Миссис Бладсуорт умудрилась упасть с велосипеда прямо возле собственного дома и сломать ключицу и пару ребер. Она прервала членство в клубе до полного выздоровления, но больше так и не вернулась.

Уайатт явно не слишком обрадовался, узнав, что является

для меня лишь сыном своей матери. Неужели же он ожидал, что я кинусь ему на шею и начну биться в истерике, умоляя больше не уходить? Не дождется. Женщины семейства Мэллори слеплены из другого теста.

– Мама уже почти в норме. По-моему, страдает она не столько из-за сломанных костей, сколько из-за того, что выздоравливает не так быстро, как хотелось бы.

– При случае передай от меня привет и скажи, что я соскучилась. – Здесь я взглянула на его полицейский жетон и стукнула себя по лбу. – Черт возьми! Если бы я увидела твой знак, то сообразила бы раньше. Сам понимаешь, нервы. Детектив Макиннис просил пока не звонить маме. Но ведь сейчас здесь собралось уже полгорода, так что, наверное, уже можно, как ты думаешь?

Уайатт все еще выглядел раздосадованным. Неужели все-таки удалось задеть его драгоценное самолюбие? Не перестаралась ли я?

– Гражданских лиц пока не допускают, – ответил он. – Прессу тоже – до окончания предварительного расследования. Было бы хорошо, если бы ты придержала язык за зубами.

– Понимаю.

Я действительно понимала. Убийство вовсе не шуточное. Оставалось лишь надеяться, что ситуация не слишком сложна и не потребует постоянного присутствия лейтенанта Бладсуорта. Встав со стула, я обошла Уайатта – точно так же, как

обошла бы любого едва знакомого человека, – и налила очередную чашку кофе.

– Сколько еще будет продолжаться расследование?

– Трудно сказать.

Отличный способ не ответить на вопрос. Я заметила, что парень смотрит на кофе, и вежливо предложила:

– Угощайся, пожалуйста.

Потом схватила пластиковый кувшин, которым наполняла кофеварку, когда обе емкости были заняты.

– Сейчас принесу воды, и сварим еще.

С этими словами я выскочила из офиса и, страшно довольная собой, помчалась в туалет.

Уайатту явно не понравилось, что его драгоценную персону вспомнили с таким трудом. Если он считал, что последние два года я только и делала, что оплакивала разлуку и горевала об упущенных возможностях, то получил хороший урок. Действительно, а чего ожидал этот самоуверенный наглец? Возвращения к прежним временам?

Нет, только не в теперешних условиях, не на службе. Профессионализм диктует собственные правила. Однако Бладсуорт явно надеялся общаться с той бессознательной интимностью, которая невольно проскальзывает в разговоре с близким человеком, даже если отношения уже закончились. Ему не повезло, поскольку я оказалась в состоянии соображать и управлять собственными словами и поступками.

Когда я вышла из туалета с кувшином воды в руках, в ко-

ридоре детективы Макиннис и Форестер тихо разговаривали с Бладсуортом. Лейтенант стоял спиной ко мне, полностью погружившись в беседу, так что я могла как следует его рассмотреть. О ужас! Сердце снова начало подпрыгивать, словно сумасшедшее. Я остановилась и попыталась успокоиться.

Этого человека трудно было назвать красавцем, как, например, моего бывшего мужа. Уайатт выглядел не столь идеально, как Джейсон, что вовсе не удивительно, так как целых два года он играл в профессиональный футбол и выступал в качестве защитника. Но и без этого Уайатт, наверное, казался бы немного грубоватым. Тяжелая челюсть, слегка деформированный нос с горбинкой, слишком густые черные брови, сросшиеся в сплошную линию. Лейтенант поддерживал безупречную физическую форму атлета, для которого в равной степени важны и сила, и скорость. И если тело Джейсона обладало отточенной, безупречной элегантностью пловца, то тело Уайатта предназначалось для битвы.

И все-таки главным оставалось то обстоятельство, что Бладсуорт буквально излучал тестостерон. Внешность не имеет никакого значения, если мужчина обладает сексуальной привлекательностью или, если хотите, сексапильностью. Уайатт разбрасывал сексапильность лопатами, во всяком случае, в мою сторону. Химия, что тут скажешь! Иного объяснения и быть не может.

Ненавижу химию. Из-за этой глупости в последние два года я не могла настроить себя ни на какие серьезные отноше-

ния.

Как и все детективы, Уайатт был одет в свободные брюки и спортивный пиджак. Я спросила себя, почему лейтенант так поздно появился на месте преступления; может быть, задержался на свидании и отключил телефон? Нет, для этого он слишком серьезен, так что, видимо, просто оказался где-то далеко и не смог приехать раньше, чем через два часа. Больше того, попал под дождь, потому что и ботинки, и брюки его были совершенно мокрыми. Наверное, прежде чем войти внутрь, он тщательно осматривал место преступления.

Макиннис старательно сохранял бесстрастное выражение лица. Должно быть, обоих собеседников Уайатта корбило то обстоятельство, что младший по возрасту обошел их по служебной лестнице. Уайатт взлетел, словно комета, причем не только потому, что проявил себя классным полицейским. Дело в том, что у него уже было громкое имя. Местный парнишка, прославившийся своими способностями, в первый же год в профессиональном футболе пробился в Национальную лигу, а потом, всего лишь через два года, вернулся в родной город, чтобы стать полицейским.

Журналистам он заявил, что закон и порядок были его первой любовью.

Однако земляков обмануть невозможно. Все в городе отлично понимали, ради чего парень затеял историю с профессиональным футболом: всего-навсего ради денег. Бладсуорты относились к тем семьям, которые у американцев приня-

то называть «старыми деньгами». Выражение означает, что деньги когда-то были, но уже кончились. Мать Уайатта жила в огромном вековом викторианском доме, который очень любила, но содержала с большим трудом. У старшей сестры Уайатта, Лайзы, было двое детей и солидный, вполне надежный муж. Семейство справлялось с повседневными расходами, однако мечтать о высшем образовании для отпрысков не приходилось. Уайатт трезво рассудил, что позаботиться о восполнении семейного бюджета следует именно ему, а потому на время отложил карьеру блюстителя порядка, о которой мечтал с детства, и занялся профессиональным футболом. Пара миллионов долларов в год – добавка совсем не лишняя; с ней Уайатт вполне мог позаботиться о матери, отправить племянников в приличный колледж и решить прочие неотложные проблемы.

Конечно, старшие коллеги не могли не ощущать некоторой обиды, однако работали с Уайаттом они с удовольствием, потому что бывший хороший футболист действительно сумел стать хорошим полицейским и не гонялся за дешевой популярностью. Собственное громкое имя он использовал только в интересах дела, а не ради выгоды. Да и знакомство со всеми важными людьми города сыграло свою роль. Лейтенант мог запросто набрать нужный номер и поговорить, например, с губернатором. И шеф полиции, и мэр города должны были оказаться полными дураками, чтобы не видеть очевидных достоинств молодого сотрудника.

Я стояла в коридоре достаточно долго, прежде чем наконец сделала шаг вперед. Движение привлекло внимание Макинниса. Он замолчал, даже не договорив фразы, а я задалась вопросом, о чем же шла речь, если мне нельзя было слышать. Больше того, все трое повернулись и уставились на меня.

– Простите, – пискнула я и, держась как можно ближе к стене, юркнула в офис. Занявшись приготовлением очередной порции кофе, стала размышлять, не обрела ли я снова титул «Подозреваемый номер один».

Может быть, не стоит звонить маме. Может, лучше позвонить Шоне. Конечно, девочка не специализировалась по криминальной защите, но это и не имело особого значения. Она была умной, безжалостной и к тому же моей родной сестрой. Этих качеств вполне достаточно.

Я решительно направилась к двери. Скрестив руки на груди и испепелив взглядом Макинниса, храбро заявила:

– Если вы собираетесь меня арестовать, позвольте мне немедленно позвонить сестре и матери.

Детектив потер подбородок и выразительно взглянул на Уайатта, словно говоря: «С этой особой разбирайся сам».

– Лейтенант Бладсуорт ответит на все ваши вопросы, мэм. Уайатт подошел, крепко сжал мой правый локоть, повернул меня и повел обратно в офис.

– Почему бы тебе не присесть? – любезно предложил он, наливая еще одну чашку кофе. Первую, очевидно, проглотил

залпом.

– Мне необходимо срочно позвонить...

– Адвокат сейчас вовсе не нужен, – перебил меня Уайатт.
– Сядь, пожалуйста.

В его голосе, помимо властности, прозвучало что-то еще, что заставило меня сесть.

Бладсуорт подвинул стул и уселся лицом ко мне, так близко, что колени наши почти соприкасались. Я невольно отклонилась, совсем немного – так, как это сделает любой, если собеседник вдруг оказался слишком близко. Этот человек не имел права занимать мое личное пространство – уже два года как не имел.

Лейтенант сразу заметил движение и недовольно сжал губы. Однако ничего не сказал, а перешел прямо к делу.

– Блэр, нет ли у тебя каких-нибудь неприятностей, о которых нам следует знать?

Вопрос оказался очень неожиданным и вовсе не в полицейском духе. Я даже прищурилась.

– Ты же знаешь, что я думала, будто стреляли в меня, а вместо этого оказалась свидетельницей убийства. Разве этого не достаточно?

– В твоих показаниях сказано, что днем ты серьезно поспорилась с убитой, когда отказала ей в продлении абонемента, и что женщина пришла в ярость.

– Именно так. Инцидент произошел при свидетелях. Их имена я сообщила детективу Макиннису.

– Об этом мне известно, – спокойно кивнул Уайатт. – Убитая угрожала тебе?

– Нет. То есть, конечно, она кричала, что напустит на меня своего адвоката, но меня это ничуть не испугало.

– Угроз физической расправы не было?

– Нет. Все это я уже сказала детективам.

– Знаю. Не нервничай. Если убитая не угрожала, то почему же, увидев на парковке ее машину, ты решила, что находишься в опасности?

– Да потому, что она... она была настоящей психопаткой. Во всем меня копировала. Покрасила волосы в мой цвет, начала носить точно такую же одежду, сделала такую же прическу, купила такие же сережки. Даже приобрела белую машину с откидным верхом. Она довела меня до нервного тика.

– Она настолько тобой восхищалась?

– Не думаю. Напротив, я почти уверена, что Николь Гудвин ненавидела меня лютой ненавистью. И кое-кто из членов клуба тоже так считает.

– Но в таком случае к чему эта имитация?

– Понятия не имею. Возможно, она не могла самостоятельно создать собственный имидж и поэтому повторяла чужой. Ее нельзя назвать слишком умной. Хитрая – да, но во все не умная.

– Понятно. А кто-нибудь еще угрожал тебе?

– После развода – нет. – Я нетерпеливо посмотрела на часы. – лейтенант, у меня больше нет сил. Сколько еще я долж-

на здесь оставаться? – Этот вопрос задавать не стоило. И без того можно было не сомневаться, что сидеть придется до тех пор, пока не уйдут все полицейские, чтобы можно было запереть клуб. Конечно, парковку окружают желтой полицейской лентой, но вывести машину, надеюсь, разрешат.

В этот момент мне пришло в голову, что скорее всего желтой лентой окружают все здание и обе стоянки. А это значит, что я не смогу открыть клуб ни завтра, ни послезавтра, ни в обозримом будущем.

– Еще совсем чуть-чуть. – Уайатт вернул мое заблудшее внимание. – Когда вы с мужем разошлись?

– Пять лет назад. Почему ты спрашиваешь?

– Он причинял тебе какие-нибудь неприятности?

– Джейсон? Да нет! После развода я даже ни разу его не видела.

– И тем не менее он тебе угрожал?

– Во время развода. Он обещал разбить мою машину. Но разумеется, ничего подобного не произошло.

На самом-то деле Джейсон обещал разбить мою машину в том случае, если я обнародую определенную информацию. А я, в свою очередь, грозила непременно обнародовать эту информацию, если он не заткнется и не отдаст мне все, что я просила. Вернее, угрожала Джейсону не я, а Шона. Но вряд ли Уайатту стоило знать все эти подробности.

– А не мог твой бывший муж затаить злобу?

Очень хотелось бы думать, что так оно и есть. Ведь имен-

но для этого я до сих пор ездила на «мерседесе» с откидным верхом. Однако сейчас я лишь покачала головой:

– Не вижу причин. Несколько лет назад Джейсон женился во второй раз и, насколько мне известно, очень счастлив в браке.

– Так, значит, больше тебе никто и никогда не угрожал?

– Нет. С какой стати ты задаешь все эти вопросы?

Лицо лейтенанта было непроницаемым.

– Убитая одета так же, как ты. Приехала на такой же машине – белой, с откидным верхом. Когда я увидел тебя и осознал сходство, то невольно подумал, что убить хотели во-все не ту женщину, которую убили.

Эта мысль меня поразила.

– Не может быть! Правда, я решила, что стреляют в меня, но исключительно потому, что у Николь явно поехала крыша. Она единственный человек, с которым мне не удалось поладить.

– И не возникало никаких разногласий, которые ты могла бы счесть пустячными, а другой человек воспринять более серьезно?

– Нет. Не было даже мало-мальски серьезных споров. Я живу одна, и моя жизнь течет относительно спокойно.

– А кто-нибудь из сотрудников не мог затаить обиду?

– Во всяком случае, мне об этом ничего не известно. Кроме того, все сотрудники прекрасно знают меня и прекрасно знают Николь. Никто из работников клуба не смог бы нас

перепутать. У меня собственное место на стоянке – неподалеку от служебного входа. Не думаю, что речь может идти обо мне – я совершенно случайно оказалась там в это время. Так что я не смогу помочь тебе, назвать какого-то конкретного человека, с которым у меня не сложились отношения. А вот Николь принадлежала к тому типу людей, которые постоянно раздражают окружающих.

– А ты знаешь, кого конкретно она выводила из себя?

– Да практически всех женщин в нашем клубе. В то же время многим мужчинам нравились ее сладенькие сексуально-кошачьи манеры. Стрелял в нее, несомненно, мужчина, и это кажется странным, но в то же время заставляет вспоминать о существовании такого чувства, как ревность. Николь принадлежит... принадлежала к тому типу женщин, которые с большим удовольствием разыгрывают карту ревности.

– А ты знала кого-нибудь из ее парней? Или, может быть, существовал лишь один, постоянный?

– Нет, о ее личной жизни мне ровным счетом ничего не известно. Ведь мы не были приятельницами, а значит, не делились сердечными тайнами.

Во время разговора Уайатт ни на секунду не отводил от моего лица пристального, изучающего взгляда. Это начинало меня нервировать. Дело в том, что его светло-зеленые глаза резко контрастировали с темными волосами и бровями, и из-за этого взгляд казался резче и напряженнее. При светлых волосах такие глаза выглядели бы вполне обычными и

не производили бы столь сильного впечатления. А вот взгляд Уайатта казался пронзительным. Страшно было даже пошевелиться – так крепко он держал.

Кроме того, меня раздражала излишняя близость. На почетительном расстоянии я функционировала гораздо эффективнее. Если бы между нами существовали определенные отношения, то все выглядело бы иначе. Но отношений не было, а после неприятного опыта двухлетней давности мне вовсе не хотелось вступать на тропу чувств вместе со столь непредсказуемым человеком. Уайатт сидел так близко, что я ощущала тепло его ног, а потому мне пришлось еще немного отодвинуться. Стало лучше. Не то чтобы совсем хорошо, получше.

Разрази гром этого парня! Почему бы ему не остаться на улице, под дождем? Ведь люди Макинниса там что-то делают. Если бы Уайатт остался на стоянке, а не вошел в здание клуба, мне не пришлось бы бороться с острыми ощущениями – вспоминать, как пахнет его кожа, какой вкус у его поцелуя, какие звуки он издает, когда чересчур сосредоточен на...

Стоп. Это запретная тема.

– Блэр! – окликнул Бладсуорт, повысив голос.

Я вздрогнула и вернулась к реальности. Оставалось лишь надеяться, что он не понял, где витают мои мысли.

– Что?

– Я спросил, успела ли ты рассмотреть лицо мужчины.

– Нет. Детектив Макиннис уже все это выяснял, – повто-

рила я. Долго еще собирается он задавать те вопросы, на которые я уже отвечала? – Было совсем темно, шел дождь. Я видела только то, что рядом с Николь стоит мужчина. Машина показалась мне темной. Ни марку, ни модель назвать не могу – заметила лишь классический силуэт и четыре двери. Если бы этот человек вошел сейчас в комнату, то я не смогла бы его узнать.

Лейтенант еще с минуту внимательно на меня посмотрел, а потом поднялся со словами:

– Я всегда на связи.

– Зачем? – озадаченно поинтересовалась я. Он начальник. С делом прекрасно разберутся детективы. Функция начальника – наблюдать за общей картиной, распределять силы, подбадривать сотрудников и все такое прочее.

Бладсуорт стоял молча, глядя на меня сверху вниз и недовольно сжав губы. Не приходилось сомневаться: сегодня я отчаянно его раздражала, и это было просто замечательно.

– Постарайся не уезжать из города, – наконец произнес он, хотя правильнее было бы сказать «прорычал».

– Так, значит, я все-таки под подозрением! – Смерив наглеца презрительным взглядом, я потянулась к телефону. – Немедленно звоню адвокату.

Тяжелая рука сжала мою ладонь, не позволив снять трубку.

– Ты не под подозрением. – Он все еще рычал, к тому же внезапно оказался катастрофически близко, буквально на-

висал надо мной, испепеляя яростным огнем зеленых глаз.

Разве возможно в таких условиях сохранить самообладание?

– Ну, тогда, черт возьми, уеду из города, как только захочу, – независимо заявила я, освобождая руку и принимая позу оскорбленной, но не сломленной добродетели.

Глава 4

Вот так я и оказалась в полночь в полицейском участке, под наблюдением злого как черт лейтенанта.

Он втащил меня в кабинет, посадил на стул, рывкнул: «Сиди здесь!» – и пулей выскочил за дверь.

От избытка чувств я едва могла усидеть на месте. Всю дорогу Бладсуорту пришлось терпеть излишние праведного гнева – разумеется, без бранных слов и угроз, так как они дали бы повод арестовать меня по-настоящему, и этот ненормальный ни за что не упустил бы такого подходящего случая. Однако к этому моменту я уже использовала все выражения, которые можно было употребить, не вторгаясь на личную территорию, а нарушать границу мне не хотелось. Поэтому я чувствовала себя не только взбешенной, но и страшно расстроенной.

Едва дверь закрылась, я вскочила и, чтобы показать мучителю, что к чему, обошла вокруг огромного стола и уселась в *его* кресло. Ха!

Прекрасно понимаю, что поступила глупо, совсем по-детски. Но глупо или нет, а такое поведение наверняка должно было его разозлить. Злить лейтенанта Бладсуорта так же приятно, как и целоваться с ним.

Кресло оказалось большим. Так и должно было быть, потому что Уайатт был крупным мужчиной. А еще оно оказа-

лось кожаным и мягким, и это мне понравилось. Я немного покрутилась в обе стороны, потом просмотрела лежащие на столе файлы – очень быстро, поскольку понимала, что этого делать нельзя. Интересных сведений о ком-нибудь из знакомых в бумагах не оказалось.

Я выдвинула средний ящик стола и вытащила ручку, а потом порылась в других ящиках в поисках блокнота. Наконец поверх стопки каких-то документов обнаружила нечто подходящее и начала составлять список недостатков, провинностей и злоупотреблений хозяина кабинета. Разумеется, не всех, а лишь тех, которые он успел совершить за один вечер.

Лейтенант Бладсуорт вошел, держа в руке банку диетической колы. Увидев меня восседающей в его собственном кресле за его собственным столом, он остановился, слово громом пораженный. Через несколько мгновений, немного придя в себя, очень осторожно и тщательно закрыл дверь и тихо, тоном вершителя судеб, произнес:

– И чем же ты здесь занимаешься?

– Записываю все, что ты натворил, чтобы не забыть изложить претензии адвокату.

Уайатт почти бросил банку на стол и выхватил у меня блокнот. Перевернув страницу; взглянул на первый пункт. И без того густые брови его сошлись в одну линию.

– *«Грубо схватил свидетельницу за руку, отчего на руке остались синяки»*, – прочитал он. – Но ведь это же чистой воды ложь...

Я молча подняла левую руку и показала несколько следов от пальцев: он применил силу, чтобы затащить меня в свою машину. Уайатт замолчал на полуслове.

– Ах, черт возьми, – тихо пробормотал он. – Извини, пожалуйста, я вовсе не хотел сделать тебе больно.

Да-да, конечно. Именно поэтому два года назад он отшвырнул меня, – словно горячую картофелину. Что и говорить, тогда мне было очень больно. Главное, этот человек даже не счел нужным объяснить, почему он так поступил, и именно пренебрежение казалось мне самым обидным.

Бладсуорт присел на край стола и продолжил чтение.

– Незаконное задержание. Похищение. Похищение?!

– Ты силой увез меня из моего собственного клуба и переправил в другое место, куда я вовсе не стремилась попасть. Насколько мне известно, это и есть самое настоящее похищение.

Уайатт негромко фыркнул и снова углубился в изучение перечня обид, в который входили несдержанность в выражениях, грубость в обращении, высокомерие и дерзость. Невежда даже не удосужился поблагодарить меня за кофе. В списке присутствовали и иные юридические термины, такие как «применение силы», «шантаж» и «притеснение». Последнее выражалось в отсутствии возможности связаться с адвокатом. Я не пропустила ни одной мелочи.

Самое ужасное, что, дойдя до конца списка, негодяй улыбался! Это шло вразрез с моими планами. Ведь я хотела по-

казать все ничтожество и подлость этого низкого создания.

– Вот, принес диетическую колу, – с улыбкой сообщил он, подвинув мне банку. – Наверное, кофе на сегодня уже хватит.

– Благодарю, – ответила я, стараясь подчеркнуть разницу в наших манерах. Однако открывать банку не стала. От избытка кофеина в желудке и так было беспокойно. Кроме того, в качестве примирительного подношения кола совсем не годилась, тем более что я прекрасно понимала: Уайатт выходил из комнаты не столько за этой банкой, сколько для того, чтобы набрать в грудь побольше воздуха и, не давая мне опомниться, попытаться сломить меня. Диетическая кола наверняка пришла ему на ум в последний момент, как пример внимательного отношения к задержанной. На самом же деле ничтожный трус заботился исключительно о собственной шкуре: ведь не сумеет он правильно подойти к свидетельнице, могла бы пострадать его карьера. Не то чтобы меня можно было считать исключительно ценной свидетельницей, но других в данном случае просто не существовало.

– Ну, а теперь вылезай из моего кресла.

Я убрала с глаз волосы.

– Но ведь список еще не закончен. Отдай блокнот.

– Блэр, освободи мое кресло.

Очень хотелось бы сказать, что я вела себя как взрослый разумный человек, но, к сожалению, не имею на это оснований. Изо всех сил вцепившись в подлокотники, я свирепо

уоставилась на противника:

– Ни за что.

Надо признаться, это я ляпнула, совсем не подумав.

В результате очень короткой и крайне унижительной для меня схватки я снова оказалась на том самом стуле, куда лейтенант посадил меня сначала, а в большом кожаном кресле воцарился хозяин – вновь до предела разгневанный.

– Черт подери! – Уайатт провел ладонью по заметно потемневшей от щетины щеке. – Если не будешь вести себя как положено... Сейчас ты вместо стула едва не оказалась на моих коленях.

Вау! Что еще за новости? Я испуганно прижалась к спинке стула.

– Что?

– Не притворяйся, пожалуйста. Не делай вид, будто не понимаешь, о чем идет речь. Кстати, и первая твоя хитрость не прошла. Ты прекрасно меня помнишь. Не можешь не помнить – ведь я не просто обнимал тебя, а обнимал обнаженной...

– Неправда! – На сей раз я возмутилась абсолютно искренне. Может быть, он меня с кем-то путает? Да, конечно, лишняя одежда оказалась сорванной, но не до степени обнаженной натуры.

Уайатт хмуро улыбнулся:

– Детка, поверь: когда единственное, что на тебе надето, – это крошечная юбочка, да и та задрана выше пояса, это уже

называется «обнаженная».

Я слегка вздрогнула, поскольку описанная картина выглядела подозрительно знакомой. Событие отлично сохранилось в моей памяти. Второе свидание. Он на диване, я верхом на нем. Его пальцы уже внутри меня, и я почти готова наплевать на всякие противозачаточные таблетки и отдаться на волю случая.

Я покраснела, но не от смущения, а потому, что в кабинете вдруг стало страшно жарко. Наверное, термостат в кондиционере стоял на слишком высокой цифре. Однако несмотря на абсолютный хаос в душе, сдаваться я не собиралась.

– Обнаженная – это означает вообще без одежды, так что в соответствии с твоим описанием я вовсе не была обнаженной.

– Ага, значит, ты все-таки прекрасно знаешь, о чем идет речь, – удовлетворенно заметил Уайатт. – Так что брось копаться в мелочах и согласишься, что я прав.

– Нет, разница все-таки существует, – упрямо настаивала я. – Конечно, я помню наши встречи, ну и что из того?

– Хочешь сказать, что настолько часто оказываешься голой рядом с мужчиной, что теперь это, уже ровным счетом ничего не значит? – подозрительно прищурившись, уточнил Бладсуорт.

Я устала притворяться. Все равно он не верил моим уловкам. А потому, посмотрев прямо в зеленые глаза, заявила:

– Ясно, что в тот раз это тоже ничего не значило.

На лице Уайатта возникло странное задумчивое выражение.

– Н-да. Я прекрасно понимаю, что должен объясниться и попросить прощения.

– Не трудись. Время для объяснений давно прошло.

– Ты так считаешь?

– Я уже двинулась вперед. А ты разве нет?

– До сегодняшнего дня я тоже так думал, – нахмурился Уайатт. – Но едва услышал, что в клубе «Фанаты тела» произошло убийство и жертва – молодая блондинка, как... – Он помолчал, а потом без видимой связи произнес: – Черт возьми...

Я уставилась на него с искренним удивлением. Ведь и правда, едва появившись, он первым делом спросил: «Все в порядке?»

А прежде чем войти в клуб, под дождем долго осматривал место преступления и тело Николь. Возможно, ее имя к тому времени уже было обнародовано, а может быть, и нет, ведь, кажется, сначала извещают родственников. Лично я и понятия не имела о семье этой особы, но в документах клуба обычно указывается ближайший родственник. Папку с бумагами забрал детектив Макиннис.

Бедная Николь. Стерва и психопатка, пытавшаяся во всем мне подражать. Почему-то я вспомнила о том, как долго лежала она на земле под дождем, пока полицейские проводили необходимые следственные процедуры. Конечно, я знала,

что изучение места преступления – дело хлопотное и требует времени, да и дождь мешал. Но ведь она пролежала под открытым небом почти три часа.

Бладсуорт щелкнул пальцами у меня под носом:

– Эй, о чем ты думаешь?

О, как же мне хотелось укусить эти пальцы! Ненавижу подобные жесты, ведь, чтобы привлечь внимание, вполне достаточно небольшого движения руки.

– Извини, пожалуйста. Просто совсем измучилась, ведь у меня на глазах убили человека. Но все равно отвлекаться, конечно, не следует. Так о чем мы говорили?

Внимательно взглянув на меня, Уайатт покачал головой:

– Так, о разной чепухе. Ты действительно очень устала, а мне пора вернуться к расследованию. Очень жаль, что убийство тебя непосредственно затронуло, но так уж случилось, а потому, хочешь ты этого или нет, встретиться нам придется еще не раз. Так что перестань капризничать и позволь мне спокойно заниматься своим делом. Пойми, я не в состоянии сосредоточиться, когда ты бесишь меня глупыми выходками.

– Вот уж не думала никого бесить, – моментально завелась я. – Ты уже приехал заведенным. Хочу домой! Могу я наконец поехать домой?

Лейтенант устало потер глаза, явно пытаюсь совладать с нервами.

– Через несколько минут я сам отвезу тебя домой.

– Но ведь кто-нибудь вполне может довести меня до клуба. А там я возьму свою машину. Мне нужна моя машина.

– Я уже сказал, что отвезу тебя домой.

– А я сказала, что мне нужна моя машина.

– Ты ее получишь завтра. Не хочу, чтобы ты болталась на месте преступления.

– Прекрасно. Значит, я поеду домой на такси. А ты можешь спокойно заниматься неотложными делами.

Я вскочила и схватила сумку, чтобы выбежать за дверь. Ничего страшного, постою под дождем, пока не поймаю такси.

– Блэр, сядь на место.

То, что он полицейский, просто ужасно. Непонятно, где заканчиваются официальные функции и начинаются личные отношения. К тому же невозможно определить степень законности происходящего. Пререкаться с Уайаттом мне больше не хотелось. Подобные действия дурно влияют на самообладание.

Я вернулась на стул. Пришлось ограничиться упрямым и злым взглядом. Грызло подозрение, что лейтенант собирается возобновить личные отношения; мне же страшно не хотелось снова вступать на знакомую тропинку, а значит, чем меньше общения, тем лучше.

У меня есть правило, которого я свято придерживаюсь. Его можно сформулировать очень коротко: «предал – исчезни». Если мужчина совершил первое, то второе он просто

обязан сделать. Я в состоянии выдержать спор, а порой и сцену, ведь даже в таких условиях можно общаться и пытаться понять друг друга. Но просто уйти, ничего не объяснив и не простившись по-человечески, – это уж слишком.

Понимаю, что выражаюсь чересчур категорично, но правда заключается в том – в свое время я спрятала ее за рассуждениями о пользе развода, – что объятия Джейсона с сестренкой Дженни оказались для меня страшным ударом. И не только из-за предательства Дженни, но главным образом потому, что я действительно любила Джейсона. Первые два года совместной жизни казались очень счастливыми. Во всяком случае, я чувствовала себя счастливой, да и он, по моему, тоже. Постепенно мы отдалились друг от друга и я его разлюбила, но это вовсе не означало, что брак потерял смысл. Напротив, я была готова прикладывать усилия, работать и попытаться снова стать ближе. Но, застав мужа с сестрой, словно получила неожиданный удар ногой в живот; я вдруг поняла, что он уже давно меня обманывает. И не только с Дженни: думаю, ее-то он коснулся впервые. Но ведь он не был влюблен в мою сестру, а целовался просто потому, что девочка была хорошенькой и доступной. Так что скорее всего бывший муж изменял мне и с другими женщинами.

Джейсон даже не попытался снова поставить наш брак на ноги. Эмоционально он бросил меня уже давно, только я не сразу это поняла. Но когда осознала, постаралась свести потери к минимуму. Не жаловалась и не ныла направо и на-

лево, а попыталась построить собственную жизнь и сделать ее как можно интереснее и комфортнее. К сожалению, это вовсе не означало, что из переделки мне удалось выбраться целой и невредимой. Нет, душевные травмы оказались глубокими и болезненными.

И все же раны постепенно заживали, да и не в моем характере долго хандрить и слоняться из угла в угол, жалея себя. Я сделала соответствующие выводы и выработала новые правила, по-новому расставив приоритеты. Одно из этих правил гласило, что если мужчина прерывал отношения, не попытавшись поставить точки над *i*, то больше он не стоил ни внимания, ни душевных усилий, если, конечно, впоследствии не доказывал серьезности собственных намерений и не проявлял должного упорства.

Уайатт пока еще ничего не доказал. И уж разумеется, не обладал способностью пресмыкаться. А потому сама идея о возобновлении отношений едва ли имела шансы на осуществление.

Он протянул мне банку колы:

– Выпей. Может быть, немного остынешь.

Ну и ладно. Все равно сегодня ночью спать не придется. Я открыла банку и сделала пару глотков, а потом постаралась направить мысли в более практическое русло.

– Полагаю, завтра ни при каких условиях не удастся открыть заведение.

– Очень разумное предположение.

– Сколько же времени пройдет, прежде чем снова можно будет начать работать? День? Два?

– Бывает по-разному. Постараюсь вести следствие как можно быстрее, но в нашем деле углы не срежешь. Надеюсь, что тебе не придется простаивать больше пары дней. Прошу прощения за финансовые убытки, но...

– О, дело не в деньгах. Я ничего не потеряю. Подавляющее большинство членов клуба оплачивает годовой абонемент, потому что он обходится дешевле, чем абонемент на месяц. А сроков меньше месяца у меня вообще не бывает. Речь идет только о неудобстве для клиентов – я переживаю за них. Конечно, по сравнению с убийством это сушая ерунда, но факт остается фактом: как владелица клуба я должна заботиться о его членах, иначе пострадает бизнес.

Бладсуорт задумчиво посмотрел на меня, словно не ожидал подобной практичности. Я разозлилась. В конце концов, у нас было три свидания, и если он хоть немного обращал внимание на что-нибудь, кроме тела, то должен был бы заметить, что я не пустоголовая вертихвостка.

Впрочем, удивительно, что Уайатт вообще меня узнал, ведь два года назад он вряд ли поднимал глаза выше уровня груди.

Мысль оказалась совсем неудачной. Даже лишней. Дело в том, что тогда он действительно уделял моей груди очень много внимания. Трогал. Ласкал. Целовал. Сейчас я не слишком высокого мнения об этом великолепном укра-

шении женского тела – оно для меня скорее раздражающий фактор, а вовсе не источник наслаждения. Однако интимное воспоминание не только не исчезало, но даже заставило меня снова покраснеть.

– Бог мой, – прервал эти размышления лейтенант. – О чем же ты думаешь на сей раз?

– А почему ты спрашиваешь? – Может не надеяться, правды все равно не узнает.

– Ты же снова покраснела.

– Неужели? Извини. Очевидно, просто переживаю преждевременную менопаузу и меня бросает в жар.

Глупость, конечно, но в такой ситуации годится любой ответ.

Уайатт усмехнулся, сверкнув белоснежными зубами:

– Бросает в жар, говоришь? Хм...

– Преждевременная менопауза – это не для слабонервных.

На сей раз лейтенант рассмеялся и, откинувшись на спинку большого кожаного кресла, с минуту внимательно меня разглядывал. Чем дольше он смотрел, тем более неловко я себя чувствовала. Помните, я рассказывала о его глазах? Так вот, наверное, точно так же чувствует себя мышь, за которой внимательно следит кошка. Очень голодная кошка. До этого момента я совершенно не задумывалась о том, как была одета, но сейчас вдруг словно увидела себя со стороны: короткий розовый топ, даже не прикрывающий живот; облега-

ющие лосины для занятий гимнастикой. Бладсуорт смотрел так, словно значительная часть моего тела осталась открытой и напоминала ему о тех минутах, когда доводилось увидеть даже больше, чем сейчас. Откровенно говоря, во взгляде его явно читалась надежда на возвращение счастливого времени.

Этот человек всегда действовал на меня именно таким образом: стоило ему выразительно посмотреть, как я тут же начинала ощущать собственную женскую природу, а вдобавок и его мужскую природу, со всеми вытекающими последствиями для соответствующих участков и частей тела. Как пишут в инструкциях, деталь А соответствует детали Б. Почему-то случалось так, что когда мы оказывались рядом, я не могла думать ни о чем ином, кроме соответствующих друг другу деталей А и Б.

Уайатт взял ручку, которой я только что писала, и зачем-то начал стучать ею по столу.

– То, что я сейчас скажу, тебе не понравится.

– До сих пор мне еще не понравилось ни одно из твоих слов, так что удивляться не приходится.

– Перестань, – решительно и серьезно оборвал Бладсуорт.

– Сейчас речь не о нас.

– Ничего подобного я и не думала. А кроме того, понятия «мы» вообще не существует.

Я просто не имела права уступить ни дюйма территории, ни единой реплики. Я вообще больше не хотела иметь дело с

лейтенантом Бладсуортом. Куда подевался детектив Макиннис?

Уайатт явно решил, что взывать к моему здравому смыслу просто бесполезно. Он ошибался. Обычно я очень разумна и рассудительна – в его отсутствие. Но как бы там ни было, он не поднял брошенную перчатку, пусть и словесную.

– Мы стараемся контролировать поступающую в прессу информацию об убийствах, но это не всегда удается. Чтобы продолжить расследование, придется спросить людей. Надо узнать, не видел ли кто-нибудь в том районе, где было совершено преступление, человека за рулем темного седана с четырьмя дверцами. Опрос уже начался. Пока нам удается держать репортеров в стороне, но они столпились возле ограничительной ленты со всеми своими камерами и микрофонами.

– И что? – не поняла я.

– Не требуется особой гениальности, чтобы сосчитать, сколько будет дважды два, и понять, что основная свидетельница – это ты. Мы были в твоём клубе, ты все время оставалась с нами, а потом уехала в моей машине.

– Из последней сцены легче сделать вывод, что я не свидетельница, а подозреваемая.

Уайатт снова недовольно сжал губы: явно вспомнил ту борьбу, которая предшествовала отъезду.

– Не думаю. Скорее, репортеры решат, что ты слишком подавлена случившимся. – Лейтенант снова нервно посту-

чал ручкой по столу. – Мне не удастся запретить журналистам назвать твое имя. Если кто-то видел подозреваемого, значит, существует и свидетель. А кто этот свидетель, легко догадаться. Так что завтра твое имя появится в газетах.

– Ну и что за пробле... О! Я буду упомянута в качестве свидетельницы.

А это означает, что я сразу стану лютым врагом – чьим? Разумеется, самого убийцы. Что делают преступники ради собственной безопасности? Прежде всего стремятся прикончить тех, кто представляет для них непосредственную угрозу. Вот так.

Я в ужасе смотрела на Уайатта.

– Вот влипла!

– Да, – согласился он. – Точнее и не скажешь.

Глава 5

В моем мозгу роились тысячи мыслей. Ну, может быть, не тысячи – это уж слишком много, – но уж не меньше десятка. Попробуйте-ка сосчитать собственные мысли и сразу поймете, как трудно добраться до тысячи. Но главное, ни в одной из этих мыслей не было ничего утешительного.

– Меня ведь даже нельзя назвать хорошей свидетельницей! – кричала я. – Ведь и под угрозой смерти я не смогу опознать того, кто стрелял! – Очередная отрицательная мысль, хотя и с небольшим положительным компонентом.

– Убийца об этом не знает.

– Может быть, стрелял парень Николь. Ведь обычно убивает парень или муж, разве не так? Возможно, он убил Николь в минуту слепой ревности, хотя вообще вовсе не склонен к преступлениям. Когда вы его арестуете, он сразу признается.

Разве такой вариант не реален? Во всяком случае, очень желателен.

– Возможно, – согласился Уайатт, однако выражение его лица особой надежды не вселяло.

– А что, если чувства здесь не играют никакой роли? Что, если дело в наркотиках или чем-то подобном? – Я вскочила и начала шагать по кабинету. Из-за тесноты развернуться там было негде – кругом шкафы и стопки книг. Приходилось

не столько шагать, сколько обходить препятствия. – В другую страну я уехать не могу. А ты не разрешаешь даже отлучиться из города, что в данных обстоятельствах поистине жестоко.

На самом-то деле Бладсуорт не мог меня остановить: для этого потребовалось бы или арестовать, или взять под защитное наблюдение как свидетельницу преступления. Но ведь я даже не могла опознать убийцу, так что подобные действия не имели законного основания. Так почему же лейтенант посоветовал мне не покидать город? И зачем вообще завел об этом речь, в то время как именно такой выход был бы для меня самым надежным?

Уайатт словно и не слышал замечания относительно жестокости.

– Скорее всего ты права и мисс Гудвин действительно убита по мотивам личного характера. Если повезет, то через пару дней мы сумеем разобраться с этим делом.

– Через пару дней, – повторила я. За пару дней могло случиться многое. Начать с того, что я могла расстаться с жизнью. Разумеется, придется приложить все силы, чтобы этого не произошло. Несмотря на настойчивую рекомендацию лейтенанта Бладсуорта, я все-таки собиралась покинуть город. К черту его запрет, а разрешения мне не требуется. К тому моменту как исчезновение главной и единственной свидетельницы обнаружится, я буду уже далеко. Попрошу Шону связаться с лейтенантом и передать, что если вдруг

понадоблюсь, то общаться со мной можно будет через нее – родственникам-то я обязательно скажу, где остановлюсь. Клуб все равно останется закрытым еще день-другой, так что вполне можно рассчитывать на короткие каникулы. На море я не была уже несколько лет, а значит, имею полное право позволить себе это удовольствие.

Как только смогу попасть домой, первым делом посплю, если, конечно, удастся. Если же не удастся, то начну собирать вещи. С тем чтобы выехать сразу, как только мне вернут машину.

– Приставить к тебе охрану я вряд ли смогу, так как свободных людей у нас нет. Без реальной опасности это просто невозможно. А главное, раз ты не в состоянии опознать преступника, то и свидетельницей тебя назвать трудно. – Лейтенант откинулся на спинку кресла и смерил меня долгим взглядом. – Сообщу прессе, что «неназванные свидетели» видели, как с места преступления уехал какой-то человек. Это должно отвлечь внимание от твоей персоны.

– Отличная идея! – повеселела я. Ведь если свидетелей несколько, то и убивать меня незачем, так ведь? Но откладывать отъезд я все-таки не собиралась. Мысль о нескольких приятных днях на пляже показалась мне такой заманчивой! В прошлом году я купила потрясающий купальник, но так ни разу его и не надела. Душа пела в предвкушении удовольствия.

Я встала, быстро, пока лейтенант не помешал, схватила

со стола блокнот и вырвала первую страницу – просто так, чтобы произвести впечатление. Его прегрешения я помнила и без этого! Аккуратно сложила листочек и заявила, что теперь вполне готова отправиться домой.

– Вообще-то, лейтенант Бладсуорт, вы вполне могли бы сказать мне все это в клубе, а не тащить сюда силой. Не было никакой необходимости при всех хватать меня за руки только для того, чтобы доказать, какой вы крутой коп.

Особого впечатления на Уайатта мои слова не произвели.

– Дай сюда, – показал он на листок. Я презрительно фыркнула.

– Не стоит. Неужели ты думаешь, что если порвешь эту бумажку, то все исчезнет? Я прекрасно помню, что там написала.

– Дело не в этом. Отдай свой грязный пасквиль.

Я не послушалась, сунула листок в сумку и старательно застегнула молнию.

– Нет, именно в этом. Тем более что список еще не полон.

Уайатт поднялся с уверенной фацией сильного человека, свойственной спортсменам.

– В том, – негромко заговорил он, обойдя вокруг стола и спокойно забрав у меня сумку, – что многие мужчины готовы простить тебе все на свете, даже убийство – фигурально выражаясь, – за твою красоту и ум – я не сомневаюсь. Но я не собираюсь идти этой дорожкой. Ты на моей территории. Отдай листок. Если сейчас же не отдашь, мне придется за-

брать его силой. Решай.

Я молча наблюдала, как Бладсуорт расстегнул сумку, вынул злосчастный список и сунул его в карман брюк. Конечно, можно было затеять еще одну позорную драку, но я прекрасно понимала абсурдность схватки. Пришлось пожать плечами.

– Хорошо, я составлю еще один список, как только вернусь домой. Кстати, я надеялась попасть туда уже час назад. Вам же, лейтенант Бладсуорт, хочется посоветовать не обращать все происходящее в сферу личных отношений.

Я намеренно продолжала называть Уайатта не по имени, а официально – лейтенант Бладсуорт, – так как знала, что такое обращение его страшно злит.

– При вашей работе подобная привычка может превратиться в настоящую проблему.

– Все происходящее между нами носит исключительно личный характер, – спокойно ответил Уайатт, возвращая мне сумку.

– Ничего подобного. И меня это не интересует. Так могу я все-таки пойти домой? Пожалуйста... – Я надеялась, что если буду повторять просьбу достаточно часто, ему это в конце концов надоест. Я с трудом закончила фразу: на меня вдруг напала зевота, причем вовсе не притворная. Я прикрыла рот рукой, но зевота не прекращалась. Казалось, зевать мне теперь придется вечно. Когда же наконец приступ закончился, в моих глазах стояли слезы. – Извини, – произнесла я и ста-

рательно вытерла глаза.

Мой мучитель лишь улыбнулся.

– Регулярно повторяй, что наши отношения тебя не интересуют, и, возможно, годам к девяноста ты и сама в это поверишь. Давай отвезу тебя домой, пока совсем не развалилась. – Он произнес это так быстро, что я даже не успела ответить на ехидное замечание, а потом положил руку мне на талию и повел к двери.

Наконец-то! Я была так рада отправиться домой, что даже не обратила внимания на то, где оказалась его рука и как мы выйдем со стороны. Уайатт чуть наклонился и открыл мне дверь. В ту же секунду в нашу сторону повернулось не меньше сотни голов, и не меньше двух сотен глаз внимательно меня осмотрели. Полицейские в форме, детективы в штатском, еще какие-то люди... Несмотря на поздний час, департамент полиции гудел, словно улей. Если бы я обращала внимание на внешние раздражители, то, даже находясь в кабинете, услышала бы звон телефонов и гул голосов. Но меня занимала лишь собственная битва с Уайаттом.

Сейчас я увидела на лицах самые разнообразные выражения: любопытство, интерес, похотливые усмешки. Не было лишь одного: удивления. Детектив Макиннис упорно прятал улыбку и делал вид, что копается в бумагах, беспорядочной кипой наваленных на его столе.

Неужели я ожидала чего-то иного? Все эти люди присутствовали при нашей публичной ссоре, которая закончилась

тем, что лейтенант силой затолкал меня в машину. Вернее, тогда закончилась не сама ссора, а ее публичная часть. Сейчас я поняла, что Уайатт, должно быть, что-то сказал коллегам по поводу наших личных отношений. Коварный враг пытался найти путь в обход моих возражений и создал такую ситуацию, что никто из его людей не чувствовал себя вправе вмешаться в наши препирательства.

– Считаешь себя умнее всех? – пробормотала я, когда мы вошли в лифт.

– Если бы я был умнее всех, то держался бы как можно дальше от тебя, – спокойно возразил Уайатт, нажимая кнопку первого этажа.

– Тогда почему бы тебе не повисить собственный коэффициент умственного развития и не пообщаться с кем-нибудь, кто действительно тебя хочет?

– Но ты хочешь меня, еще как! Может, и сама не рада, но хочешь!

– Хотела. Надо говорить в прошедшем времени. Сейчас уже нет. У тебя был шанс.

– Он и сейчас есть. Мы просто устроили небольшую передышку.

Открыв от неожиданности рот, я с изумлением уставилась на самонадеянного нахала.

– Два года ты называешь всего-навсего передышкой? В таком случае у меня для тебя новости, начальник: свой шанс ты упустил в конце последнего свидания.

Лифт остановился, двери открылись этажа промелькнули очень быстро. Уайатт снова положил руку мне на талию и повел из маленького холла на стоянку машин. Дождь, слава Богу, прекратился, хотя с деревьев и даже с проводов продолжало капать. В четвертом ряду, возле таблички «лейтенант Бладсуорт», терпеливо ждал белый «форд». Стоянку окружал забор с воротами. Репортеров я не заметила. Да их и вообще не могло быть много: в нашем городе одна ежедневная газета и одна еженедельная, четыре радиостанции и дочерняя станция телевизионной компании Эй-би-си. Даже в том случае, если каждая редакция пришлет по репортеру, их не может быть больше семи.

Специально чтобы позлить начальника, я взялась за ручку задней дверцы. Что-то буркнув, Уайатт потянул меня за руку и открыл переднюю пассажирскую дверь.

– Ну и зануда же ты!

– В каком смысле? – Я села и пристегнула ремень безопасности.

– В таком, что никак не можешь перестать вредничать.

Он громко хлопнул дверцей, обошел машину и сел на водительское место. Завел мотор, а потом повернулся ко мне и положил руку на спинку сиденья.

– Мы уже не в лифте, под наблюдением камеры, а потому повтори, пожалуйста, все, что ты сказала насчет моего шанса и насчет того, что ты меня не хочешь.

Уайатт явно меня провоцировал. Дразнил, чтобы я сгоря-

ча нагрубил и тем самым дала ему повод сделать что-нибудь непозволительное – например, поцеловать. Стоянка хорошо освещалась, так что блеск зеленых глаз был мне прекрасно виден. Уайатт ждал ответа. Очень хотелось достойно парировать выпад, но это означало бы играть по навязанным правилам, а я страшно устала и была далеко не в лучшей форме. Оставалось лишь зевнуть прямо в лицо оппоненту и пробормотать:

– Может, отложим выяснение отношений? Я так хочу спать, что почти ничего не вижу.

Уайатт усмехнулся, повернулся к рулю и тоже пристегнул ремень.

– Трусиха.

Значит, обмануть его опять не удалось. Хорошо уже то, что он не стал настаивать. Но я все-таки победила. Откинув голову на спинку сиденья, закрыла глаза и, несмотря на огромное количество потребленного за ночь кофеина, моментально заснула – мы даже не успели выехать за ограду. Должна заметить, что я обладаю замечательным даром мгновенно погружаться в сон; отец в таких случаях говорит: «Блэр отключилась». Подолгу ворочаться в постели без сна мне вовсе не свойственно, но, честно говоря, сегодня уснуть я не надеялась – из-за гремучей смеси кофе и стресса. Оказалось, что волноваться не стоило: все произошло как обычно.

Проснулась я в тот момент, когда Уайатт открыл дверцу и наклонился, чтобы отстегнуть ремень. Сонно заморгав, я

попыталась понять, что к чему.

– Мы еще там?

– Нет, уже здесь. Вылезай, Спящая красавица. – Он взял мою сумку, а потом за руку выволок из машины меня.

Я живу в квартале, который называется «Огни маяка». Это оригинальное название призвано означать, что улицы взбираются вверх, к самой вершине холма. Кондоминиум включает одиннадцать отдельных зданий, каждое из которых состоит из четырех трехэтажных секций. Я живу в первой секции третьего здания, и потому окна моей квартиры выходят не на две стороны, а на три. Крайние секции дороже, чем внутренние, но ради вида из окон денег не жалко. Еще один важный плюс – боковой портик, под которым можно ставить машину. Тем же, кто живет в середине, приходится оставлять машину у кромки тротуара. Правда, этот портик делает квартиру еще дороже. Ну и что? Зато мой «мерседес» всегда под крышей, а ради этого стоит потратиться. Уайатт, как оказалось, все помнил и поставил машину под портик.

Разумеется, в доме существовал парадный вход, но был еще и маленький входной закуток, ведущий прямо в кухню. Парадным подъездом я пользовалась, только если приезжала домой не одна. Лампы у черного входа были подключены к таймеру. Очень удобно. Ровно в девять они зажигались, и мне никогда не приходилось спотыкаться в темноте.

Я взяла сумку, нашарила ключи и вежливо поблагодарила:
– Спасибо за доставку.

Даже не добавила, что предпочла бы взять такси. Бладсуорт стоял слишком близко, словно нависая, и я интуитивно сжала в руке ключи, чтобы он их не отобрал.

– Нужно проверить, надежно ли закрыты окна и двери.

– Папа завтра это сделает. Сегодня ночью ничего не случится, потому что, пока не выйдут газеты, никто не узнает, что я оказалась свидетельницей убийства.

– А твой папа что-нибудь понимает в вопросах безопасности?

Отец понимал в этом ничуть не больше меня самой, но квартира была на сигнализации, а окна и двери я могла проверить и сама.

– Лейтенант Бладсуорт, – подавляя зевоту, как можно тверже произнесла я, – отправляйтесь домой и оставьте меня в покое.

С этими словами я отперла дверь и попыталась загородить вход.

Уайатт прислонился плечом к косяку и, глядя сверху вниз, улыбнулся:

– Честное слово, я вовсе не собираюсь врываться силой.

– Это хорошо. Почему бы нам не сделать вид, что ты не можешь позволить себе войти без приглашения?

– Но ты ведь уже меня пригласила, помнишь?

Ах вот оно что!

– Да, но с тех пор интерьер уже полностью изменился, а потому отправляйся домой.

– Ухожу. Сам устал до чертиков. Так, значит, ты решила все переделать? И что же тебе не нравилось в прежнем интерьере?

Я закатила глаза.

– Ах, так тебя интересуют вопросы внутреннего убранства квартир! Просто удивительно! Отправляйся домой. Уезжай немедленно. Но не забудь проследить, чтобы утром мне обязательно вернули машину, хорошо? Без нее я жить не умею.

– Обязательно позабочусь.

Уайатт неожиданно поднял мое лицо за подбородок и большим пальцем осторожно провел по губам. Я невольно отпрянула, пытаясь взглядом пресечь нескромное поползновение, и он рассмеялся:

– Не бойся, я вовсе не собирался тебя целовать. Во всяком случае, пока. Сейчас уже так поздно – а вернее, так рано, – что вокруг никого нет, и потому нас вряд ли бы кто-нибудь увидел. Но поскольку во время поцелуев с тебя почему-то всегда спадает одежда, нам лучше подождать до следующей встречи – когда удастся выспаться, да и обстановка окажется более интимной.

Послушать его, так я начинала раздеваться, едва он до меня дотрагивался. Сладко, как настоящая змея в шоколаде, я пропела:

– А почему бы тебе...

– Тсс. – Предостерегающим жестом Уайатт прижал палец к моим губам. – Язык твой – враг твой, так что не говори

лишнего. Просто иди домой, запири все окна и двери и ложись спать. Я заеду позже.

Нельзя сказать, что, услышав добрый совет, я не в состоянии оценить его по достоинству. Как раз наоборот: очень люблю выслушивать дельные и толковые советы. Но вот следовать ли им – уже другой вопрос. Сейчас, однако, у меня хватило ума проскользнуть в квартиру и запереть дверь – в полном соответствии с рекомендацией. Конечно, Бладсуорт мог решить, что я точно следую его приказу, но на самом деле приказ просто совпал с сигналом инстинкта выживания.

Я включила свет в кухне и остановилась возле двери, ожидая, когда машина Уайатта тронется с места, чтобы выключить лампы на улице. А потом встала посреди родной уютной кухни и наконец-то позволила всему случившемуся обрушиться себе на голову.

События казались абсолютно нереальными, словно мое личное существование проходило параллельно жизни Вселенной. Обстановка выглядела привычной и в то же время далекой и чужой, как будто принадлежала совсем другому человеку. Сама же я чувствовала себя одновременно измученной и взбудораженной – сочетание не слишком удачное.

Первым делом я включила весь свет на первом этаже и проверила, надежно ли заперты окна. Все замки были в полном порядке. Затем проделала ту же процедуру с дверьми. Гордостью столовой считалось огромное французское окно, выходящее в крытый внутренний дворик, освещавшийся

гирляндами маленьких белых лампочек. Они тянулись вдоль столбов по краю крыши и переплетались в молодых грушевых деревьях. Обычно, возвращаясь домой, я первым делом включала все лампочки – дворик выглядел очень красиво. Но сегодня было так страшно, что пришлось задернуть плотные шторы.

Позаботившись, насколько возможно, о безопасности, я наконец сделала то, что собиралась сделать уже в течение нескольких часов, – позвонила маме.

Разумеется, трубку снял отец. Телефон стоял с его стороны кровати, так как мама не любила отвечать на звонки.

– Алло. – Родной голос прозвучал сонным бормотанием.

– Пап, это Блэр. Сегодня в моем клубе произошло убийство, но я хочу сказать, что со мной все в порядке.

– Что-что? Ты сказала – убийство? – Отец сразу проснулся.

– На парковке убили одну из клиенток клуба.

В некотором отдалении послышался сердитый мамин голос – она требовала трубку и, разумеется, уже через секунду ее получила.

– Да. В начале десятого, и я... привет, мам!

– Блэр! С тобой все в порядке?

– Да, все прекрасно. Я бы не стала беспокоить вас ночью, но побоялась, что сообщит кто-нибудь чужой и вы будете волноваться. Просто хотела сказать, что у меня все нормально.

– Слава Богу, что позвонила, – ответила мама. Я содрогнулась, представив, что она могла бы сделать, если бы услышала о происшествии от посторонних. – Кого убили?

– Николь Гудвин.

– Ту, которая во всем тебе подражала?

– Да-да, именно ее. – Пару раз я жаловалась на Николь родителям. – Она поставила машину в конце стоянки и ждала, пока я выйду из клуба. Днем мы с ней немного повздорили.

– Так что же, полицейские считают, что это сделала ты?

– Нет, разумеется, нет, – успокоила я маму, хотя какое-то время, несомненно, оставалась под нешуточным подозрением. Но маме вовсе ни к чему об этом знать. – Я только что вышла из клуба и заперла дверь, когда услышала выстрел. Стрелял мужчина, который потом уехал в темном седане. Меня он не заметил.

– О Господи! Так, значит, ты основная свидетельница?

– Не совсем, – осторожно призналась я. – Было очень темно, и шел дождь, так что опознать убийцу я не смогла бы. Но я позвонила по 911, полицейские приехали очень быстро и сразу начали делать все, что положено в таких случаях. А сейчас меня привезли домой.

– Почему так поздно?

– Раньше не получилось. Следствие на месте преступления продолжалось целую вечность.

Не стоило сообщать маме о некоем лейтенанте, из-за которого я задержалась на пару лишних часов.

– Тебя привезли домой? А как же твоя машина? Почему ты не на ней?

– Потому что машина стояла на парковке, а полицейские обнесли всю территорию желтой лентой и никого туда не пустили. Обещали утром вернуть.

«Утро» в данном случае означало светлое время суток, потому что, строго говоря, утро уже наступило. Сама я ожидала увидеть родной белый «мерседес» где-то между восемью и десятью. Если повезет, то на нем приедет не Уайатт, а кто-нибудь из его сотрудников.

– Скорее всего клуб будет закрыт несколько дней, и я хочу съездить к морю.

– Отличная идея, – с оптимизмом согласилась мама. – Лучше держаться подальше от неприятностей.

Мы настолько одинаково мыслим, что иногда даже становится страшно.

Я еще раз заверила, что со мной все в полном порядке и что я сию же минуту ложусь спать, так как ужасно устала и измучилась. Повесив трубку, я сразу почувствовала себя гораздо лучше. Мама не стала попусту охать и причитать – это совсем не в ее духе. Но зато мне удалось нейтрализовать возможные звонки доброжелателей, которые лишь расстроили бы ее.

Я собиралась позвонить и Шоне, но от усталости перечень проступков Уайатта поблек и стерся в памяти. Как только отдохну, снова его запишу. Сестра сможет разобраться в си-

туации с лейтенантом Бладсуортом, тем более что она в курсе наших отношений.

Больше всего на свете мне хотелось спать, а потому я выключила все лампы, кроме неярких бра на лестнице, и побрела в спальню. Сняла надоевшую грязную одежду и нагишом погрузилась в мягкую, такую любимую постель. Сладко потянулась и даже застонала от удовольствия, но тут же сама себе испортила момент блаженства, вообразив обнаженного Уайатта тоже сладко вытянувшимся – на мне.

Да, этот парень представлял реальную угрозу. Чтобы не позволить воображению разыгаться и зайти слишком далеко, пришлось заставить себя в деталях вспомнить последнее из трех свиданий – то самое, на котором он вел себя, словно самая настоящая сволочь.

Расчет оказался верным. Прием сработал.

Наконец-то обретя мир, я повернулась на бок и тут же уснула.

«Блэр отключилась».

Глава 6

Он не забыл, что я пила диетическую колу. В восемь тридцать утра я проснулась именно с этой мыслью. Лежа в кровати и сонно глядя на медленно вращающийся под потолком вентилятор, я попыталась определить, насколько значительно данное обстоятельство. Романтическая составляющая души хотела верить, что Уайатт помнил о моей персоне все до мелочей, однако трезвый голос рассудка утверждал, что дело просто в отличной профессиональной памяти. Ведь полицейскому положено иметь хорошую память, разве не так? Думаю, при отборе кандидатов это качество ставят на первое место.

Итак, диетическая кола не имела никакого значения. Скорее всего лейтенант просто решил, что женщине положено пить безалкогольный диетический напиток. Такой подход следовало рассматривать как очевидное проявление мужского шовинизма, несмотря даже на то, что в большинстве случаев Бладсуорт оказывался прав.

Вместо того чтобы собираться в дорогу, я празднично валялась в кровати, так что запланированный ранний отъезд к морю откладывался. Конечно, промедление не имело такого уж серьезного значения, ведь машины все равно не было. Но кто-то – скорее всего Уайатт – мог появиться на ней в любую минуту. Эта мысль заставила меня вскочить с постели

и нырнуть под душ. Водные процедуры оказались короткими, так как неожиданно дал себя знать голод. Он подступил с такой силой, что я испугалась, как бы не упасть от слабости, ведь перед сном я так и не догадалась хоть чем-нибудь подкрепиться.

Да-да, понимаю, что грех жаловаться на голод, когда бедная Николь уже никогда и ничего не сможет съесть. Ужасно. Николь мертва, а я жива, и все же ее смерть ничуть не улучшила моего отношения к странной особе. Больше того, из-за Николь клуб закрыт на неопределенное время. Если бы она не вела себя как последняя стерва и не ждала меня на парковке, чтобы отомстить, ее бы не убили на моей собственной территории. А если уж быть последовательной и довести логическую цепочку до самого конца, то нельзя не признать, что именно Николь виновата в нашей с Уайаттом Бладсуортом новой встрече.

Ночью мне было ужасно жаль бедную женщину. Однако утром, когда голова прояснилась, мне вдруг стало ясно, что даже мертвой она умудряется причинять зло.

Я поставила вариться кофе, схватила в холодильнике йогурт и, пока резала пшеничный хлеб для тостера и чистила банан, залпом его проглотила. Очень скоро был готов аппетитный сандвич с арахисовым маслом, медом и бананом, а вдобавок к нему еще и две чашки крепкого кофе. Стало намного лучше, и жизнь уже не казалась такой запутанной. Порой, когда в клубе очень много работы, я вполне могу огра-

ничиться яблоком или чем-то подобным, но когда есть время спокойно расположиться за столом, я, конечно, предпочитаю настоящую еду.

Когда смерть от голода отступила и появилась надежда на будущее, я забрала с парадного крыльца утреннюю газету и, палив еще одну чашку кофе, принялась изучать, что же сумели сотворить из вечернего убийства журналисты. Статья занимала целый подвал первой полосы и сопровождалась крупной фотографией, на которой Уайатт вытаскивал меня из клуба и тащил в свою машину. Бладсуорт казался большим, сильным и мрачным, а я выглядела просто шикарно: обтягивающие лосины и розовый топ, а между ними – красивый загорелый живот. Стройная, без лишнего жира, но и без лишних мускулов, так что все прекрасно. Невольно подумалось, что фотография – лучшая реклама моего фитнес-клуба. Но подпись гласила: *«Лейтенант Дж. У. Бладсуорт уводит свидетельницу Блэр Мэллори с места преступления».*

«Уводит», черт возьми! Слова «тащит» или «волочит» подошли бы куда лучше. И вообще, с какой стати они сунули мою большую цветную фотографию, да еще и с подписью, на первую страницу? Неужели нельзя было напечатать имя где-нибудь в конце статьи, мелкими буквами?

Я прочитала статью от начала до конца и нигде не нашла обещанного Уайаттом заявления о «свидетелях», во множественном числе. Единственное упоминание о свидетеле, вернее, свидетельнице, фигурировало в единственном числе и

касалось моей скромной персоны. Может быть, к тому времени, когда лейтенант встретился с журналистами, статья уже пошла в печать? Вполне возможно, что завтра появится другая информация, но дело уже сделано и вред уже нанесен.

Словно услышав мои мысли, зазвонил телефон. На определителе высветилось название газеты. Нет уж, с репортерами я разговаривать не намерена, потому трубку снимать не стала, а поручила звонок автоответчику.

Пора уезжать из города, и чем быстрее, тем лучше.

Я побежала вверх, быстро высушила волосы и оделась: розовые брючки, белая рубашка и самые что ни на есть шикарные сандалии с маленькими розовыми и желтыми ракушками на ремешках. Ну разве это не лучший из всех возможных пляжных костюмов? Я почистила зубы, а потом взялась за увлажняющий крем, тушь и румяна. Не забыла и блеск для губ – так, на всякий случай. На какой случай? Конечно, на тот, если машину пригонит сам лейтенант Джефферсон Уайатт Бладсуорт. Тот факт, что я не хотела возобновления отношений, вовсе не исключал стремления показать неверному, какую жемчужину он необдуманно отверг два года назад.

Телефон трезвонил не умолкая. Я поговорила с мамой, которая просто проверяла, как у меня дела. Поговорила с Шоной, которую страшно взволновало и само убийство, и фотография, на которой меня запечатлели рядом с Уайаттом – и это после переживаний двухлетней давности. На другие

звонки я просто не отвечала. Зачем разговаривать с репортерами, с любопытствующими близкими и дальними знакомыми, с потенциальными убийцами?

Движение на нашей улице было необычно оживленным. Возможно, даже хорошо, что моя машина не стояла под портиком: ведь сейчас можно было подумать, что дома никого нет. И все же срочно требовались колеса: ждали неотложные дела и предстоящие маршруты.

К десяти часам машина все еще не появилась. Я сторала на медленном огне, а потому решила отыскать номер телефона департамента полиции.

Трубку снял некий сержант. Разговаривал он исключительно вежливо, однако толку от его вежливости было мало. Я спросила, нельзя ли поговорить с лейтенантом Бладсуортом. Оказалось, что нельзя. Так же, как и с детективом Маккиннисом. Сержант ловко переправил меня к кому-то, кто, в свою очередь, отослал дальше. Причем каждый раз мне приходилось подробно объяснять ситуацию. Наконец – наконец! – удалось обрести в качестве собеседника детектива Форестера. Историю пришлось повторить еще раз.

– Сейчас проверю. По-моему, лейтенанта в здании нет, но я постараюсь помочь вам с машиной, – пообещал детектив и положил трубку на стол.

Оставалось лишь слушать шум, тот, который возникает в результате сплетения множества разнообразных звуков. Звонили телефоны, шуршали листы бумаги. Судя по всему, в

помещении департамента полиции днем работа кипела с той же интенсивностью, что и ночью. Я ждала. Времени даром не тратила, а тщательно изучила маникюр, который держался молодцом. Появились мысли о ленче: в отсутствие машины он мог стать серьезной проблемой. Дома я обычно только завтракала, а на ленч оставалась редко. К тому же я почти две недели не покупала продуктов. Наверное, можно было бы заказать пиццу, но ее мне почему-то совсем не хотелось. Зато с каждой минутой заметно укреплялось решение, придушить одного знакомого лейтенанта полиции.

Наконец детектив Форестер снова взял трубку.

– Мадам, лейтенант Бладсуорт именно сейчас занимается вашей машиной.

– Когда он приедет? Сижу, словно в западне. Он обещал доставить ее рано утром.

– Мне очень жаль, мадам, но сегодня у лейтенанта очень много дел.

– Тогда почему же за руль не может сесть один из сотрудников? О, придумала! Я могу взять такси и приехать в клуб «Фанаты тела», а там кто-нибудь из ваших людей выведет машину со служебной стоянки. Это сохранит всем массу времени и нервов.

– Не вешайте трубку, – распорядился детектив. Я не вешала. Оставалась на линии. Оставалась, оставалась и оставалась. Минут через десять Форестер вернулся и произнес: – Извините, мадам, но именно сейчас ничем не могу вам по-

мочь.

Ну что ж, его вины в этом не было. Мне даже удалось сохранить спокойный тон.

– Понимаю. Спасибо за благие намерения. Кстати, вы мне не скажете номер сотового телефона лейтенанта Бладсуорта? Я его куда-то засунула и потому вынуждена вас беспокоить.

– Ничего страшного, – галантно ответил детектив и назвал номер.

Так-так. Благодаря несдержанности Уайатта все полицейские решили, что между нами что-то есть. А в таком случае почему бы детективу и не дать мне его номер? Бладсуорт совершил грубую тактическую ошибку.

Скорее всего начальник занят чем-то важным, и звонок чрезвычайно его отвлечет. О, как я на это надеялась! Начала было набирать номер, но остановилась. Скорее всего телефон Уайатта оборудован определителем номера, а это значит, что лейтенант меня узнает и вполне может не ответить. Самодовольно улыбаясь, я положила трубку и вытащила из сумки сотовый – благо, детектив Макиннис вчера вечером вернул его мне, когда пришел к выводу, что Николь погибла не от моей руки. Включив телефон, я набрала номер.

Уайатт ответил с третьего звонка.

– Бладсуорт, – коротко представился он.

– Где моя машина? – выпалила я как можно требовательнее.

Лейтенант вздохнул.

– Блэр, я все сделаю. Просто сейчас слишком много дел.

– Я сижу, как в ловушке. Если бы ночью ты удосужился выслушать мои доводы, то мог бы сразу вернуть машину, и сегодня не пришлось бы мучиться. Но нет, тебе просто необходимо продемонстрировать свою власть.

Бладсуорт не захотел слушать упреков и отключил телефон.

Я скрипнула зубами от бессильной ярости, но не позволила снова, как он, должно быть, ожидал. Все ясно. Значит, Уайатт намерен вести себя как последнее ничтожество.

Ненавижу этого человека! Пусть катится к черту! Хотя, когда он рядом... нет, в эту сторону я больше не ходок.

Пришлось рассмотреть существующие варианты. Конечно, можно позвонить родителям. Они с удовольствием свозят меня в магазин или даже дадут на время одну из своих машин, но это заставит их самих терпеть неудобства. Шона тоже с готовностью исполнит роль таксиста. Дженни могла бы, если бы в повестке дня не значилось ничего более интересного. Беда, однако, в том, что одна лишь мысль о светской жизни младшей сестры повергает меня в глубокую депрессию.

С другой стороны, ничто не мешает мне взять машину напрокат. Я знаю несколько очень уважаемых агентств, сотрудники которых с удовольствием за мной приедут, отвезут в офис для заключения договора и предоставят машину на любой срок.

Когда в голове созревает план действий, надо действовать. Я нашла в справочнике телефон компании, позвонила и договорилась, чтобы за мной приехали через час. Потом быстро полила все имеющиеся в доме растения и принялась собирать необходимые для короткой поездки к морю вещи, их оказалось совсем немного. Основное место в дорожной сумке заняли вовсе не тряпки, а косметика и туалетные принадлежности. Сунув пару книг – на тот случай, если вдруг возникнет настроение почитать, – я вышла к парадной двери и принялась ждать появления машины.

Движение на улице заметно утихло; судя по всему, зевачи и репортеры решили, что я где-нибудь прячусь, а мржет, просто отправились по магазинам. И все же, ожидая, когда за мной приедут, я решила не выходить на крыльцо, чтобы не стать легкой добычей репортеров или убийцы. Вытащив брелок, чтобы запереть за собой дверь, я с удивлением обнаружила в связке ключи от своей машины. Замечательно! Просто здорово! Оказывается, Уайатт никак не мог ее мне вернуть, потому что я не дала ему ключи, а спросить он не догадался.

Ну что ж, и ничего страшного. Старушка дождетса возвращения хозяйки возле клуба. Сигнализация исправна, навес над парковкой на месте. Самое страшное, что может произойти, – Уайатт отбуксирует ее на городскую стоянку. Впрочем, лучше бы он этого не делал, потому что в случае малейшего повреждения я непременно предъявлю иск.

Напротив дома остановился белый «пontiак» с эмблемой фирмы проката автомобилей. Я подхватила сумку и прежде, чем водитель успел выйти из машины, выскочила на крыльцо. Задержавшись лишь на минуту, чтобы запереть парадную дверь, я подбежала к машине. Открыла заднюю дверцу, бросила сумку на сиденье, а сама устроилась впереди, на пассажирском месте.

– Поехали быстрее, – потребовала я, – пока сюда кого-нибудь черти не принесли.

Водитель растерянно заморгал.

– А что, вас кто-нибудь преследует?

– Вполне возможно. – Если он ничего не знает, тем лучше. Да и правда, кто в наши дни читает газеты? – Бывший парень не дает покоя ни днем ни ночью.

– Он агрессивен? – В голосе прозвучала тревога.

– Да нет. Просто чересчур много ноет. Надоело.

Вздыхнув с облегчением, водитель тронулся с места и повернул в сторону нашего небольшого аэропорта, где расположены все фирмы проката. Началась дискуссия относительно выбора конкретного экземпляра. Все недорогие незамысловатые модели я отвергла, поскольку они оказались чересчур уж незамысловатыми (в одной даже, чтобы открыть окно, надо было крутить ручку – я и понятия не имела, что Детройт до сих пор выпускает такие древности). В конце концов выбор пал на стильный черный пикап. Конечно, на юге черный цвет не самый удачный (из-за жары), но зато красиво смот-

рится. Кроме того, если уж никак нельзя получить любимый «мерседес», то прокатиться в пикапе очень даже интересно и круто.

Наконец с формальностями было покончено, бак заполнен бензином. Сумка – на заднем сиденье, ремень безопасности пристегнут! Готово! Море, я еду к тебе!

Что и говорить, лето не самое удачное время для поездки на пляж без предварительной подготовки. А меня понесло туда еще и в пятницу, когда так поступают все, кто провел рабочую неделю в городе. Но я выехала в полдень, а потому надеялась обогнать конкурентов, тем более что среди них наверняка найдутся отчаянные головы, не потерявшие надежды получить комнату в мотеле прямо на месте. Люди так поступают только потому, что судьба часто оказывается к ним благосклонной.

Поездка из западной части штата на восточное побережье занимает несколько часов. А мне, кроме того, предстояла остановка на ленч. Вести пикап оказалось ужасно приятно, потому что он высокий, а значит, с водительского места прекрасно видно и дорогу, и окрестности. К тому же новая машина оказалась мощной и обладала массой восхитительных излишеств. Прекрасная дорога звала вперед, кондиционер работал отлично, солнышко ласково светило, а Уайатт Бладсуорт стремительно удалялся и понятия не имел, где я нахожусь и куда еду. Жизнь постепенно снова обретала и смысл, и краски.

Примерно в три зазвонил сотовый. Высветился номер: именно его я набирала сегодня утром, так что сразу поняла, кто звонит. Нажала кнопку голосовой почты и преспокойно продолжала рулить по гладкой дороге.

Идея мини-каникул радовала меня все больше. Пара дней на пляже принесет массу удовольствия и пользы, а вдобавок позволит спокойно переждать пик интереса к убийству Николь. Обычно я очень ответственно отношусь к работе, ведь «Фанаты тела» – мое детище, но на этот раз с радостью ухватилась за то, что судьба неожиданно подарила отпуск. Конечно, по-хорошему, на двери клуба следовало бы повесить объявление, чтобы клиенты знали, когда мы снова откроемся. О, черт! Я же совсем забыла о сотрудниках! Надо было непременно позвонить каждому из них. С этой мыслью я набрала номер Шоны.

– Сама себе удивляюсь, – пожаловалась я, едва сестра ответила. – Ведь я не позвонила людям и не поставила их в известность, когда им приходиться.

Самое ценное качество Шоны – умение читать между строк. Не зря мы вместе выросли. Сестра сразу поняла, что речь идет не о членах клуба, а о сотрудниках.

– У тебя дома есть список их телефонов? – Шона всегда отличалась конструктивностью мышления.

– Отпечатанный листок вложен в адресную книгу, а она в левом верхнем ящике письменного стола. Найди ее, а я, как только устроюсь, сразу позвоню и запишу номера.

– Я сама всех обзвоню. Я же в городе, так что звонки будут местными. А ты накрутишь немалую сумму. Не волнуйся, все будет в порядке.

– Спасибо. С меня причитается, так что подумай, что тебе подарить.

Эта девочка просто чудо. Какое счастье иметь такую сестру! Я ведь позвонила Шоне на работу, так что она вполне могла бы сказать, что занята и займется моей просьбой потом, может быть, завтра. Но нет, тогда это была бы не Шона – сестра никогда не отказывает и помогает сразу по полной программе, словно ей больше и заняться нечем. Заметьте, я не говорю ничего подобного о Дженни – та все еще считает себя привилегированной особой. Ну и, разумеется, я вообще не забыла, с каким удовольствием она целовалась с моим бывшим мужем. Конечно, кто старое помянет... и все же что было, то было.

– Не делай такие рискованные заявления. Я ведь могу попросить чего-нибудь более существенного, чем разрешения надеть твое лучшее платье. Кстати, тут кое-кто тебя разыскивает и очень сердится. Догадайся, кто бы это мог быть. Подсказываю: работает в полиции, звание – лейтенант.

Меня поразило вовсе не то, что Уайатт меня разыскивает и злится, а то, что он позвонил Шоне. На одном из грех наших свиданий я говорила, что у меня две сестры, но имен не называла и вообще не сообщала никаких подробностей. Но удивляться, конечно, глупо: он же коп, так что имеет доступ

к любой информации.

– Вау! Надеюсь, он тебя не слишком утомил?

– Нет, он вел себя очень сдержанно. Сказал, готов биться об заклад, что я и есть твой адвокат. К чему бы это?

– Я составила список претензий, который пообещала передать своему адвокату.

Шона хихикнула.

– И что же это за претензии?

– Ну, рукоприкладство, похищение, заносчивое и грубое обхождение и все такое прочее. Бладсуорт забрал листок, так что теперь придется составлять новый перечень. Думаю, с течением времени он будет удлиняться.

Теперь уже Шона смеялась по-настоящему.

– Особенно мило звучит пункт о заносчивом обхождении. А если серьезно, моя помощь нужна? У тебя крупные неприятности?

– Не думаю. Бладсуорт сказал, чтобы я не уезжала из города, но поскольку я не подозреваемая, то могу делать все, что считаю нужным.

– Если ты не подозреваемая, то почему же он это сказал?

– По-моему, ему кажется, что прошлое вернулось. А может, просто мстит за то, что я сделала вид, будто не узнала его. Причем достаточно долго продержалась в образе.

– В таком случае здесь, наверное, и то, и другое. Он увлечен и мстит. И конечно же, хочет, чтобы ты оставалась в пределах досягаемости.

– Только зря надеется, – заключила я и свернула на шоссе, ведущее к Уиллингтону.

Глава 7

Я могла бы доехать до восточных пляжей, но решила, что жилье будет легче найти на южном побережье. Душа стремилась не к развлечениям, она искала тихое местечко, где можно было бы расслабиться, отдохнуть и переждать неприятности.

В Уиллиштон я приехала около шести вечера и сразу направилась к Райтсвилл-Бич. При первом же взгляде на Атлантику душа запела. Как мало все-таки нужно для счастья!

Судьба улыбнулась мне: с первой же попытки удалось найти маленький уютный пляжный домик, из него только что выехали прежние жильцы. Великолепно! Домик гораздо лучше комнаты в мотеле – ведь он позволяет уединиться. Тем более что этот оказался просто очаровательным: миниатюрное бунгало, аккуратно обшитое рейками и покрашенное в голубой цвет. Крыльцо застекленное, а слева от него даже устроен мангал. Внутри при желании можно было насчитать три комнаты: ближняя половина домика представляла собой крошечную кухню и подобие столовой, за ними располагалась гостиная. В дальней половине размещались очаровательная спальня и ванная. Тот, кто обустроивал домик, как будто думал именно обо мне – он даже не забыл натянуть над кроватью москитную сетку. Обожаю такие мелочи: маленькие радости, понятные только женщинам.

Пока я распаковывала вещи, снова зазвенел сотовый. Уже в третий раз на экране высветился номер Уайатта, но я опять переправила звонок на голосовую почту. Телефон требовательно пищал, заявляя, что непременно должен передать полученные сообщения, но я так ни одного и не прочитала, раскусив, что не несу никакой ответственности до тех пор, пока не знаю, о чем именно хочет поговорить лейтенант. Он может угрожать арестом или чем-нибудь в этом роде – зачем же расстраиваться? Гораздо спокойнее просто ничего не знать.

Разобрав и разложив вещи, я отправилась в грандиозный ресторан, где кормят лучшими дарами моря, и временно забыла обо всем на свете, целиком сосредоточившись на огромном блюде восхитительных вареных креветок. Ах, как же я их обожаю! Этот ресторан отличается непринужденностью атмосферы и быстрым, качественным обслуживанием. А мне к тому же удалось попасть в тихое время до вечернего наплыва посетителей. Ужин занял всего лишь сорок пять минут. Когда я вернулась в свой очаровательный домик, на пляж уже напоздали сумерки, а жара спадала. Прекрасное время для прогулки.

Все складывалось как нельзя лучше. Подышав свежим океанским воздухом, я позвонила домой и сообщила маме, где нахожусь. Она ничего не сказала о лейтенанте Бладсуорте, так что, похоже, беспокоить родителей он не решился.

Ночью я спала как младенец, как камень, как убитая – выбирайте сравнение по собственному вкусу. Проснулась ра-

но и решила для разминки пробежаться по пляжу. Предыдущий день прошел без физических упражнений, а подобные простои в работе мышц крайне отрицательно влияют и на самочувствие, и на настроение. Так что я в хорошем темпе пробежала по песку не меньше трех миль, а потом приняла душ и отправилась на поиски магазина, где можно было бы купить какие-нибудь злаки, молоко и фрукты.

Позавтракав, я с наслаждением облачилась в свой новый купальник, щедро намазалась защитным кремом, нацепила на нос солнечные очки, сунула в сумку большое купальное полотенце и книжку и отправилась на пляж.

Устроившись на теплом песке, для начала немного почитала, а потом, когда солнце начало припекать, нырнула в теплую океанскую пучину, поплавала, поплескалась и вновь погрузилась в чтение, на сей раз уже более основательно. К одиннадцати на пляже стало так жарко, что пришлось надеть сарафан, сандалии, положить книгу и полотенце в сумку и отправиться по магазинам. Замечательная особенность курортных городков: можно ходить в чем угодно, хоть в купальнике, и никто даже бровью не поведет.

В одном из магазинчиков удалось обнаружить чрезвычайно актуальные голубые шорты, а к ним очень симпатичный топ – белый с синим. Еще мне приглянулась сумка из соломки, украшенная вышитой металлической нитью рыбкой; она восхитительно сияла на солнце. Сумка великолепно подходила для пляжных принадлежностей. Время ленча прошло

на открытой террасе прибрежного ресторана, под романтический шум океанских волн. Какой-то симпатичный парень изо всех сил старался завязать знакомство, однако потерпел полную неудачу – просто потому, что душа моя жаждала безмятежного отдыха, а не скороспелой любви.

Закончив все дела, я не спеша двинулась домой. Сотовый оставался на подзарядке и ни о каких пропущенных звонках не сообщил. Видимо, Уайатт решил отступить. Обновив слой крема, я опять направилась в сторону пляжа. Там события развивались по прежнему сценарию: чтение, купание в океане, снова чтение. В итоге столь напряженной деятельности в половине четвертого я так захотела спать, что глаза закрылись сами собой. Отложив книгу, растянулась на полотенце и сладко уснула.

Не знаю, сколько времени я проспала, когда неожиданно ощутила, что меня поднимают. В самом прямом смысле. Как ни странно, не заволновалась и не испугалась, что меня пытается умыкнуть какой-нибудь пляжный маньяк. Едва открыв глаза, я увидела перед собой красивое, решительное, очень сердитое и очень знакомое лицо. Больше того, подсознание, а может, та самая таинственная химия заранее подсказала, кто оказался рядом. Можно было и не смотреть: сердце уже исполняло привычный безумный танец.

Он нес меня к домику.

– Лейтенант Бладсуорт, – произнесла я, словно истина нуждалась в подтверждении.

Уайатт нахмурился:

– О Господи! Заткнись, ладно?

Мне не нравится, когда кто-нибудь приказывает мне заткнуться.

– Как ты меня нашел?

Мама не могла меня выдать просто потому, что это мама. Она прекрасно понимает, что если мужчина не может меня разыскать, то ее это вовсе не касается, потому что в случае необходимости я быстренько найдусь сама.

– Очень просто. Ты везде расплачиваешься по кредитной карточке.

Он донес меня до домика, который я не стала запирасть, так как расположилась на песке недалеко от входа, и развернулся боком, чтобы вписаться в дверной проем. От прохлады кондиционера моя кожа сразу покрылась мурашками.

– Хочешь сказать, что проследил кредитную карточку, словно я самая настоящая преступница?

Уайатт отпустил мои ноги, но продолжал держать за плечи, и, чтобы не потерять равновесие, мне пришлось уцепиться за его рубашку. Через секунду он снова меня приподнял и губами нежно накрыл мои губы. В народе подобное действие называется поцелуем.

Кажется, я уже говорила, что когда-то любое прикосновение Уайатта действовало на меня совершенно особенным образом: я моментально таяла. Два прошедших года ровным счетом ничего не изменили. Губы его остались такими же и

имели тот же вкус; мускулистые руки казались отлитыми из стали. Каждый нерв, каждая клеточка моего существа взывали к немедленному пристальному вниманию. По телу словно пропустили слабый ток, и он магнитом тянул меня к этому человеку. По-моему, я даже тихонько заскулила, а потом обвила руками его шею, а ногами бедра и принялась целовать так же жадно, как он меня.

Существовало не меньше тысячи причин, по которым требовалось остановить процесс на первой же секунде, но ни к одной из них я даже не прислушалась. В голове мелькнула единственная связная мысль: слава Богу, что после той неожиданной встречи в четверг я не забываю регулярно принимать противозачаточные таблетки.

Верхняя часть купальника потерялась по дороге в спальню. Мне так не терпелось ощутить прикосновение его тела, что я начала дергать и тянуть рубашку. Уайатт любезно помог мне, подняв сначала одну руку, а потом другую, чтобы снять мешавшую одежду через голову. Под рубашкой открылась мускулистая, широкая, покрытая густой темной растительностью грудь. Я принялась тереться, словно кошка, а он тем временем пытался расстегнуть ремень и избавиться от джинсов. Думаю, глупые ласки только мешали, но останавливаться очень уж не хотелось.

Потом Уайатт уложил меня на постель и лишил нижней части купальника. Словно художник собственное произведение, окинул он горящим взором распростертое на покры-

вале тело. Пристально осмотрел каждый дюйм кожи, причем грудь и бедра привлекли особенно горячее внимание мастера. Бережно раздвинул мои ноги, заставив густо покраснеть. Однако уже через мгновение я ощутила внутри тела его пальцы и забыла обо всем на свете: колени сами собой согнулись, а бедра поднялись от внезапно нахлынувшего любовного восторга.

Уайатт пробормотал что-то не совсем приличное и сдернул джинсы, они послушно упали на пол. Куда делась обувь, понятия не имею. Самым разумным было бы снять ее еще на пляже; наверное, он так и сделал.

Сейчас он перешагнул через джинсы, словно через последнюю преграду, и оказался на мне. Потом я ощутила, как неумный дьявол легонько укусил меня в шею, а в следующую секунду одним мощным движением оказался в сокровенной глубине.

Если бы я была ракетой, то непременно стартовала бы. Последние остатки самообладания унес страстный укус-поцелуй.

Когда же наконец я немного пришла в себя и с трудом приоткрыла тяжелые веки, то обнаружила, что победитель не просто смотрит сверху вниз, а поистине триумфально созерцает поле столь успешной деятельности. Убрал с моего лица волосы, коснулся губами виска:

– Кондом нужен?

Вопрос слегка запоздал, поскольку он уже прочно и осно-

вательно обосновался во мне.

– Нет. Я на таблетках, – удалось проверещать в ответ.

– Хорошо, – авторитетно заключил лейтенант Бладсуорт и принялся за дело.

Замечательно, когда страсти удается победить здравый смысл. Однако он имеет дурное обыкновение возвращаться.

Какое бы множество оргазмов вы ни получили, если здравый смысл изначально присутствовал рано или поздно он непременно возьмет свое.

Когда я наконец очнулась от глубокого счастливого сна рядом с красивым обнаженным мужчиной, день уже почти угас. Конечно, тот, в чьих объятиях я уснула, был поистине великолепен и на стройное мускулистое тело можно было бы любоваться без конца. Беда, однако, заключалась в том, что я не только грубо нарушила собственные правила, но и потеряла значительную часть тактического превосходства. Да, битва полов действительно сродни военному сражению. Если все проходит удачно, выигрывают оба. Если же что-то не получается, то всегда хочется оказаться наименее уязвимой стороной.

Что же произошло? Я предалась любви с человеком, с которым даже не встречалась и не имела прочных отношений. Вернее, когда-то встречалась, но слишком непродолжительное время. Ничего определенного между нами сказано не было, так что я просто-напросто малодушно отдалась ему, словно похотливая маргышка. Ведь он даже ни о чем не про-

сил!

Уайатт оказался совершенно прав, и в этом заключалось главное унижение: стоило ему до меня дотронуться, как я тут же начинала срывать одежду. Не спасало даже то обстоятельство, что в действительности физическая любовь оказалась еще более интересной, приятной, насыщенной, забавной, серьезной, веселой, острой, сладкой и непредсказуемой, чем можно было бы ожидать от постоянно возникающей между нами химической реакции. Такого развития событий допускать было нельзя. Его следовало объявить вне закона. Но как я могла игнорировать лейтенанта Бладсуорта в соответствии со своими принципами, зная, что рядом с ним еще лучше – то есть хуже, – чем может нарисовать воображение? Но если бы я поддалась искушению раньше, то сейчас ощущение провала мучило бы меня еще острее.

Доведя мысль до логического завершения, я осознала, что вот уже минут десять созерцаю великолепный пенис, который за это время превратился из мягкого и спокойно расслабленного в полную свою противоположность. Я перевела взгляд на лицо и обнаружила, что за мной внимательно следят не совсем проснувшиеся, но уже голодные зеленые глаза.

– Больше этого делать нельзя, – твердо заявила я, пытаюсь опередить прикосновение. Ведь оно неизбежно лишило бы меня и без того слабой способности к сопротивлению. – Вполне достаточно и одного раза.

– Боюсь, что совсем недостаточно, – с ленивой уверенностью возразил Уайатт, проведя пальцем по моей груди.

Еще мгновение – и я снова окажусь в ловушке. Черт возьми. Ни в коем случае не поддаваться! Я оттолкнула его палец.

– Серьезно. То, что случилось, произошло по ошибке.

– Позволь не согласиться. Думаю, идея была просто великолепна. – Уайатт приподнялся на локте и навис надо мной. Я тут же запаниковала и отвернулась, чтобы он не успел поцеловать в губы. Однако, как оказалось, сейчас его интересовали вовсе не губы.

Уайатт прижался губами к уху, а потом начал мелкими поцелуями прокладывать дорожку по шее вниз, к выемке возле ключицы. Меня мгновенно захлестнула предательская горячая волна, и хотя я уже открыла рот, чтобы твердо произнести «нет», вместо короткого слова из губ вырвался лишь слабый стон.

Бладсуорт лизал, кусал, целовал и гладил, а я вздрагивала, таяла и стремительно сходила с ума. Так что, когда он вновь оказался сверху, я зашла уже слишком далеко и могла только как можно крепче его обнять и приготовиться к полету.

– Это нечестно! – кричала я полчаса спустя, шлепая в ванную. – Ты обманом заманил меня! Откуда тебе известно, куда надо целовать? Не смей больше так делать!

Уайатт со смехом залез в душ вместе со мной. Выкинуть его не представлялось никакой возможности, а потому при-

шло просто повернуться спиной и сосредоточиться на удалении с собственного тела сложной комбинации защитного крема, соленой океанской воды и остатков мужского естества.

– Неужели ты думаешь, что я ничего не заметил и не запомнил? – Большая теплая рука легла мне сзади на шею, а палец начал осторожно поглаживать позвонок. Я вздрогнула. – Ты же сидела у меня на коленях обнаженной.

– Всего не обнаженной. В юбочке. А это одежда.

– Ну, почти обнаженной. Во всяком случае, я сразу обратил внимание, что прикосновение к груди ты едва замечаешь, но зато поцелуй в шею действовал безотказно и моментально доводил тебя до кондиции. Поэтому что же здесь загадочного?

Мне вовсе не нравились ни подобная пронизательность, ни отличная память. Большинство мужчин считают, что если гладят или целуют грудь, то этим непременно тебя заводят, а значит, могут уговорить совершить то, чего ты на самом деле совсем не хочешь. Для меня же грудь как раз означает не так уж и много – я хочу сказать, как источник наслаждения.

Иногда я завидую женщинам, у которых грудь – эрогенная зона. Я не отношусь к их числу. Однако главное даже не в этом. Мне кажется, что умение сохранять трезвую голову гораздо важнее всех чувственных удовольствий и радостей, которые дарит отсутствие этого качества.

Но от поцелуев в шею я безнадежно таю. Это серьезная

слабость, так как мужчина вполне может целовать вас в шею, даже когда вы одеты. Поэтому я не болтаю о своей особенности направо и налево. Так почему же Уайатт сумел так быстро ее заметить?

Секрет, видимо, кроется в его профессии. Он полицейский, а это значит, что замечать даже малейшие детали – неотъемлемая часть его натуры. В работе, в поисках преступников это свойство поистине бесценно, но пользоваться им в отношениях с женщиной вряд ли позволительно.

– Убери руки и губы от моей шеи! – Я повернулась и постаралась обжечь нахала взглядом. – Все равно здесь я этим заниматься не буду.

– У тебя удивительный талант игнорировать очевидное, – с улыбкой констатировал Уайатт.

– И вовсе я не игнорирую. Просто принимаю твердое решение. Не желаю больше заниматься с тобой сексом. Мне это не доставляет никакого удовольствия...

– Ложь.

– Кроме сексуального, – закончила я, стараясь придать взгляду должную суровость. – Так что тебе стоит вернуться к своей жизни, а я вернусь к своей. Постараемся забыть о случившемся как о досадном недоразумении.

– Вряд ли такое развитие событий возможно. Почему ты так решительно настроена против серьезных отношений? И почему мы не можем снова быть вместе?

– Мы никогда не были вместе. Это слово подразумевает

глубокие чувства, а мы до этого так и не дошли.

– Не драматизируй. За два года я не смог забыть тебя, а ты так и не смогла забыть меня. Да, признаюсь: я надеялся, что разлука излечит, но этого не произошло.

Я снова повернулась спиной и начала мыть голову. Его слова разозлили меня. Оказывается, он хотел забыть меня. Можно было бы помочь ему в этом. Например, стукнув по голове чем-нибудь тяжелым...

– А тебе не хочется узнать, почему именно? – поинтересовался Уайатт и зачем-то начал помогать мне намыливать волосы.

– Нет, – отрезала я.

Он придвинулся ближе, так близко, что прижался ко мне всем телом, и при этом продолжал взбивать пену.

– Ну тогда ничего и не скажу. Когда заинтересуешься, тогда и поговорим.

Лейтенант Бладсуорт меня раздражал. Раздражал до такой степени, как еще никто и никогда. Я изо всех сил сжала зубы, чтобы не попросить рассказать, почему же все-таки он так упорно стремился меня забыть.

Разочарование, негодование и нетерпение нарастали и наконец вырвались на волю.

– Ты просто ничтожество, сопляк и вообще... задница!

Уайатт весело рассмеялся и запихнул мою голову под душ.

Глава 8

Не знаю, как я опустилась до того, что отправилась обедать вместе с Бладсуортом. Вернее, знаю. Он просто не уходил, а я умирала от голода. Требовалось срочно поесть. Поэтому, приняв душ, я вытерла волосы и начала собираться, не обращая на Уайатта ни малейшего внимания. Собралась быстро, потому что ограничилась лишь самым необходимым макияжем – тушью и губной помадой. Все остальное все равно растаяло бы на жаре, так зачем лишние хлопоты?

Бладсуорт снова вызвал у меня крайнее раздражение – на сей раз тем, что легким движением бедра отпихнул меня от зеркала и начал невозмутимо бриться. От удивления я невольно открыла рот – так со мной еще не обращались. Нахал поймал мой взгляд в зеркале и лихо подмигнул. Оскорбленная, я решительным шагом направилась в спальню и оделась – опять-таки очень быстро, потому что, во-первых, привезла относительно мало вещей, а во-вторых, все, что привезла, сочеталось по цвету, так что годилась любая комбинация. Туман вожеления наконец-то рассеялся. Только сейчас на полу возле кровати я заметила небольшую черную дорожную сумку. Сумка осталась открытой – очевидно, бритва и пена для бритья появились именно из ее недр.

Наверное, если внимательно посмотреть, в шкафу тоже можно обнаружить что-нибудь новое...

Я открыла шкаф. Так оно и было. В сторонке притаились аккуратно сложенные джинсы и футболка.

Я схватила обнаруженные вещи, собираясь сунуть их в сумку Уайатта, но в этот момент из ванны появился их владелец.

– Спасибо. Я как раз собирался это надеть.

С этими словами он взял одежду из моих рук.

Стало совершенно ясно, что лейтенант Бладсуорт не поддается ни контролю, ни моральному воздействию, и поэтому единственным выходом оставалось лишь бегство.

Решение пришло мгновенно. Пока злодей натягивал джинсы, я через гостиную бросилась к выходу, по пути прихватив сумку и ключи. Рядом с пикапом мирно пасса арендованный седан – белый «сатурн». Эту деталь я тоже раньше не заметила, поскольку сначала спала, а проснувшись, еще не выходила из дома. Быстро открыв свою машину, я скользнула за руль... и почувствовала, что продолжаю против воли скользить дальше, на пассажирское место, безжалостно вытесняемая сильным плечом. Да, в реакции лейтенанту полиции не откажешь: он прочно занял место за рулем.

Я отчаянно взвизгнула и принялась выталкивать захватчика из кабины, но тот даже не шевельнулся. Тогда пришлось задрать ноги и изо всех сил пнуть самозванца. Для женщины я далеко не слаба, но Бладсуорт словно превратился в скалу. Негодяй весело улыбался!

– Куда направимся? – любезно поинтересовался он, акку-

ратно поднимая ключи – в суете я их уронила.

– Не знаю, – коротко ответила я и открыла пассажирскую дверцу. Спрыгнула с высокой подножки и... Уайатт ловко поймал меня под мышки и засунул обратно в кабину.

– Передвижение возможно двумя способами. Первый: ты сидишь смиренно, как пай-девочка. Второй: я надеваю на тебя наручники. Что выбираешь?

– Это не выбор, – негодуя заявила я. – Это настоящий ультиматум. Но ни то ни другое не годится!

– Могу предложить только эти варианты. Но взгляни на ситуацию с другой стороны: ты вынудила меня гнаться за собой, а потому скажи спасибо, что имеешь хотя бы такой выбор.

– Еще чего! Тебя вовсе не заставляли за мной ехать, и ты сам это знаешь. Никаких объективных оснований запрещать мне выезд из города не существует, кроме твоего бескрайнего самодурства. Так что не сгущай краски. Что-то я не заметила, чтобы в постели ты вел себя так, словно от меня исходят одни лишь неудобства и неприятности.

Бладсуорт нагнулся, подхватил ремень безопасности, перекинул его через мое плечо и застегнул.

– Хочу напомнить, что из сидящих в машине не один я побывал в той постели. Лед тронулся. Встреча оказалась чрезвычайно плодотворной. К полному удовлетворению обеих сторон.

– Этого просто не должно было произойти. Случайный

секс – самая большая глупость на свете.

– Согласен. Но то, что происходит между нами, вовсе не случайно.

– Я уже говорила, что понятия «мы» не существует.

– Ошибаешься. Очень даже существует. Ты просто никак не желаешь признать объективный факт.

Уайатт повернул ключ и тронулся с места.

– Кстати, отличный пикап, – похвалил он. – Удивительно. Мне всегда казалось, что ты склонна к дорогим, даже шикарным машинам.

Я громко кашлянула, и он тут же вопросительно взглянул на меня. Я же молча посмотрела на непристегнутый ремень безопасности. Уайатт что-то проворчал и остановился.

– Слушаюсь, мэ, – отрапортовал он и пристегнулся. Наконец пикап вырулил с дорожки, и я вернулась к дебатам.

– Видишь? Это доказывает, что ты меня совсем не знаешь. Я обожаю водить пикапы. Уверяю тебя, между нами нет ничего общего, кроме физического влечения. А это и делает секс случайным.

– Позвольте с вами не согласиться. Заняться случайным сексом – то же самое, что почесать там, где чешется.

– Я именно это и сделала. Не больше. Так что ты совершенно свободен.

– Ты всегда так себя ведешь, когда обижена?

Я надулась и уставилась на дорогу. Значит, Уайатт понял и это. Да, действительно, за враждебностью и сопротивлением

кроется обида. А ведь обидеться можно только на того, кто тебе небезразличен. Мне не хотелось допускать Бладсуорта в собственную душу. Новые переживания вовсе не входили в мои планы, а этот человек наверняка их доставит, стоит лишь подпустить его поближе. Джейсон принес мне немало боли, но с Уайаттом дело обстояло еще хуже: он мог окончательно разбить сердце.

Словно прочитав эти грустные мысли, Бладсуорт легонько погладил сзади мою шею.

– Извини, – тихо попросил он.

Ситуация с шеей складывалась поистине драматично: ведь этот пронизательный вампир получил возможность манипулировать мной по собственному усмотрению. Да и извинение прозвучало не слишком убедительно. Оставалось попытаться выбить клин клином, то есть подробно описать ситуацию и разъяснить суть проблемы. А для этого я должна была избавиться от руки на шее – прикосновение лишало меня способности трезво рассуждать. Я смахнула парализующую ладонь и собралась с духом.

– Ну так вот. – Мой голос звучал достаточно уверенно, за что большое спасибо моим актерским способностям. Для надежности я старалась сконцентрировать внимание не столько на собеседнике, сколько на том, что происходит вокруг. – Как можно тебе доверять? Могу ли я поверить, что ты снова не причинишь мне боль? Ведь два года назад ты попросту сбежал, даже не сказав почему. Не попытался решить про-

блему сам и не дал шанса мне. Мой брак и развалился именно потому, что муж, вместо того чтобы поделиться возникшими трудностями и вместе со мной заняться их устранением, начал трусливо и предательски бегать на сторону.

Бладсуорт выслушал мой монолог молча. Мне казалось, что он начнет спорить, объяснять ситуацию со своей колокольни, но ничего подобного не произошло.

– Так, значит, суть проблемы заключается в доверии, – наконец произнес он. – Хорошо. Думаю, с этим затруднением удастся справиться.

Слегка повернув голову, Уайатт взглянул решительно, даже сурово.

– Однако это означает, что нам придется часто видеться. Ведь на расстоянии доверия не вернуть. Так что отныне мы всегда вместе. Поняла?

От неожиданности я даже растерялась. Мне и в голову не пришло, что ему удастся повернуть мои собственные слова о недоверии таким неожиданным образом: оказывается, для установления взаимопонимания мы должны быть вместе. Поистине, этот человек непредсказуем.

– У тебя явные нелады с логикой. – Я постаралась сформулировать мысль как можно более четко. – Когда я говорю об отсутствии доверия, это означает, что я *не хочу* быть с тобой.

Уайатт кивнул:

– Конечно, конечно. Понимаю. Именно поэтому, стоит

нам остаться наедине, мы сразу начинаем срывать друг с друга одежду.

– Результат химического дисбаланса и ничего больше. Лечение совсем простое – курс хорошего поливитаминого препарата, и все пройдет.

– Давай обсудим проблему за столом. Где ты хочешь пообедать?

Уловка ясна: надеется отвлечь меня пищей. Не будь я так голодна, коварный замысел непременно провалился бы.

– Там, где исправно работает кондиционер, где я смогу сесть за стол и какой-нибудь симпатичный человек принесет мне «Маргариту».

– Идет, – кивнул Уайатт.

Райтсвилл-Бич расположен на острове, так что в Уиллингтон мы попали, проехав по мосту, и вскоре уже входили в мексиканский ресторан, где кондиционер старался вовсю, а меню гордо предлагало «Золотую Маргариту».

Молодой официант-латиноамериканец терпеливо ждал, пока мы выберем напитки. Себе Уайатт заказал пиво, а мне «Золотую Маргариту» со льдом. Что означает «золотая», я не знала, да и не стремилась узнать. Можно было предположить, что коктейль содержал какой-нибудь особый вид текилы, но с тем же успехом текила могла быть и самой обыкновенной – кто ее знает?

Емкость, которую мне принесли, можно было лишь с большой натяжкой назвать фужером. Размерами она больше

походила на вазу. Причем огромную. Наверное, это все-таки была не ваза, но, уж конечно, не фужер. Самое точное описание – прозрачная чаша на тонкой ножке.

– Вот это да! – не удержался Уайатт.

Оставив его замечание без внимания, я взялась за чашу двумя руками – только так ее и можно было поднять. Холодное стекло слегка запотело. Сверху красовались два ломтика лайма, а доступ к содержимому обеспечивала ярко-красная пластиковая трубочка.

– Давай сделаем заказ, – напомнил Уайатт.

Я жадно припала к трубочке и проглотила солидную дозу коктейля. К счастью, он оказался не слишком крепким, иначе я бы дошла до кондиции еще на середине порции.

– Хочу буррито с мясом.

Уайатт заказывал и одновременно следил за мной. А я, в свою очередь, наблюдала за ним. Потом втянула следующую дозу напитка.

– Если напьешься, – предупредил Бладсуорт, – непременно сфотографирую во всей красе.

– О, спасибо. Говорят, в пьяном виде я весьма пикантна и даже неотразима.

Никто ничего подобного не говорил, но ведь Уайатт об этом не знал. Больше того, мне еще ни разу не доводилось напиваться допьяна. Должна признаться, что время учебы в колледже прошло не совсем гладко. Но пьянеть было просто некогда, на следующий день всегда предстояли важные де-

ла: тренировка группы поддержки, гимнастика. Или совсем некстати ожидался экзамен. Так что всякий раз оказывалось, что похмелье никоим образом не гармонирует с планами на утро, а потому я просто прекращала пить, даже не успев захмелеть.

Официант принес корзинку горячих соленых лепешек тортилья и две порции соуса – острого и мягкого. Взяв одну лепешку, я немного посолила ее и опустила в острый соус. Удивительно вкусно и по-настоящему остро. После трех лепешек меня бросило в пот, и пришлось снова протянуть руку к коктейлю.

Уайатт опередил меня и отодвинул вазу – то есть фужер – подальше.

– Эй! – возмущенно воскликнула я.

– Не хочу, чтобы ты окончательно надралась.

– Захочу – и надерусь хоть до посинения.

– Мне необходимо задать тебе еще несколько вопросов. Вот почему я и возражал против твоего отъезда из города.

– Напрасно стараешься, лейтенант. – Я наклонилась и ухватила родной коктейль. – Во-первых, следствие по делу ведут детективы, а вовсе не ты. Во-вторых, единственное, что мне удалось увидеть, – это мужчину рядом с Николь и то, что он уехал в темном седане. Все. Больше ровным счетом ничего.

– Это тебе кажется, – возразил Бладсуорт, выхватив вазу в тот самый момент, когда я собиралась втянуть в себя оче-

редную порцию живительной влаги. – Иногда детали всплывают через несколько дней. Например, свет автомобильных фар. Или свет задних габаритных огней. Не видела ничего подобного?

– Фар не видела точно. – Вопрос показался мне интересным и даже заинтриговал. – А вот габариты... хм... возможно...

Закрыв глаза, я попыталась снова прокрутить в уме всю сцену. Картина оказалась на удивление живой и подробной. Вот медленно проплывает мимо темная машина... внезапно учабившийся стук сердца подсказал ответ.

– Не забывай, что улица расположена под прямым углом ко мне, так что все видно как бы сбоку. Да, задний габарит... продолговатый. Точно не круглый. Продолговатый и узкий.

Глаза сами собой широко раскрылись.

– По-моему, габаритные огни такой формы у некоторых моделей «кадиллака».

– В том числе, – уточнил Бладсуорт. Он прилежно записал мои слова в маленький блокнот, который, судя по всему, вытащил из кармана – тот был сложен пополам.

– Вполне мог бы спросить меня об этом по телефону, – ядовито заметила я.

– Если бы ты отвечала на звонки, – ответил он тем же тоном.

– Но ведь это ты отключился.

– В тот момент я был очень занят и не мог разговаривать.

Вчера выдался жуткий день. Позаботиться о твоей машине времени не было, да я все равно не смог бы ее завести, так как ты не догадалась оставить мне ключи.

– Знаю. То есть тогда еще не знала. Обнаружила их уже дома. Дело в том, что газета назвала свидетелем только меня и больше никого. Сам понимаешь, не слишком приятно. К тому же Тиффани так плакала, так просилась на пляж, что я побыстрее арендовала вот этот пикап и приехала сюда.

– Тиффани? – удивленно переспросил Уайатт.

– Нуда, моя пляжная душа. Ее так зовут. Мы с ней очень давно не ездили в отпуск.

Бладсуорт смотрел на меня так, словно только что разглядел у меня вторую голову или услышал признание в раздвоении личности. Через некоторое время к нему вернулся дар речи.

– А кроме Тиффани, в тебе больше никто не живет?

– Если ты имеешь в виду снежную душу, то ее нет. Однажды я, правда, каталась на лыжах. Вернее, почти каталась. Надела ботинки. Но они оказались настолько неудобными, что у меня даже возник вопрос: неужели люди носят их по доброй воле, без пистолета у виска?

Я немного подумала, побарабанила пальцами по столу и решила продолжить.

– Когда-то у меня был еще Черный Барт, но он что-то давно не давал о себе знать, так что, вполне возможно, он со взрослыми не дружит.

– Черный Барт? Это что, твой внутренний... телохранитель? – Уайатт улыбнулся.

– Нет, он просто маньяк. Если бы ты осмелился тронуть хоть одну из моих Барби, то Барт моментально бы тебя прикончил.

– В играх, наверное, равных тебе не было и нет.

– Надеюсь, к девчачьим куклам у тебя претензий не возникает?

Лейтенант недоуменно посмотрел на лежавший перед ним блокнот. Казалось, он пытался вспомнить, каким образом разговор перешел с габаритных огней на Барби. Однако вернуться к основной теме не успел, как так официант принес заказ и аккуратно поставил перед нами тарелки, не забыв предупредить, что они горячие.

Лепешки тортилья предотвратили голодную смерть, но ощущения полной сытости не принесли. Поэтому одной рукой я жадно схватила буррито, а другой подвинула к себе несправедливо конфискованную «Маргариту». Равноценное владение обеими руками имеет свои несомненные плюсы. Писать левой я, к сожалению, не могу, но зато вполне способна вернуть похищенный коктейль.

Как я уже говорила, коктейль оказался не слишком крепким. Но зато его было много. Расправившись с буррито, я умудрилась высосать почти половину чаши и уже начала обретать ощущение счастья. Бладсуорт заплатил за обед, мы поднялись и пошли к машине. Не понимаю, зачем он всю

дорогу так крепко меня обнимал: я не спотыкалась, не качалась и даже не пела.

В пикап Уайатт засунул меня так, словно сама я туда ни за что бы не влезла. В знак благодарности я одарила его шикарной улыбкой и положила руку на колено.

– Как насчет близких отношений, начальник? – Бладсуорт хмыкнул, пытаясь подавить смех.

– А ты не могла бы донести эту идею до дома?

– Пока доедем до дома, я протрезвею и вспомню массу причин, почему этого делать не следует.

– Но я все-таки попытаю счастья. – Он нежно меня поцеловал. – А вдруг повезет?

Ах да, шея. Уайатт знал о предательских свойствах моей шеи. Очевидно, придется разориться на водолазку, а может, даже и несколько.

К тому времени как мы переехали через мост в обратном направлении и вернулись в Райтсвилл-Бич, сияние счастья уже как-то померкло, оставив после себя лишь сонливость. Впрочем, мне удалось самостоятельно покинуть кабину и не слишком твердой походкой направиться к крыльцу. Неожиданно я оказалась на руках у Уайатта.

– Предложение все еще в силе?

– Извини. Радость жизни уже поблекла. Алкогольное вождение выветривается быстро.

Лейтенант нес меня с такой легкостью, словно вовсе не ощущал веса, хотя миниатюрной меня назвать нельзя. Одна-

ко Бладсуорт был дюймов на десять выше и к тому же до сих пор оставался отличным спортсменом, а это означало, что он тяжелее меня минимум фунтов на восемьдесят, если не больше.

– Вот и хорошо. Предпочел бы, чтобы ты вождедела ко мне не только в пьяном виде.

– Способность соображать вернулась, а вместе с ней и прежние доводы. Не хочу заниматься сексом.

О Господи! Какая страшная ложь! Я безумно его желала, но из этого вовсе не следовало, что между нами непременно должно что-то произойти.

– Уверен, что смогу убедить свою девушку в необходимости изменить решение, – самонадеянно заявил Уайатт, открывая дверь. Домик ждал нас незапертым: ведь я очень спешила удрать от преследователя, а Уайатт торопился меня догнать.

Примерно через час я наконец обрела право на сон. Последней промелькнула мысль о полной бесполезности водолазки. Что шея? Чтобы сохранить способность владеть собой, придется покупать полный набор доспехов.

Глава 9

Проснулась я среди ночи. Было очень холодно и страшно. Холоду удивляться не приходилось, так как Уайатт повернул регулятор кондиционера на деление «мороз». Видимо, мне снился какой-то сон, потому что проснулась я от звука выстрела и не сразу поняла, где нахожусь.

Наверное, я что-то пробормотала или вздрогнула от испуга. Уайатт тут же сел в постели и абсолютно бодрым голосом спросил:

– Что с тобой?

Вопрос вернул меня к действительности. Я попыталась что-нибудь рассмотреть в темноте, но на фоне более светлого прямоугольника окна сумела различить лишь контуры сильного тела. Протянув руку, дотронулась до него и сразу почувствовала тепло обнаженного живота – как раз над прикрывающей бедра простыней. Прикосновение было неосознанным, импульсивным и отражало инстинктивную потребность в контакте.

– Холодно, – пробормотала я, и Уайатт тут же снова лег, прижал меня к себе и натянул одеяло. Я удобно устроилась, положив голову ему на плечо, а руку на грудь. Тепло и сила успокаивали, а столь реальное присутствие сильного мужчины внушало уверенность. Я вовсе не собиралась спать с Бладсуортом – вы понимаете, о чем речь, – потому что все

еще отчаянно пыталась соблюсти принципы. Однако случилось так, что сон сморил меня прямо посреди жаркого спора, а Уайатт явно воспользовался моим бессознательным состоянием. Подозреваю, что тактический ход был тщательно рассчитан: изнурить меня сексом до такой степени, что глаза закрылись сами собой. Но сейчас, в ночной тьме, было безумно приятно лежать в объятиях этого человека и чувствовать тепло и заботу. Это было то, что я отчаянно хотела получить от него раньше. И сейчас степень собственного счастья почти пугала.

– Что тебе снилось? – спросил Уайатт, легко и ласково меня обнимая. Глубокий голос уютно охрип от сна, а удивительная близость согревала подобно самому теплому и мягкому одеялу.

– Не знаю. Ничего не помню. Почему-то проснулась и никак не могла понять, где нахожусь. Да еще этот холод... Я что-то сказала?

– Нет, просто издала забавный звук, как будто испугалась.

– Мне показалось, что раздался громкий хлопок, но это могло и присниться.

– Я ничего не слышал. А что за хлопок?

– Похоже на выстрел.

– Нет, здесь ничего подобного не происходило. – Уайатт говорил абсолютно уверенно. Я решила, что, как полицейский, он должен разбираться в таких делах.

– Ну, тогда, наверное, мне снился сон об убийстве. Не мо-

гу ничего вспомнить. – Я зевнула и постаралась прижаться еще ближе. В этот момент и мелькнула искра воспоминания. Да, сон действительно снился, но убивали в нем не Николь, а меня. Но ведь до того, как полиция обнаружила тело Николь, я и не сомневалась, что стреляли именно в меня. Так что целых десять минут, до приезда копов, я умирала от ужаса.

– Подожди, кое-что вспоминается. Мне приснилось, что в меня стреляют, ведь поначалу это так и выглядело. Наверное, подсознание продолжает работать.

Объятие стало крепче.

– А что ты сделала после выстрела?

– Не поднимаясь, на корточках добралась до служебного входа, а потом заперла дверь и набрала номер 911.

– Молодец. Именно так и надо было действовать.

– Я испугалась до смерти, но изо всех сил пыталась держать себя в руках.

– Это только говорит о твоём здравомыслии.

– А также и о том, что Николь застрелила не я, так как я не выходила под дождь, чтобы выяснить обстановку, и осталась совершенно сухой. И все же я попросила копов провести тест на следы пороха, потому что очень устала и не хотела, чтобы меня отвезли в департамент и начали допрашивать. Правда, мои усилия оказались напрасными: благодаря тебе я все-таки оказалась там.

Это обстоятельство здорово меня расстраивало.

– Да, о тесте «на пудру» я слышал, – сухо заметил Уайатт.

Похоже, ему казалось, что я разыгрывала роль тупой блондинки, чтобы отвести подозрения полицейских. Хотя понятия не имею, с чего он так решил.

Я продолжала рассуждать:

– Не понимаю, с какой стати этот сон приснился мне именно сегодня. Почему не в первую ночь? Это было бы естественнее.

– Ты очень устала. Что-то, наверное, снилось и тогда, но сны просто не запомнились.

– А вторая ночь? И о ней ничего не помню.

– То же самое. Долго ехала, а до этого еще и не выспалась.

Усталость взяла свое.

От неубедительности объяснения я даже фыркнула.

– Ты что же думаешь, сегодня я не устала?

– То совсем иная усталость, – пояснил Уайатт внезапно потеплевшим голосом. – Тогда был стресс. Сегодня удовольствие.

Что верно, то верно. Даже споры с ним доставляли своеобразное наслаждение, поскольку были мне интересны. Немного тревожило то обстоятельство, что все битвы выигрывал противник, но сам процесс борьбы вдохновлял. Наверное, мотыльки тоже счастливы, когда летят прямо в огонь. Если бы Уайатт снова меня обжег, то просто не знаю, что бы я делала. Ведь он почти покорил и приручил меня, в результате чего я оказалась с ним в постели.

В отместку за страдания я постаралась ущипнуть Уайатта

как можно больнее.

Он подпрыгнул.

– Ой! За что?

– За то, что затащил в постель даже без ухаживания, – с негодованием провозгласила я. – Заставляешь чувствовать себя слишком простой и доступной.

– Милая, в тебе нет ничего простого и доступного. Уж поверь мне. – Голос звучал серьезно.

– Нет, именно так и ведут себя доступные женщины. – Мне почти удалось заплакать. Что ж, если не дано выигрывать сражения, так стоит хоть немного помучить противника.

– Ты что, плачешь? – В вопросе послышалась искренняя тревога.

– Нет. – Ответ соответствовал правде. Но разве я виновата в том, что на коротком слове голос слегка дрогнул?

На лицо легла теплая рука.

– Нет, не плачешь.

– Я же сказала, что не плачу.

Черт возьми, неужели он ничего не принимает на веру? Как же тогда можно от него что-нибудь скрыть?

– Да, но ты заставила меня ощутить вину. Неужели не понятно, что если тебе чего-то действительно не хотелось, то надо было всего лишь твердо сказать «нет»?

– Но ты же все портишь шейей. Ты должен оставить мою шею в покое. И еще насчет секса. Я считаю, что пересекать

черту слишком рано. Сначала надо выяснить, могут ли между нами завязаться серьезные отношения.

– Завязаться? – удивленно переспросил Уайатт. – А мне почему-то кажется, что все уже и так давным-давно завязалось.

– Не совсем. Пока мы всего лишь на старте. У нас даже не было свиданий. Я имею в виду сейчас. Два года назад не в счет.

– Но сегодня мы вместе пообедали.

– Это тоже не считается. Сначала ты применил физическую силу, а потом удерживал меня угрозами.

Уайатт пожал плечами:

– Неужели если бы ты не хотела есть и не решила, что за обед заплачу я, что-нибудь могло помешать тебе закричать во все горло и начать звать на помощь?

Да, он прав. Конечно, с ним я чувствовала себя на удивление спокойно и в полной безопасности – от всего и всех, кроме самого Уайатта Бладсуорта.

– В таком случае предлагаю заключить сделку. Я готова принять ухаживания – так, как будто все начинается заново. Ведь ты этого хочешь, не так ли? Тебе нужен еще один шанс? Но этот шанс подразумевает отсутствие секса, так как секс путает все карты.

– Ничего подобного!

– Ну хорошо, уточним: секс путает мои карты. Ведь вполне возможно, что когда ты ближе узнаешь меня, а я тебя,

то окажется, что мы вовсе не нравимся и не подходим друг другу. Или, например, ты решишь, что я не настолько симпатична тебе, как ты мне: ведь я же говорю, что секс путает все карты и только нагоняет туману. Возможно, занятия сексом не оказывают эмоционального воздействия на мужчин. А для женщин это крайне важно. Если согласишься отступить в отношениях на шаг назад и принять простые условия, то избавишь меня от нешуточной сердечной боли.

– Ты просишь закрыть дверь конюшни уже после того, как конь убежал.

– Ну так поймай его, стреножь и верни обратно в штаны – пардон, в конюшню.

– Это твоя позиция. Извини, но, по-моему, она идет вразрез с основным человеческим инстинктом. Я не могу не ласкать тебя при каждом удобном случае, потому что только так мужчина доказывает самому себе и всему миру реальность обладания своей женщиной.

По его тону я поняла, что Уайатт начал заводиться. Если включить свет, то удастся увидеть выражение его лица. Но ведь верно и другое: он тоже увидит выражение моего лица. Так что лучше все оставить как есть.

– Если бы наши отношения зашли достаточно далеко, то я бы непременно с тобой согласилась.

– А разве это не так?

Действительно, мы оба голые и лежим в одной постели. Но что из этого?

– Конечно, нет. По-моему, можно говорить о физическом влечении, однако при этом мы совсем друг друга не знаем. Какой, например, мой любимый цвет?

– Черт возьми, я был женат целых три года и понятия не имел о любимом цвете жены. Мужчины не думают о таких вещах.

– Чтобы на что-то обратить внимание, вовсе не обязательно об этом думать. – Разумеется, я не пропустила мимо ушей реплику насчет брака продолжительностью в три года. Факт не новый – миссис Бладсуорт говорила об этом еще до того, как познакомила нас. И все же думать о женитьбе Уайатта мне было так же неприятно, как и о собственном неудачном замужестве. Возможно, я просто-напросто ревновала.

– Розовый, – произнес Уайатт.

– Близко, но не в «десятку». Розовый идет вторым.

– О Господи! Неужели у тебя не один любимый цвет?

– Первый – чирок.

– Чирок? Это что, такой цвет? Всю жизнь думал, что это утка.

– Может быть, название как раз и происходит от утки. Не знаю. Но суть в том, что если бы мы провели вместе какое-то время и узнали друг друга ближе, ты бы обязательно заметил, что у меня много вещей именно этого цвета, и догадался бы, что он нравится мне больше всех других. А сейчас ты не мог догадаться, потому что мы еще совсем не были вместе.

– Вывод напрашивается сам собой. Надо проводить вме-

сте больше времени.

– Согласна. Но без секса.

– Чувствую себя так, словно бьюсь головой о кирпичную стену, – пожаловался Уайатт, обращаясь к потолку.

– Знакомое ощущение. – Я начала выходить из себя. – Пойми, я боюсь вновь оказаться с разбитым сердцем, и именно поэтому не хочу допускать тебя ближе. Мне страшно влюбиться – а вдруг ты снова уйдешь и бросишь меня? Знаешь, я должна быть уверена в том, что, полюбив, не останусь одна, а смогу пройти рядом с любимым долгий путь. Разве секс способен дать такую уверенность? Это для женщины он значит многое, а для мужчины – пустяк, легкое развлечение. Секс – химическая реакция. Она создает в мозгу женщины короткое замыкание, опьяняет настолько, что несчастная уже не способна увидеть, что спит с предателем. И понимает это слишком поздно.

Молчание длилось долго. Первым заговорил Уайатт:

– А что, если я уже люблю тебя и с помощью секса хочу это доказать? Что, если я таким образом просто пытаюсь стать ближе тебе?

– Если бы ты сказал «страстно влюблен», «влюблен по уши», то, возможно, я бы и поверила. Но любить? Мы едва знакомы, так разве ты можешь всерьез меня любить? Между нами не любовь, а простое вождение. Похоть. И случится ли когда-нибудь любовь – большой вопрос.

Снова молчание. Наконец я услышала:

– Думаю, что понимаю тебя. Согласиться не могу, но понимаю. Но ясно ли тебе, что я имел в виду, сказав, что секс – это способ проявить свои чувства?

– Да, – не очень уверенно заявила я. К чему он клонит? – И тоже не могу согласиться.

– В таком случае ситуация тупиковая. Выхода нет. Ты не хочешь заниматься сексом, а я хочу. Что ж, придется заключить соглашение: всякий раз, когда я начну к тебе приставать, достаточно будет тебе произнести «нет», и я остановлюсь, как бы далеко ни зашел. Даже если пискнешь свое «нет» откуда-нибудь из-под меня, обещаю тут же взять себя в руки.

– Это нечестно! – закричата я. – Сам знаешь, как трудно тебе отказать.

– Так что же, позволь узнать, можешь предложить ты?

– Ты не должен прикасаться к моей шее.

– Ну, в таком случае обмотай шею толстым-претолстым шарфом и никогда в жизни его не снимай. – С этими словами хитрец ловким движением подтянул меня, так что моя голова оказалась чуть выше его, и, прежде чем я смогла возмутиться, спрятал лицо в изгибе шеи и плеч и принялся легонько покусывать. Мгновение – и острое наслаждение пронзило меня молнией. Какое уж тут сопротивление...

Такой вот он обманщик.

– Домой полетим на самолете, – распорядился Бладсуорт, когда мы, позавтракав, начали собирать вещи.

– Но пикап...

– Ничего страшного, вернем его в местное отделение фирмы. Моя машина ждет в нашем городе, в аэропорту. Я отвезу тебя в клуб, и ты заберешь свою.

Наконец-то мне удастся снова увидеть любимый белый «мерседес»! Замечательный план. Правда, я не слишком склонна летать на самолетах. Время от времени все-таки приходится это делать, но за рулем как-то привычнее, спокойнее и надежнее.

– Не люблю летать, – произнесла я.

Уайатт выпрямился и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Только не говори, что боишься.

– Нет, не боюсь, то есть не настолько боюсь, чтобы хватать ртом воздух и все такое прочее. Просто не могу назвать самолет любимым видом транспорта. Наша команда однажды летела на какой-то чемпионат, и самолет попал в воздушную яму. И падали мы так долго, что, казалось, пилоту ни за что не удастся выровнять самолет. С тех пор я не слишком уютно чувствую себя в небе.

Уайатт с минуту молча смотрел на меня, словно раздумывая, а потом кивнул:

– Хорошо, поедем на пикапе. Только сначала все равно придется заехать в аэропорт и вернуть машину, которую взял я.

Черт подери! Такого я не ожидала – думала, что на самолет меня поволокут силой. За последние дни я так стара-

тельно обвешала лапшой уши лейтенанта Бладсуорта, что он имел полное право не верить вообще ни одному моему слову. Однако этот человек, похоже, успел создать собственный детектор лжи Блэр – наподобие того, каким обладала мама, – и понял, что если я и слукавила, то только в сторону преуменьшения, не раскрыв истинного уровня испытываемого дискомфорта. На самом же деле степень преуменьшения была не так уж и велика: панике я действительно стараюсь не поддаваться.

В итоге мне пришлось ехать следом за Уайаттом в аэропорт, где он сдал взятую напрокат машину. Потом, сидя за рулем, я терпеливо ждала, пока он устроит свои вещи в пикапе рядом с моими. Новый сюрприз: лейтенант Бладсуорт скромно уселся на пассажирское сиденье и аккуратно пристегнулся, даже не претендуя на лидирующую позицию за рулем. Только совершенно уверенный в собственной состоятельности мужчина мог позволить женщине вести пикап... если, конечно, хитрец не пытался умаслить меня столь изощренным способом. Как бы там ни было, а уловка сработала: во время долгого возвращения домой я чувствовала себя почти умиротворенной.

Когда мы добрались до аэропорта нашего города, уже наступал вечер. Здесь нам предстояло сдать пикап и забрать «форд» Уайатта. Мы переложили вещи и отправились за моим «мерседесом».

К несчастью, почти вся территория до сих пор остава-

лась окруженной желтой полицейской лентой. У меня забрали половину автостоянки для посетителей, все здание и всю стоянку для автомобилей персонала. Бладсуорт остановился рядом с отгороженным участком.

– Когда мы сможем снова начать работу? – поинтересовалась я, отдавая ему ключи от «мерседеса».

– Постараюсь к завтрашнему дню завершить все работы на месте. Тогда сможешь открыться во вторник. Но учти – я ничего не обещаю.

Оставшись возле машины, я наблюдала, как Уайатт скрылся на служебной стоянке. Через несколько минут он появился вместе с моим белым кораблем, объехал свою машину и остановился рядом с ней, ближе к улице. Не выключая двигателя, вышел, вынул мою сумку из багажника «форда» и переложил на заднее сиденье «мерседеса». Потом немного отступил, чтобы оказаться рядом, когда я буду садиться за руль. На мою руку легла большая теплая ладонь.

– Сегодня ночью мне придется поработать, надо разобраться с накопившимися бумажками. Поедешь к родителям?

В последние два дня меня настолько захватили мысли об этом человеке и об отношениях с ним, что я даже перестала беспокоиться об опасности своего существования в качестве единственного свидетеля убийства Николь.

– Не хочу показаться уж совсем глупой, но неужели этот парень – убийца – действительно может попытаться убрать

свидетеля, то есть меня?

– К сожалению, полностью исключить такую возможность нельзя, – мрачно проговорил Бладсуорт. – Вероятность невелика, но все же существует. Честно говоря, было бы гораздо спокойнее, если бы ты или отправилась к родителям, или поехала ко мне домой.

– Поеду к родителям, – решила я. Раз он беспокоится, значит, для этого есть веские основания и лучше проявить осторожность. – Но домой мне все равно придется заехать: надо взять одежду, оплатить счета и уладить еще кое-какие мелочи.

– Тогда я поеду с тобой. Возьмешь все необходимое, а канцелярскими делами займешься у родителей. А еще лучше, если ты скажешь, что тебе может понадобиться, а я сам все соберу и привезу.

Ничего себе! Он считает, что имеет право копаться в ящике с моим нижним бельем?

Эта мысль лишила меня душевного равновесия. Дело в том, что Уайатт не только видел мое белье, но и собственными руками его снимал. Должна признаться, я всегда любила симпатичные предметы дамского туалета, так что причин краснеть за содержимое бельевого ящика у меня нет.

– Дай блокнот и ручку, – попросила я и, когда Уайатт достал из кармана сложенный пополам маленький прямоугольник, составила подробный список необходимой одежды, а также пояснила, где именно лежат требующие срочной опла-

ты счета. К счастью, и косметика, и туалетные принадлежности были уже со мной, так что на этот счет мой посыльный мог не беспокоиться.

Я протянула Уайатту ключ от дома и заметила, как странно он взглянул на него.

– Что? – забеспокоилась я. – Неужели с ключом что-нибудь не так?

– Нет, все в полном порядке, – ответил он и склонил голову. Поцелуй оказался нежным и теплым. Неожиданно для себя самой я приподнялась на цыпочки, крепко, обеими руками, обняла Уайатта за шею и ответила на поцелуй с искренним воодушевлением.

Уайатт поднял голову и облизал губы, словно пытаюсь полнее ощутить вкус поцелуя. Расставаться так не хотелось, что я едва сдержалась, чтобы не попросить Уайатта взять меня с собой – ко мне домой. Однако в последний момент здравый смысл все-таки возобладал. Уайатт отступил, чтобы пропустить меня в машину.

– Да, сейчас объясню, как найти дом родителей, – спохватилась я.

– Не волнуйся, мне прекрасно известно, где они живут.

– Откуда? Ну конечно, ты же коп! Проверил все, что можно.

– Да, еще в пятницу, когда нигде не мог тебя найти.

Я окинула его тем взглядом, который Шона называла «стеклянный глаз». Так смотрела на нас мама, когда точно

знала, что дочери провинились, и пыталась добиться от них признания.

– Мне кажется, ты слишком активно используешь преимущества статуса полицейского начальника. Дальше так продолжаться не может.

– А по-моему, только так и можно чего-то добиться. – Уайатт улыбнулся и направился к своей машине.

– Подожди! Ты сейчас поедешь ко мне домой за вещами или сначала отправишься на работу, а ко мне заедешь позже?

– Сначала привезу твои вещи. Понятия не имею, сколько мне придется торчать на работе.

– Хорошо. Увидимся. – Я бросила сумку на пассажирское сиденье, однако немного не рассчитала. Сумка ударилась о консоль и приземлилась на водительское сиденье. Я нагнулась, подняла ее и бросила на нужное место. В этот момент по улице гулким эхом прокатился резкий звук. Я испуганно отскочила от машины и в ту же секунду ощутила острую боль в левой руке.

В следующее мгновение тяжелая бетонная плита сбила меня с ног и повалила на тротуар.

Глава 10

Бетонная плита казалась очень твердой, но теплой. А еще она нещадно материлась. Весила плита не меньше тонны.

– ...сукин сын!.. – завершил яростную тираду Уайатт. Слова вылетали сквозь стиснутые зубы, словно пули. – Блэр, с тобой все в порядке?

На этот вопрос мне трудно было ответить однозначно. Я упала на тротуар и больно ударилась головой. Кроме того, под тяжестью большого мужского тела дышать было почти невозможно. А главное, ужасно болела рука. Шок лишил меня воли: ведь раньше я уже слышала подобный звук и хорошо понимала, что произошло.

– Надеюсь, – неуверенно ответила я.

Постоянно оглядываясь по сторонам в поисках стрелявшего, Уайатт осторожно встал, а потом поднял меня и посадил, прислонив к переднему колесу.

– Сиди здесь! – коротко скомандовал он, словно приказывая собаке. Мог бы и не беспокоиться: я все равно не собиралась никуда убежать.

После этого лейтенант вытащил из-за пояса сотовый телефон и нажал кнопку. Слова звучали отрывисто, резко и быстро. Я услышала только «стреляли», а потом название моего клуба. Продолжая сыпать проклятиями, Уайатт метнулся к своей машине и резким движением открыл заднюю дверцу.

На мгновение исчез, но тут же появился с пистолетом в руке.

– Проклятие! Как я мог забыть вытащить из сумки оружие?! – прорычал он, присев на корточки возле заднего колеса моей машины. Потом осторожно поднялся и рискнул выглянуть из-за багажника, но тут же снова спрятался. – Еще никогда, ни единого раза...

– Ты его видел? – прервала я нечленораздельный поток брани.

– Если бы.

Во рту у меня пересохло, а сердце отчаянно билось при одной лишь мысли о том, что убийца может обойти вокруг машины и запросто пристрелить нас обоих. Мы сидели между двумя машинами, так что, наверное, могли считать себя в относительной безопасности. Но я все равно чувствовала себя беззащитной, беспомощной и уязвимой – ведь и справа, и слева нас было видно не хуже мишени в тире.

Стреляли с противоположной стороны улицы. В воскресенье, да еще вечером, почти все магазины были уже закрыты, и поэтому движение практически отсутствовало. Я прислушивалась, но звука отъезжающей машины так и не последовало. По-моему, это было очень плохо. Хотелось, чтобы тот, кто стрелял, уехал. А еще мне хотелось плакать. И здорово тошнило.

Уайатт мрачно и сосредоточенно взглянул на меня через плечо и, судя по всему, только сейчас как следует рассмотрел. Лицо его словно окаменело.

– Черт возьми, детка... – негромко пробормотал он. Еще раз выглянул из-за багажника, а потом перебрался поближе ко мне. – Почему ты ничего не сказала? Ты же истекаешь кровью, как жертвенный агнец. Дай взгляну на рану.

– Думаю, ничего страшного. Просто задело. – Именно так должен был ответить настоящий ковбой в старом вестерне, чтобы успокоить хорошенькую фермершу. Наверное, для полноты впечатления надо было бы выхватить пистолет Уайатта и начать палить через улицу. Но я решила просто тихо посидеть возле колеса: тактика выжидания требовала меньше усилий.

Лейтенант осторожно приподнял мою руку, чтобы как следует осмотреть рану. Сама же я предпочла ее не видеть. Краем глаза я все же заметила, что крови очень много. Сохранять, что вся эта лужа натекла из меня, было не слишком приятно.

– Не так уж и плохо, – пробормотал Уайатт. Он снова быстро огляделся по сторонам, а потом положил пистолет на землю, вытащил из кармана носовой платок, сложил и накрыл им рану. Уже через пять секунд пистолет снова оказался в боевой готовности. – Прижми как можно крепче, – распорядился Бладсуорт, и я послушно выполнила команду.

В душе зрело негодование. Не так уж и плохо? Одно дело, когда я сама мужественно и героически преуменьшаю собственную рану, но как осмелился на это он? Интересно, как бы Уайатт прореагировал, если бы не моя, а его рука горела

огнем, не моя, а его собственная кровь пропитала одежду и лужей стояла на тротуаре?

Наверное, именно из-за потери крови так кружилась голова и отчаянно одолевала тошнота. Может быть, лучше прилечь?

Я начала медленно клониться куда-то в сторону, но Уайатт тут же подхватил меня свободной рукой.

– Блэр!

– Я всего лишь хочу прилечь, – раздраженно отозвалась я. – Меня мутит.

Бладсуорт помог мне опуститься на тротуар. Асфальт оказался горячим, жестким и неровным, но сейчас это не имело значения. Я постаралась сконцентрироваться на глубоком дыхании. Постепенно тошнота начала отступать.

Уайатт разговаривал по телефону, требуя «скорую помощь». Уже слышались сирены – полицейские подразделения оперативно прореагировали на сообщение лейтенанта о вооруженном нападении. Сколько времени прошло с момента выстрела? Минута? Во всяком случае, не больше двух.

Уайатт наклонился надо мной и положил левую ладонь мне на шею. Боже милостивый, неужели он хочет меня даже сейчас? Я попыталась испепелить наглеца взглядом, но совершенно напрасно, так как он все равно этого не заметил: зажав пистолет в правой руке, напряженно оглядывался по сторонам. До меня наконец дошло, что левой Уайатт просто пытался нащупать пульс. Надо сказать, что взгляд его при

этом стал еще мрачнее, чем раньше.

Я не могла умереть ни за что на свете. От огнестрельного ранения в руку люди не умирают. Это просто глупо. Скорее всего сказала слишком быстрая потеря крови. Мне пришлось участвовать в донорской программе Красного Креста, так что ощущение было мне знакомо. Ничего страшного. Правда, Уайатт зачем-то вызвал «скорую», и это настораживало. Может, он понимал что-то, чего не понимала я? Например, предполагал разрыв артерии, которая теперь безжалостно извергала мою драгоценную кровь, словно гейзер – горячую воду? На рану я старалась не смотреть, потому что боялась увидеть именно такую картину.

Наконец я все-таки решилась отнять платок от раны и взглянула на него. Платок был весь пропитан кровью.

– Блэр, – тут же отреагировал Бладсуорт, – прижми платок к ране.

Да, похоже, возможность смерти исключить нельзя. Я взвесила свои шансы: лужа крови, шок, «скорая помощь». Картина не слишком радужная.

– Позвони маме, – попросила я. Если мама узнает, что мне было очень плохо, а ее даже не известили, она с ума сойдет от возмущения.

– Обязательно, – ответил Уайатт. Его голос звучал мягко, он старался успокоить и поддержать меня.

– Сейчас же. Она нужна мне прямо сейчас.

– Все будет в порядке, детка. Мы позвоним ей из госпи-

таля.

Нет, это просто возмутительно! Я лежу на жестком асфальте при смерти и истекаю кровью, а он даже не хочет позвонить маме? Если бы сил было побольше, я бы непременно что-нибудь придумала, но сейчас мне оставалось лишь лежать и испепелять наглеца взглядом – совершенно без толку, так как он все равно на меня не смотрел.

На стоянку въехали две полицейские машины. Сразу стало очень шумно от сирен и светло от фар. Из каждой машины выскочили по два вооруженных офицера. К счастью, сирены замолчали, иначе все просто оглохли бы. Однако вдалеке их вой раздавался со всех сторон, и это означало, что на подмогу несутся и другие полицейские машины.

О Господи, как же вся эта шумиха повредит моему бизнесу! Я попыталась представить, как бы себя чувствовала, если бы купила абонемент в фитнес-центр, в котором за четыре дня произошло два покушения, одно из которых закончилось гибелью жертвы, а второе – еще не известно чем. Как бы я себя чувствовала? Уверенно? Нет. В безопасности? Разумеется, нет. Конечно, если все-таки придется умереть, о бизнесе беспокоиться нечего, но что делать сотрудникам? Они потеряют неплохую работу: зарплата выше средней плюс хороший социальный пакет.

Я представила себе заросшую сорняками парковку, заброшенное здание клуба с разбитыми окнами и провалившейся крышей. Со столбов и деревьев будет жалко свисать жел-

тая полицейская лента, а дети, проходя мимо, будут тыкать пальцами в некогда преуспевающее, а теперь разваливающееся заведение.

– Не смейте, – громко произнесла я, лежа на спине. – Не смейте больше развешивать здесь свою отвратительную желтую ленту. Ни единого дюйма. Достаточно. Больше никакой ленты.

Уайатт в это время что-то говорил приехавшим офицерам, однако на мгновение отвлекся от разговора и взглянул на меня сверху вниз, явно пряча улыбку.

– Я прослежу.

Вот так всегда. Я истекаю кровью, а он улыбается. *Улыбается*. Необходимо начать составлять новый список его провинностей. Но сначала придется восстановить прежний, конфискованный. Вероломный предатель усыпил мою бдительность с помощью секса, но теперь наконец я в состоянии вновь трезво оценивать ситуацию, так что список займет не меньше двух страниц – разумеется, в том случае, если мне удастся не умереть и записать все объективно.

Во всем виноват он.

– Если бы некий лейтенант послушал меня и вернул машину в пятницу, как я просила, то ничего подобного не произошло бы. Я теряю кровь, одежда бесповоротно испорчена, и виноват в этом только ты.

Уайатт на секунду прервал разговор с полицейскими, но тут же продолжил, словно я и не говорила ничего.

Понятно. Теперь он меня игнорирует.

С собеседниками – двумя офицерами – что-то внезапно произошло: у обоих одновременно случился приступ кашля. Возможно, правда, они просто изо всех сил старались не рассмеяться в лицо начальнику. Это мне тоже совсем не понравилось. Я лежу, истекая кровью, а они смеются? Неужели из всех присутствующих только мне самой не кажется смешным тот факт, что меня пристрелили?

– Некоторые люди, – обратилась я к небесам, – даже не понимают, что не слишком прилично смеяться над тем, кто получил смертельное ранение и с минуты на минуту умрет.

– Ты не получила смертельного ранения и не умрешь, – возразил Уайатт несколько напряженно.

Возможно, он был прав, но разве не стоило проявить великодушие и согласиться? Мне почти хотелось умереть от потери крови, чтобы этому человеку стало стыдно. Но стоила ли игра свеч? Больше того, если я умру, то уже не смогу отомстить за весь нанесенный мне вред и сделать жизнь злодея невыносимой. О подобных мотивах тоже нельзя забывать.

Подъехали еще несколько машин. Я слышала, как Уайатт отдает какие-то распоряжения. Возле меня оказались двое медиков с чемоданчиками первой помощи: молодая темнокожая женщина с заплетенными в мелкие косички волосами и шоколадными глазами, самыми красивыми, какие только мне довелось видеть в жизни, и плотный рыжеволосый мужчина. Они опустили на корточки и с завидной сноровкой

принялись за дело: проверили пульс и давление, наложили плотную повязку.

– Я должна съесть печенье, – заявила я.

– Да и мы все не отказались бы, – с пониманием ответила женщина.

– Чтобы поднять уровень сахара в крови, – пояснила я. – Красный Крест всегда дает печенье тем, кто сдает кровь. Неплохо было бы съесть и кусочек шоколада. Да и кола была бы весьма кстати.

– Понятно, – отреагировала медсестра, но ни она сама, ни ее коллега даже не пошевелились, чтобы исполнить мою просьбу. Впрочем, на это имелась уважительная причина: в воскресенье все близлежащие магазины закрыты. А бригады «скорой помощи», видимо, не возят в своих чемоданах печенье и напитки. Очень жаль.

– Неужели ни у кого из этих людей не найдется печенье? – возмутилась я. – Они же копы!

Женщина улыбнулась:

– Вы правы. – Она повернулась к полицейским и громко поинтересовалась: – Эй, у вас там не найдется чего-нибудь сладенького для нашей бригады?

– Сейчас не время есть, – сдержанно заметил рыжий. Мне он не понравился с первого взгляда, несмотря на довольно симпатичную розовую физиономию.

– Почему? Ведь мне не будут делать операцию, правда? – Иных причин для воздержания я просто не знала.

– Это не нам решать. Специалисты посмотрят.

– Нет, операции не потребуется, – успокоила меня шоколадная красавица, а рыжий тут же сердито проворчал:

– Не говори чего не знаешь.

Я понимала его позицию: он явно считал, что напарница слишком вольно обращается с правилами, изложенными в служебной инструкции, и, наверное, был прав. Но в то же время она понимала меня. Мне срочно требовалось утешение, поддержка, и печенье прекрасно справилось бы с задачей и уравнило потерю крови от ранения с донорским мероприятием в Красном Кресте. Если же сладости можно было достать, но мне их просто не давали, это означало, что мое состояние было слишком серьезным.

В эту минуту появился один из полицейских: он смешно, по-утиному пробирался между машинами, хотя больше выстрелов слышно не было, да и трудно было предположить, что мало-мальски соображающий убийца останется на месте преступления, куда сбежалось столько полицейских. Осторожный коп протянул пестрый пакет:

– У меня есть пачка печенья.

Парень выглядел слегка озадаченным, словно не мог взять в толк, зачем это медикам так срочно потребовалась еда и почему они не могут немного подождать.

– Прекрасно, – одобрила медсестра и разорвала обертку.

– Кейша! – попытался остановить ее рыжий.

– О, замолчите! – Я жадно схватила печенье. Откусила и

даже нашла в себе силы улыбнуться. – Спасибо. Наверное, теперь буду жить.

Еще три печенья, и голова моя почти перестала кружиться. Я села и снова оперлась спиной о колесо. Это рыжему тоже не понравилось. Но ведь, в конце концов, он заботился о моем благополучии, а потому заслуживал прощения. Через какое-то время я обратила внимание на то, что полицейские ходят уже не смешным утиным шагом, а во весь рост. Это означало, что преступника можно было больше не опасаться.

Уайатта я нигде не видела. Он присоединился к поисковому отряду и еще не вернулся. Может, на этот раз удастся обнаружить следы, ведущие прямо к двери убийцы?

Меня загрузили в фургон «скорой помощи» через заднюю дверь. Верхняя часть носилок оказалась приподнята, так что я не лежала, а сидела. Идти самостоятельно было бы, конечно, трудно, но для того, чтобы сидеть, сил вполне хватало.

Складывалось впечатление, что на месте преступления никто никуда не спешил. Вокруг расхаживало множество людей, большинство в полицейской форме. Не было заметно, чтобы кто-то активно действовал. Люди лишь разговаривали друг с другом. Пищали рации, и по ним тоже разговаривали. Очевидно, детективы установили точку, с которой стреляли, и теперь вокруг сновали сотрудники судебно-медицинской экспертизы. Рыжий разговаривал по рации. Кейша складывала в чемоданчик медицинские принадлежности. Никто никуда не спешил, и это обстоятельство внушало на-

жду на лучшее.

– Может кто-нибудь принести мою сумку? – спросила я. Кейша достала сумку из машины и поставила на носилки рядом со мной. Женщина всегда поймет, насколько необходима сумка.

Покопавшись, я выудила из сумки записную книжку и ручку. Пролистала в конец, где всегда есть чистые листочки для заметок, и начала писать. Да уж, список получался действительно длинным.

Возле открытой двери «скорой помощи» появился Уайатт. Жетон прикреплен к ремню, пистолет в кобуре возле плеча. Вид решительный и достаточно мрачный.

– Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно, спасибо, – ответила я. На самом деле это было вовсе не так. Рука страшно горела, да и слабость от потери крови давала себя знать, но я все еще отчаянно злилась и не хотела впасть в зависимость. Мужчинам нравится, когда мы от них зависим, так как это поощряет инстинкт обладания и защиты. Отказываясь от сочувствия, мы оскорбляем и угнетаем этот инстинкт, а тем самым посылаем их к черту. Это правило работает практически без исключений.

Зеленые глаза загорелись опасным огнем. Лейтенант получил сообщение в лучшем виде.

– Я провожу тебя в госпиталь.

– Спасибо, но в этом нет никакой необходимости. Позвоню родителям и сестре.

Зеленые глаза прищурились.

– Я сказал, что провожу тебя сам. А родителям позвоню по дороге, тоже сам.

– Прекрасно. Делай, как считаешь нужным. – Что означало «я все равно буду злиться».

Эта мысль тоже дошла до адресата. Уайатт принял решительную позу, скрестив руки на груди. Воплощение мужественности и воинственности. И раздраженности.

– Скажи, пожалуйста, чем ты так недовольна?

– Помимо огнестрельного ранения в руку? – любезно поинтересовалась я.

– Я и сам не раз получал пулю, – гневно произнес Уайатт. – Но при этом вовсе не вел себя как... – Он внезапно замолчал, словно одумавшись.

– Сука? Избалованный ребенок? Примадонна из паршивого театра? – Я услужливо поспешила на помощь. Рыжий медбрат сидел за рулем совершенно неподвижно, внимательно прислушиваясь к спору. Кейша стояла возле двери фургона, выжидая, когда же наконец сможет ее закрыть, и притворялась, что рассматривает птичку в небе.

Лейтенант угрюмо улыбнулся:

– Сама решай, что больше подходит.

– Без проблем. Я вполне в состоянии это сделать. – В списке появился очередной пункт.

Бладсуорт метнул молниеносный взгляд на записную книжку.

– Что ты делаешь?

– Составляю список.

– Бог мой, еще один?

– Тот же самый. Просто добавляю новые пункты.

– Дай сюда. – Уайатт хотел схватить книжку. Я быстро спрятала ее за спину.

– Убери руки, это не твое. Не трогай! – Потом заговорила громче, чтобы рыжий понял, что обращаются к нему: – Поехали. Пора поставить шоу на колеса.

– Блэр, ты просто капризничаешь.

Да, именно так оно и было. Когда мне станет лучше, я, наверное, расскаюсь, но сейчас право на капризы казалось вполне заслуженным. Судите сами, если нельзя капризничать даже тогда, когда тебя ранили, то зачем вообще на свете существуют капризы?

Как только Кейша закрыла дверь фургона, я сердито добавила:

– Даже не надейся, что пересплю с тобой еще хоть раз!

Глава 11

– Значит, вы спите с лейтенантом Бладсуортом? – с улыбкой поинтересовалась Кейша.

– Это все в прошлом, – фыркнула я. Ну и что из того, если прошлое закончилось лишь сегодня утром? – Может не надеяться, следующего раза не дожидется.

Было немного неприятно вдаваться в подробности собственной личной жизни, но уж так сложилась ситуация.

Рыжий вел машину непростительно, нестерпимо медленно. Не знаю, всегда ли он отличался подобной осторожностью и осмотрительностью – если везешь умирающего, качество не слишком похвальное – или же просто хотел как можно дольше – до самого госпиталя – слушать женские разговоры. Казалось, ни одна живая душа, кроме милой Кейши, ни единый человек, абсолютно никто в целом мире не считал, что мое состояние заслуживает волнения или хотя бы серьезного внимания.

Зато Кейша меня понимала. Ведь она добыла для меня печенье, достала из машины сумку. Добрая, сочувствующая душа.

– Этого парня будет не так-то легко опрокинуть, – задумчиво заметила она. – Это не каламбур, я серьезно.

– Женщина должна делать то, что должна делать женщина.

– Верно, сестричка.

Мы обменялись понимающими взглядами. Мужчины – непростые создания. Нельзя позволять им одерживать верх. Но с другой стороны, во всем есть свои плюсы. Слава Богу, что Уайатт оказался таким сложным человеком. Во всяком случае, было о чем подумать, кроме того неприятного факта, что кто-то упорно пытается меня убить. Я еще не была готова адекватно воспринять такой поворот собственной биографии. Некоторое время мне предстояло провести в полной безопасности, и это уже неплохо: появится возможность хотя бы перевести дух. Так что, пока не восстановятся силы, вполне можно сконцентрироваться на личности Уайатта и списке его провинностей.

По прибытии в госпиталь меня вытащили из машины и отнесли в отдельную маленькую палату. Правда, отдельной ее можно было назвать лишь условно, поскольку от коридора этот закуток отделяла не дверь, а занавеска. Я сразу поступила в полное распоряжение двух жизнерадостных, дружелюбных и на редкость умелых и проворных медсестер. Они мгновенно расправились с окровавленной одеждой, ловко стянув и топ, и лифчик. Мне особенно жаль было приносить в жертву лифчик – любимый, из прекрасных кружев и ктому же из гарнитура с трусиками. Теперь и трусики нельзя будет надеть; скучать им, бедным, пока не соберусь купить подходящую компанию. На меня напялили бело-голубой больничный халат, который трудно было бы назвать модным или да-

же современным, и велели лежать, пока не закончатся предварительные процедуры.

Руку развязали, и теперь уже можно было набраться мужества и взглянуть.

– Ой! – не удержалась я и сморщилась.

Пуля вырвала с внешней стороны руки, немного ниже плеча, солидный кусок. Попади она немного выше, непременно раздробила бы плечевой сустав, и положение оказалось бы гораздо серьезнее. Но и моя рана выглядела не слишком красиво: трудно было представить, что ее можно аккуратно зашить.

– Не так уж и страшно, – успокоила одна из сестер. Именной значок свидетельствовал, что ее зовут Синтия. – Ничего, кроме тканей, не задето. Но зато, наверное, чертовски больно, так ведь? Не будем о грустном.

Сестры оперативно измерили все, что поддавалось измерению. Пульс немного учащенный, но как могло быть иначе? Дыхание в норме. Кровяное давление повышено, но не слишком. Можно сказать, что на огнестрельную рану мой организм реагировал довольно вяло. Но не стоит забывать, что я была здорова как лошадь и к тому же в прекрасной физической форме.

Мне страшно было даже подумать о том, что станет с этой формой к моменту выздоровления. Через пару дней начну дыхательную гимнастику, потом займусь йогой, но еще по крайней мере целый месяц нельзя будет делать никаких фи-

зических упражнений, а тем более поднимать тяжести. Если последствия огнестрельного ранения похожи на те травмы, которые мне доводилось переживать в прошлом, то даже после исчезновения основных симптомов потребуется немало времени на восстановление мускулатуры.

Рану основательно почистили – больнее не стало, так как уже и без того было очень больно. Мне крупно повезло, что топ – одежда без рукавов и поэтому в ране не застряли частицы ткани. Это значительно упростило процедуру.

Наконец пришел доктор, тощий долговязый парень с морщинами на лбу и веселыми голубыми глазами. Значок на груди гласил, что его фамилия Макдуфф.

– Неудачное свидание? – шутливо поинтересовался он, натягивая перчатки.

Я ошеломленно заморгала:

– Откуда вы знаете?

На сей раз удивился доктор.

– Вообще-то я слышал, что стрелял снайпер.

– Так оно и было. Только случилось это в самом конце свидания.

Если, конечно, можно назвать свиданием преследование вплоть до самого пляжа и захват во сне. Доктор рассмеялся:

– Все понятно. – Потом он внимательно осмотрел рану и задумчиво потер подбородок. – Мы можем наложить швы, но если вас беспокоит вероятный шрам, то лучше пригласить хирурга-косметолога. В нашем городе работает доктор

Хоумз, он прекрасно справляется с любыми шрамами, делает их практически незаметными. Правда, в этом случае вам придется задержаться в госпитале значительно дольше.

Я не столь глупа, чтобы сходить с ума от мысли о шраме на руке, к тому же мне кажется, что получить огнестрельное ранение и не оставить ничего на память о таком значительном факте биографии просто непростительно. Только подумайте, какой замечательный повод для рассказов будущим детям и внукам! Ну и, разумеется, мне вовсе не хотелось болтаться в госпитале дольше, чем это абсолютно необходимо.

– Зашивайте, – скомандовала я.

Доктор слегка удивился, но спорить не стал. Заморозил руку, а потом с необыкновенным старанием стянул края раны и принялся тщательно их сшивать. Наверное, мое доверие подстегнуло профессиональную гордость, и он решил создать шедевр в области наложения швов на огнестрельную рану.

Во время процедуры в коридоре раздались шаги.

– Это моя мама.

Доктор Макдуфф взглянул на одну из медсестер:

– Попросите посетителей не входить до тех пор, пока я не закончу операцию. Еще несколько минут.

Синтия выскользнула из палаты, не забыв при этом плотно задернуть занавеску. В коридоре послышался ее приглушенный голос, а потом громкий, не терпящий возражений голос мамы:

– Мне необходимо видеть дочь. Сейчас же!

– Ничего не поделаешь, – успокоила я доктора Макдуффа.

– Вряд ли Синтия сможет противостоять маме. Не волнуйтесь, она не станет кричать, не упадет в обморок и не начнет хватать вас за руки, просто ей надо убедиться, что я жива. Это же мама.

Доктор улыбнулся, и в голубых глазах сверкнули веселые огоньки.

– Чудные они, эти мамы, правда?

Судя по всему, парень обладал легким характером.

– Блэр! – Оглушительный возглас, наверное, поднял на ноги все отделение неотложной помощи. Маме срочно требовалось повидать свое израненное дитя, то есть меня.

– Со мной все в порядке, мам. Всего лишь несколько швов. Мы скоро закончим. – Я старалась говорить громко и уверенно.

Успокоили ли маму мои слова? Конечно, нет. Уже через секунду занавеска стремительно отлетела в сторону и передо мной предстало все семейство в полном составе. Мама, папа, Шона и даже Дженни. Арядом с ними стоял Уайатт, все еще крайне мрачный и раздраженный.

Доктор Макдуфф поднял голову, явно намереваясь произнести что-нибудь вроде «убирайтесь отсюда», хотя в его исполнении это прозвучало бы скорее как «лучше бы вы, ребята, немного подождали в коридоре, мы закончим уже через пару минут». Однако он так ничего и не сказал. Просто

увидел маму и сразу забыл все слова.

Такая реакция вполне обычна. В то время, о котором я рассказываю, маме было пятьдесят четыре, но выглядела она не старше сорока. В юности мама носила титул «Мисс Северная Каролина» – высокая, стройная, просто великолепная блондинка. Других слов и не подберешь. Папа любил ее до безумия, но проблем не возникало, так как и она до безумия любила его.

Мама бросилась ко мне, но как только убедилась в относительной целостности собственного ребенка, моментально успокоилась и ограничилась тем, что погладила малышку, то есть меня, по лбу, как в пять лет.

– Подстрелили? – ласково уточнила она. – Зато будет что рассказать внукам.

Я же говорила, что иногда мы с ней даже думаем одними и теми же словами. Просто удивительно.

Потом внимание главной посетительницы переключилось на Макдуффа.

– Здравствуйте, доктор. Я Тина Мэллори, мать Блэр. Рана очень серьезная?

Доктор взглянул, прищурившись, немного похлопал глазами, а потом снова ступил на профессиональную стезю:

– Нет, ничего страшного. Недельку, максимум две придется побереечь руку, но уже через пару месяцев все будет в порядке. Я объясню, что следует делать в первые дни.

– Да я и сама прекрасно знаю систему: покой, лед на по-

вязку и антибиотики.

– Верно, – с улыбкой похвалил доктор. – Рецепт на обезболивающие я выпишу, но думаю, что можно будет обойтись без сильных средств. Только, пожалуйста, никакого аспирина, чтобы не вызвать кровотечения.

Обратите внимание, что разговаривал доктор вовсе не со мной, а с мамой. Она всегда так действовала на мужчин.

В крошечную палату протиснулось все семейство. Папа встал рядом с мамой и обнял ее за талию, пытаясь утешить и ободрить в очередном кризисе с очередным ребенком. Дженни заметила один-единственный стул для посетителей и уселась, скрестив длинные ноги.

Макдуфф взглянул на младшую сестричку и снова захлопал глазами. Дженнифер очень похожа на маму, только волосы у нее темнее.

Я слегка кашлянула, чтобы привлечь внимание доктора и вернуть его на землю.

– Кажется, вы хотели что-то зашить, – шепотом напомнила я.

– Ах да. – Макдуфф заговорщицки подмигнул мне. – На минуту вдруг забыл обо всем на свете.

– Бывает, – сочувственно произнес папа.

Отец у меня высокий, худощавый, со светло-каштановыми волосами и голубыми глазами. Он спокоен и несуетен, к тому же обладает безотказным чувством юмора. В детстве это качество не раз выручало нас в самых сложных ситуаци-

ях. В колледже он играл в бейсбол, но профессией выбрал электронику. Однако самое главное то, что папа с легкостью справляется с ответственной ролью единственного мужчины в окружении четырех женщин. Конечно, по дороге в госпиталь он места себе не находил от волнения, но теперь, убедившись, что дитя в относительной безопасности, благополучно вернулся в свое обычное невозмутимое состояние.

Шона стояла возле кровати, и я ей улыбнулась. Она тут же улыбнулась в ответ и слегка скосила глаза вправо. В переводе с сестринского это означало: «Что происходит с красавчиком?»

Красавчик, о котором шла речь, то есть Уайатт, стоял в ногах кровати, слегка наклонившись вперед и так вцепившись пальцами в ее спинку, что от усилия напряглись мощные мышцы на руках. Он до сих пор не снял наплечную кобуру, и на его левом боку красовался пистолет.

Семейство успокоилось, но сказать то же самое об Уайатте было нельзя. Лейтенант Бладсуорт до сих пор пребывал в весьма скверном расположении духа.

Доктор Макдуфф прилежно затянул последний узелок и, не вставая с табуретки на колесиках, подъехал на ней к столу. Выписал в специальном блокноте рецепт и оторвал листок.

– Ну вот, все готово, – бодро произнес он. – Осталась бумажная работа, заполнение истории болезни. В рецепте указаны и антибиотик, и болеутоляющее. Антибиотик принимайте обязательно, даже если будете хорошо себя чувство-

вать. Сейчас закончим перевязку, и можете быть свободны.

Рука снова поступила в распоряжение медсестер, причем они накрутили такое количество бинта и пластыря, что и предплечье, и плечо разрослись до невероятных размеров. О собственной одежде пришлось забыть.

– Так не пойдет, – сморщившись, заметила я.

– Когда можно будет сменить повязку? – поинтересовалась мама у Синтии.

– Через сутки, – ответила та и повернулась ко мне: – Завтра вечером можете принять душ. Сейчас принесу инструкцию по соблюдению требуемого режима.

Кстати, если не хотите ждать, пока кто-нибудь из близких принесет вам одежду, можете отправиться домой в этом замечательном халате.

– Выбираю халат, – тут же решила я.

– Так отвечают абсолютно все. Честно говоря, сама я с трудом понимаю подобное предпочтение, но когда что-то нравится, то с этим не поспоришь.

С этими словами Синтия отправилась заполнять необходимые бумаги, как всегда, быстрым привычным жестом задернув за собой штору.

Халат был надет только наполовину: правая рука, как и положено, существовала в рукаве, в то время как левая оставалась голой, то есть забинтованной. Правой рукой мне удалось удерживать полы халата на груди, но вот ниже возникли серьезные проблемы.

– Если мужчины не возражают покинуть помещение... – начала было я, но договорить не успела, так как именно в этот момент мама обратила внимание на записную книжку, которая так и лежала там, куда ее положила Кейша.

– Что это? – удивилась мама. Открыла, начала читать и недоуменно нахмурилась: – Незаконное задержание. Похищение. Применение силы к свидетельнице. Высокомерное и заносчивое обращение...

– Это список дурных деяний Уайатта. Мам, пап, познакомьтесь с лейтенантом Бладсуортом. Уайатт, это мои родители – Блэр и Тина Мэллори – и сестры – Шона и Дженнифер.

Уайатт вежливо склонил голову, а Шона потянулась к списку.

– Ну-ка, можно взглянуть?

Едва не столкнувшись головами, они с мамой начали читать вместе.

– Некоторые из обозначенных здесь пунктов подсудны, – серьезно заметила Шона и окинула обвиняемого взглядом профессионального юриста. Очаровательные ямочки на щеках сразу куда-то исчезли.

– «Отказался позвонить моей маме». – Мама зачитала вслух следующий пункт протокола и тоже обратила на Уайатта далеко не благосклонный взор. – Но это же поистине возмутительно! – гневно воскликнула она.

– «Смеялся в то время, как я лежала на земле, истекая

кровью», – провозгласила Шона.

– Неправда, – нахмурившись, возразил Уайатт.

– Но ты же улыбался, а это почти то же самое.

– Ну-ка, посмотрим. Далее следует принуждение, затем шантаж и преследование.

– Преследование? – переспросил Уайатт, в эту минуту очень напоминавший грозовую тучу, готовую разверзнуться в любую секунду.

– «Недооценивал серьезность моей раны». – Шона определенно наслаждалась. – «Обзывался».

– Неправда, я не обзывался.

– Что ж, идея списка весьма плодотворна, – одобрила мама, забирая записную книжку из рук Шоны. – Очень эффективно, во всяком случае, ничего не забудешь.

– Блэр и так никогда и ничего не забывает, – огорченно вставил Уайатт.

– Прими, парень, мою искреннюю благодарность за идею списка провинностей. Тина непременно воплотит ее в жизнь, – подал голос папа. Голос звучал насмешливо. – Сам понимаешь, женская солидарность в действии. – С этими словами он положил руку на плечо лейтенанта и повернул его к двери. – Пойдем, пусть вся эта компания оденет Блэр, а я тем временем кое-что тебе объясню. По-моему, моя помощь в данном случае просто необходима.

Уайатту совсем не хотелось уходить; нежелание было ясно написано у него на лице. Но в то же время он не отважи-

вался проявлять по отношению к папе отмеченные в списке заносчивость и высокомерие. Нет, все проявления дурного характера лейтенант приберегал для меня. Джентльмены вышли, причем, разумеется, они даже не подумали вернуть на место занавеску. Дженни встала и сделала это за них. Чтобы не рассмеяться прямо в спину демографическому меньшинству, ей пришлось даже зажать пальцами нос.

– Пункт относительно «высокомерия и заносчивости» просто гениален, – прокомментировала Шона и тут же прикрыла рукой рот, чтобы не фыркнуть.

– Видели выражение его лица? – улыбаясь, прошептала мама. – Бедняжка.

Да уж, поистине бедняжка.

– Получил по заслугам, – проворчала я, пытаюсь найти левый рукав халата.

– Не двигайся, я все сделаю сама, – остановила меня мама.

– Постарайся вообще не шевелить рукой, – посоветовала Дженни.

– Пару дней, а может, и больше, ты вообще ничего не сможешь делать левой рукой, – заключила мама, очень осторожно надевая на меня халат. – Так что сейчас заедем к тебе за одеждой, а потом поедем к нам.

Я и сама так думала, а потому согласно кивнула. Несколько дней полного покоя под наблюдением родных – именно то, что назначил доктор. Вернее, не назначил, но должен был назначить.

Скоро вернулась Синтия с документами, которые мне предстояло подписать, и рекомендациями по соблюдению режима. Следом за ней появился санитар с креслом-каталкой. Папа и Уайатт тоже возвратились. Лейтенант, возможно, и не повеселел, но, во всяком случае, не сверлил всех вокруг прежним убийственным взглядом.

– Пойду подгоню машину, – предложил папа, заметив санитаря с креслом.

Уайатт жестом остановил его:

– Машину подгоню я. Блэр поедет ко мне.

– Что? – удивилась я.

– Поедешь ко мне домой. Очевидно, ты забыла, что кто-то пытается тебя убить? А это означает, что сейчас родительский дом – самое опасное место. Искать тебя будут именно там. Ты не только рискуешь собственной жизнью, но иставишь под удар всю семью.

– То есть вы считаете, что кто-то охотится за нашей девочкой? – встрепелась мама. – А я-то думала, что это случайность...

– Хотелось бы думать, что случайность, – покачал головой Уайатт. – Но ведь в прошлый четверг Блэр оказалась единственной свидетельницей убийства, и ее имя попало в газеты. Подумайте, как бы вы поступили на месте убийцы? У меня же Блэр будет в безопасности.

– Но сегодня убийца видел и тебя тоже, – осенило меня. «Видел, как ты меня целовал». – Почему бы ему не прове-

ритель и твой дом?

– Если он меня не знает, то как сможет вычислить, где я живу? Даже то, что я полицейский, он мог понять лишь в том случае, если еще какое-то время оставался на месте преступления. Но я уверен, что он сразу скрылся.

Черт возьми, очень разумно. Конечно, мне не хотелось подвергать опасности родных, значит, отправляться к ним мне не следовало.

– Но девочка не может поехать к вам, – не выдержала мама. – Пока рука не придет в норму, она нуждается в постоянном уходе.

– Поверьте, мэм, – подчеркнуто вежливо, глядя прямо в глаза маме, заявил Уайатт, – я прекрасно смогу позаботиться о вашей дочери.

Отлично. Парень только что объявил всему моему семейству, что мы спим вместе. Ведь все прекрасно понимают, что входит в понятие «позаботиться»: купание, одевание и все такое прочее. Допустим, не так давно я сама кричала перед подчиненными лейтенанта Бладсуорта, что больше не собираюсь с ним спать, но то было совсем иное дело. Во всяком случае, для меня. Сейчас передо мной стояли мои родители, и мы жили на юге, где, разумеется, подобные вещи случаются, и даже нередко, но вот объявлять о них всему миру, а особенно близким родственникам, вовсе не принято. Я ожидала, что папа снова возьмет нахального юнца за плечо и выведет в коридор для очередной воспитательной беседы,

но, как ни странно, этого не произошло. Папа лишь спокойно кивнул.

– Тина, разве сможет кто-нибудь позаботиться о девочке лучше, чем лейтенант полиции? – миролюбиво заметил он.

– Да, но список его злоупотреблений занимает целых две страницы, – возразила мама, явно сомневаясь в удачном выборе кандидатуры.

– Не забывай о том, что он вооружен.

– Вот это другое дело, – тут же согласилась мама и посмотрела на меня: – Решено, дочка, ты отправляешься с лейтенантом Бладсуортом.

Глава 12

Итак, я поехала к Уайатту домой. По дороге мы остановились у аптеки и купили указанные в рецепте лекарства. Неожиданно меня снова охватила паника.

– Знаешь, ведь стрелявший наверняка видел твою машину, а она во все горло кричит, что возит копа. Если человеку меньше шестидесяти лет и он сидит за рулем почтенного «форда», то это наверняка полицейский. Иных вариантов просто быть не может.

– Ну и что?

– Ты поцеловал меня там, на стоянке, помнишь? Так что убийца вполне может сделать вывод, что между нами что-то происходит и что ты полицейский. А это уже немало.

– У нас в департаменте работает больше двухсот человек, поэтому, чтобы вычислить, кто я такой, потребуется время. А потом еще надо будет меня разыскать. Моего домашнего телефона нет ни в справочнике, ни в абонентской службе. Получить какие-нибудь сведения о сотрудниках в самом департаменте невозможно. Все, кому необходимо связаться со мной по служебным вопросам, звонят сюда. – Уайатт постукал по сотовому. – И этот номер зарегистрирован в городе.

– Убедил, – сдалась я. – У тебя действительно спокойнее.

Не совсем безопасно, но все-таки. «Кто-то пытался меня убить». Несмотря на все усилия не думать о страшном фак-

те хотя бы некоторое время, безжалостная правда не давала мне покоя. Я понимала, что уже очень скоро придется вплотную столкнуться с реальностью. И хотя я вовсе не исключала неблагоприятного развития ситуации, сам факт охоты на мою дражайшую персону еще не проник в глубину сознания – настолько неожиданно все произошло.

Просто хлоп – и жизнь внезапно вышла из-под контроля. Я не могла поехать домой, не могла надеть то, что хочу, мне было больно и плохо, ноги не держали, а уж что теперь случится с бизнесом, не знал, наверное, и сам Господь Бог. Требовалось срочно расставить все по местам.

Я взглянула на Уайатта. Мы уже практически выехали из города, и уличные фонари остались позади, так что сейчас нас обоих освещали только разноцветные лампочки на приборной панели. Выражение знакомого лица не вселяло оптимизма. Да и отношения наши неудержимо катились по наклонной плоскости. Я изо всех сил пыталась затормозить развитие событий, и что же в итоге? Вот, сижу в машине лейтенанта Бладсуорта и еду к нему домой. Едва обнаружив лажейку, он тут же воспользовался ситуацией, хотя подобная ретивость несколько удивляла: ведь список злоупотреблений привел самолюбивого лейтенанта в бешенство.

Кто бы мог подумать, что такой пустяк вызовет столь острое раздражение? Оказывается, полицейские очень обидчивы. А теперь я целиком и полностью в руках этого человека, ведь мы вдвоем, а рядом никого нет и в ближайшее вре-

мя не будет.

Внезапно мелькнула ужасная мысль.

– А как же с волосами?

– Что? – переспросил Уайатт, словно я произнесла что-то на иностранном языке.

– Волосы. Тебе же придется что-то делать с моими волосами.

Краем глаза он взглянул на мою прическу.

– В четверг вечером у тебя был «конский хвост». Такую конструкцию вполне по силам соорудить и мне.

– Ну ладно Все равно у меня с собой нет даже фена. Остался в машине.

– Я взял твою сумку. Она в багажнике вместе с моими вещами.

От радости я была готова его расцеловать. Почти вся одежда, разумеется, срочно нуждалась в стирке, но на всякий случай я прихватила на пляж кое-что про запас. В сумке лежали чистое белье, пижама и даже косметика – на всякий случай, если вдруг вздумается заняться макияжем. Слава Богу, таблетки благоразумия тоже имелись, хотя и можно было надеяться на несколько спокойных дней и ночей. Так что дела обстояли не так уж плохо. А завтра Шона соберет еще кое-какие вещи и передаст их Уайатту.

Мы уже накрутили немало миль. Теперь вдоль дороги стояли лишь разрозненные дома, да и то на солидном расстоянии друг от друга. Мне не терпелось наконец-то приехать

на место и увидеть, в какой обстановке предстоит провести несколько дней.

– Где же ты живешь?

– Уже почти приехали. Я хотел убедиться, что за нами никто не следит, а потому сделал несколько лишних поворотов. На самом-то деле мой дом почти у городской черты.

Я сгорала от нетерпения – так хотелось увидеть обитель лейтенанта Бладсуорта. Чего можно ожидать, я и понятия не имела, а потому на всякий случай приготовилась к худшему. Худшее в данном случае представляло собой типичную холостяцкую берлогу. Впрочем, не стоило забывать, что, играя за профессиональный футбол, этот человек заработал немалые деньги, а потому мог позволить себе все, что угодно, – от деревянного дома в сельском стиле до имитации средневекового замка.

– Странно, что ты не живешь с мамой, – заметила я. Действительно, странно. Миссис Бладсуорт казалась чрезвычайно приятной пожилой дамой с острым, хотя и несколько своеобразным, чувством юмора. А старый викторианский дом, который она так любила, мог без труда вместить половину населения многоквартирного дома.

– Что же в этом странного? Ведь и ты тоже живешь отдельно.

– У женщин все иначе.

– А именно?

– Нам не нужно, чтобы кто-то готовил, убирал и стирал.

– Что ты говоришь? Но и я прекрасно обхожусь без няньки.

– Неужели ты сам стираешь?

– А что, это так сложно? Высшая математика? Представляешь, я даже умею читать надписи на ярлыках и устанавливать регулятор на стиральной машине.

– И готовишь тоже сам? Не может быть!

– Без особых изысков, но в общем-то справляюсь. – Уайатт взглянул в мою сторону. – А что?

– Вспомни, лейтенант. Мы что-нибудь ели в течение последних... – Я сверилась с часами на приборной панели. – Последних пяти часов? Умираю от голода. А ведь кормить меня отныне твой священный долг.

– Долг? С чего это ты взяла?

– Но ты же забрал меня силой, разве не так?

– Боюсь, что правильнее было бы объяснить ситуацию иначе: как спасение твоей жизни.

– Это уже детали. Мама кормила бы меня просто восхитительно. Ты увез меня от нее, так что теперь ответственность ложится на твои плечи.

– Твоя мама – интересная женщина. Ведь ты специально сделала вид, будто не заметила ее отношения, так ведь?

– Отношения к чему? – не поняла я. Уайатт похлопал меня по коленке.

– Не имеет значения. Твой отец раскрыл мне секрет, как тебя приручить.

– Неправда! – Я пришла в ужас. Папа никак не мог вступить в союз с врагом! Конечно, он не знал, что Уайатт – враг. Скорее всего коварный злодей что-нибудь наврал насчет нашей помолвки. Потому-то папа так спокойно и воспринял мое переселение.

– Разумеется, правда. Видишь ли, мужчинам приходится держаться вместе.

– Он не мог этого сделать! Джейсону он никогда не раскрывал никаких секретов! Да их и не существует. Ты все выдумал.

– Ничего не выдумал.

Я выудила сотовый и стала яростно набирать номер родителей. Уайатт тут же протянул руку и спокойно, даже осторожно конфисковал у меня средство связи и сунул телефон в карман.

– Отдай сейчас же! – Раненая рука очень мешала, так как Уайатт сидел слева. Я попыталась было повернуться на сиденье, но не смогла вовремя убрать руку и задела плечом о спинку. Из глаз посыпались искры.

– Полегче, детка, полегче. – Успокаивающий голос Уайатта проник сквозь волны боли, но раздавался он справа, и это сбивало с толку.

Несколько раз глубоко вздохнув, я открыла глаза и обнаружила, что голос раздавался справа потому, что Бладсуорт заглядывал в открытую пассажирскую дверцу. Машина стояла на дорожке, мотор все еще работал, а впереди маячил

темный дом.

– Ты что, собираешься потерять сознание? – поинтересовался Уайатт, осторожно возвращая меня в прежнее положение.

– Нет, но зато меня сейчас вырвет прямо на тебя, – честно призналась я и, закрыв глаза, откинула голову. Боль и тошнота постепенно отступили.

– Лучше воздержись.

– Думаю, особой угрозы нет. Я же ничего не ела, забыл?

– Если не считать четырех штук печенья.

– Они уже давно переработаны. Так что ты в безопасности.

Уайатт провел рукой по моему лбу.

– Вот и хорошо.

Он закрыл дверцу и, обойдя машину, снова сел за руль.

– Разве это не твой дом? – растерянно спросила я. Неужели он свернул на первую попавшуюся дорожку?

– Разумеется, мой. Но только машину я оставляю в гараже.

Он нажал на кнопку дистанционного управления, и в тот же миг вспыхнул яркий свет, а в боковой стене дома начали подниматься ворота. Бладсуорт медленно тронулся с места. Потом аккуратно повернул вправо и бережно поставил машину на место. Еще одно нажатие кнопки – и ворота за нашими спинами бесшумно опустились.

В гараже царил идеальный порядок, и это обстоятельство

произвело на меня сильное впечатление. Ведь, как правило, гаражи очень быстро превращаются в свалку. Гараж Уайатта представлял собой исключение.

Справа красовался верстак, а рядом с ним – красный шкафчик для инструментов со множеством ящиков и ящичков. На стене над верстаком стройными рядами висели молотки, молоточки, пилы, пилки, ножовки и масса иных предметов странного вида и непонятого назначения. Я внимательно их разглядывала, пытаюсь решить, знает ли сам хозяин, что делать с этим богатством. Игрушки мужчин. Занятно.

– У меня тоже есть молоток, – гордо заявила я.

– Не сомневаюсь.

Ненавижу снисходительный тон. Уайатт сказал это так, что сразу становилось ясно: мой молоток и в подметки не годится даже самому скромному из его молоточков.

– Он розовый.

В этот самый момент Бладсуорт вылезал из машины. Услышав о розовом молотке, он замер на полпути – одна нога снаружи, а вторая внутри.

– Но такого просто не должно быть! Это извращение!

– О, ради Бога! Еще никто не принимал закона о том, что инструменты непременно должны быть безобразными.

– Инструменты вовсе не безобразны. Они функциональны. А потому должны выглядеть именно так. По-деловому. Они не имеют права быть розовыми.

Разгневанный лейтенант полиции наконец-то покинул машину, захлопнул дверцу и, обойдя вокруг, решительным шагом приблизился ко мне.

Я открыла свою дверцу и постаралась говорить громче, чтобы оппонент хорошо слышал каждое слово.

– По-моему, твое отвращение к инструменту не только функциональному, но и привлекательному – это... м-м-м... – Дальше пришлось смотреть на Уайатта поверх его руки, которой он крепко зажал мне рот.

– Расслабься. О молотках поспорим немного позже, когда ты не будешь выглядеть так, словно сию минуту упадешь в обморок.

Не убирая руки и вопросительно подняв брови, Уайатт ждал моего согласия.

Мне ничего не оставалось делать, как кивнуть. Он тут же убрал руку, отстегнул ремень и бережно вынес меня из машины. Последовательность действий оказалась не слишком продуманной: сначала следовало бы отпереть дверь в дом, а уже потом брать меня на руки. Однако Уайатт прекрасно справился с задачей, причем без моей помощи. Да я и не могла помочь: правая рука оказалась прижатой к его груди, а от левой не было никакого толку. Завтра, возможно, она и начнет немного повиноваться, но сегодня... По собственному горькому опыту я знала, что сразу после травмы мышцы категорически отказываются действовать.

Уайатт вошел в дом, локтем включил свет, затем прошел

в кухню и посадил меня на стул.

– Ни в коем случае не пытайся встать. Сейчас я принесу вещи, а потом сам доставлю тебя туда, куда прикажешь.

С этими словами моя добросовестная сиделка снова направилась в гараж, а я задумалась, не сообщил ли доктор Уайатту о моем состоянии чего-то такого, о чем не сказал мне самой. Неужели так уж необходимо носить меня на руках? Конечно, в машине я совсем расклеилась, но это только потому, что потревожила больную руку. А сейчас самочувствие можно было считать почти нормальным, если бы не слабость и не боль в руке. Слабость пройдет завтра. Так бывало всегда после донорской процедуры. Она и сейчас не очень сильная – так, всего лишь легкое недомогание. Чем же тогда объяснить приказ не вставать ни под каким предлогом?

И вдруг меня осенило: телефон!

Я оглянулась и увидела на стене обычный стационарный телефон с длинным проводом, способным дотянуться в любой конец кухни. О Господи! Что мешает поставить новый, беспроводной? Было бы куда симпатичнее.

Когда появился нагруженный сумками Уайатт, я уже набрала номер и ждала, когда снимут трубку. В ответ на мою победную улыбку, означавшую «Не проведешь», он лишь молча закатил глаза.

– Папуля, – произнесла я, когда отец наконец ответил. Папулей я называю его только в тех случаях, когда предстоит серьезный разговор о деле. Это у нас что-то вроде пароля. –

Что ты сказал Уайатту? Он считает, будто знает секрет правильного обращения с таким чудовищем, как я. Как ты только мог? – К концу тирады я уже почти кричала.

Отец рассмеялся.

– Не волнуйся, матышка, все в порядке, я не говорил ничего такого, о чем тебе стоило бы беспокоиться. Просто сообщил кое-какую необходимую информацию.

– А именно?

– Уайатт сам тебе скажет.

– Если бы... он упрям как осел.

– Обязательно скажет. Обещаю.

– А если не скажет, ты его побьешь?

Это была старая папина шутка. Он любил повторять, что задаст любому, кто обидит кого-нибудь из его дочек. Поэтому я и не рассказала отцу о поцелуе Джейсона и Дженни – решила, что это тот самый случай, когда не стоило испытывать его самообладание и заставлять почтенного отца семейства драться врукопашную с недостойным сопляком.

– Нет. Но если он тебя обидит, то непременно побью.

Разговор немного меня успокоил. Я попрощалась, а когда повесила трубку и повернулась, то обнаружила, что Уайатт стоит возле кухонного стола, скрестив руки на груди, и с интересом наблюдает за мной.

– Он ничего тебе не сказал, так ведь?

– Обещал, что ты сам все расскажешь, а если не сделаешь этого, то он непременно с тобой разберется.

Надо признаться, что правду я немного исказила. Но ведь Уайатт не мог слышать, что сказал отец на самом деле.

– Не волнуйся, ни о чем плохом или некрасивом речь не шла. – Уайатт направился к холодильнику. – Как насчет завтрака? Самое быстрое – это яичница с беконом и тосты.

– Великолепно. Хочешь, я помогу?

– Боюсь, что сейчас от тебя толку мало. Лучше сядь где-нибудь в сторонке и не мешай. Этим ты внесешь значительный вклад в общее дело.

Я села и начала осматривать кухню. Как ни странно, кухня, оснащенная по последнему слову техники, не выглядела современной.

– Сколько лет этому дому?

– Построен в начале прошлого века. Так что ему чуть больше ста лет. Задуман как сельская усадьба, но потом пару раз перестраивался. Когда я его купил, то тоже начал с ремонта: убрал несколько внутренних стен, чтобы придать объем и сделать помещения более удобными, добавил пару ванных комнат. Наверху их три, и еще одна здесь, на первом этаже. Дом достаточно большой. Завтра все покажу.

– А сколько спален?

– Четыре. Раньше было шесть маленьких, но всего одна ванная. Я переделал: увеличил спальни и встроенные шкафы и добавил ванные. Так будет легче продать, если вдруг решу тронуться с места.

– Разве ты собираешься переезжать?

Конечно, для одного человека этот дом слишком велик, но, судя по кухне, он был уютным и ухоженным. Уайатт пожал плечами:

– Это мой родной город, и мне здесь вполне комфортно, тем более что и все мои родственники живут здесь. Но ведь где-то может появиться более перспективная и интересная работа. Как знать, что тебе готовит будущее?

Очень трезвый взгляд на жизнь и вполне совпадает с моим собственным. Лично я очень люблю свой дом, но разве можно предсказать будущее? Умный и энергичный человек должен быть гибким и подвижным в устройстве собственной жизни.

Очень скоро на столе появились две тарелки с яичницей и жареным беконом, тосты и два стакана молока. Кроме этого, в качестве десерта рядом с моей тарелкой появились две таблетки антибиотика и одна – анальгетика.

Я не стала устраивать капризов по поводу анальгетика, так как не очень хорошо знаю, что такое боль, и не хочу страдать.

За едой меня одолела зевота. Уайатт сполоснул тарелки и сунул их в посудомоечную машину. Потом снял меня со стула и уселся сам, а меня посадил к себе на колени.

– Что? – спросила я, удивленная смелой режиссерской находкой. Не могу сказать, что обожаю сидеть на коленях у мужчин: по-моему, поза просто неуклюжая. Но Уайатт был настолько высоким, что наши лица оказались на одном уровне, а его рука надежно поддерживала мою поясницу.

– Твой отец сказал, что когда ты испуганна, то становишься очень разговорчивой и требовательной. Причем степень разговорчивости и требовательности находится в прямой зависимости от степени страха. – Сильная рука ласково погладила мою спину. – Он объяснил, что таким образом ты подавляешь ощущение беспомощности.

Действительно, в нашей семье это вовсе не секрет. Я прислонилась к широкому плечу.

– Да я окаменела от ужаса.

– Ты-то, возможно, и окаменела, но только не твой рот. – Уайатт усмехнулся. – Мы разыскивали вооруженного убийцу, а ты в это время сидела за машиной и громко требовала печенья.

– Совсем и не громко.

– Еще как громко. Во весь голос. Я уже решил было, что придется пинками заставить личный состав успокоиться и перестать хихикать.

– Знаешь, я просто никак не могу взять в толк, что кто-то пытался меня пристрелить. Веду тихую, спокойную, добропорядочную жизнь, и вдруг за несколько дней все переворачивается вверх тормашками. Я не хочу неприятностей. Хочу, чтобы все снова стало на свои места, чтобы вернулась нормальная жизнь. Хочу, чтобы полиция поймала убийцу. И как можно быстрее.

– Непременно поймаем. Сделаем все, что можно. Макиннис и Форестер работали в выходные, прослеживая возмож-

ные версии. Появилась парочка очень перспективных направлений.

– Это парень Николь?

– Пока ничего не могу сказать.

– Не знаешь или не имеешь права говорить?

– Не могу раскрывать ход следствия. – Уайатт поцеловал меня в висок. – Давай-ка лучше я отнесу тебя наверх и уложу в постель.

Как я и предполагала, он направился напрямиком в собственную спальню, а не в одну из комнат для гостей. Я вполне могла передвигаться самостоятельно, могла бы даже подняться на второй этаж. Но если лейтенанту хочется носить женщину на руках, зачем же ему в этом отказывать? Он оставил меня в роскошной ванной комнате с двумя раковинами, огромной ванной и душем.

– Сейчас принесу твою сумку. Полотенца и прочее здесь, – показал он на шкаф.

Я взяла полотенце и губку, а потом умудрилась одной рукой развязать ворот больничного халата. Второй узел, однако, не поддался, но халат был мне настолько велик, что просто упал с меня, и оставалось лишь переступить через образовавшуюся на полу махровую кучу.

Я взглянула в зеркало на собственную полуобнаженную фигуру. Левая рука оказалась оранжевой от бетадана, но на боку и даже на спине остались потеки засохшей крови. Намочив губку, я смыла всю кровь, до которой смогла дотя-

нуться. Вернулся Уайатт. Взял губку и закончил процедуру, а потом помог мне освободиться от белья. Хорошо, что я уже привыкла обнажаться при нем, а потому даже не смутилась. С тоской взглянула на душ, который сейчас был для меня недоступен. Зато ванна вполне могла выручить.

– Я бы хотела принять ванну, – мечтательно проговорила я.

Бладсуорт не произнес ни слова. Просто молча включил воду, помог залезть в ванну, и пока я безмятежно отмокала, разделся и быстро принял душ.

Я удобно прислонилась к краю ванны и с интересом наблюдала, как он выходит из душа и вытирается. Обнаженный лейтенант полиции Уайатт Бладсуорт выглядел великолепно: широкие плечи, узкие бедра, длинные мускулистые ноги и прекрасное хозяйство. Замечательно, что он к тому же отлично знал, как этим хозяйством распорядиться.

– Ну что, может, хватит нежиться?

В такой компании можно было бы понежиться и еще, но я все-таки кивнула в знак согласия. Уайатт помог мне встать, а потом крепко обнял, чтобы я не поскользнулась, переступая через край. Вытираться вполне можно одной рукой, хотя это и не слишком удобно, но он взял полотенце и бережно промокнул меня с ног до головы, а потом достал из сумки лосьон и крем. Уход за кожей необходим даже в те периоды жизни, когда вас упорно пытаются убить.

В моей сумке лежали пижама и футболка, но ни то ни дру-

гое не налезло бы на огромную больничную повязку. Да и руку поднять я не могла.

– Сейчас принесу свою рубашку, – сказал Уайатт и, выйдя в спальню, исчез в огромном стенном шкафу. Вернулся с белой рубашкой и осторожно натянул рукав на больную руку.

Плечи оказались почти на локтях, а сама рубашка доставала до бедер. Манжеты Уайатт завернул трижды, и только тогда показали ладони. Я покружилась перед зеркалом, оценивая результат. По-моему, мужские рубашки смотрятся на женщинах просто великолепно.

– Да, выглядишь просто здорово, – с улыбкой прокомментировал Уайатт, а потом засунул руку под рубашку и погладил мою голую попу. – Если ночью будешь хорошей девочкой, то завтра осчастливлю тебя поцелуем в щечку.

– Никаких поцелуев в шею. Не забывай о нашем договоре. Больше мы сексом не занимаемся.

– Это решила ты, а не я.

С этими словами Бладсуорт снова взял меня на руки и отнес в спальню. Положил на огромную двуспальную кровать и накрыл огромным двуспальным одеялом. Я повернулась на правый бок и моментально уснула.

«Блэр отключилась».

Глава 13

Проснулась я через несколько часов. Было очень холодно, очень больно и вообще очень плохо. Как я ни крутилась, как ни сворачивалась калачиком, устроиться поудобнее не удалось. Уайатт проснулся, включил лампу, и спальня озарилась теплым мягким светом.

– В чем дело? – спросил он, проведя рукой по моему лицу.
– А-а...

– Что значит «А-а»? – встревожилась я, наблюдая, как он встает и выходит из комнаты.

Через пару минут Уайатт вернулся и протянул мне стакан воды и две таблетки.

– У тебя температура. Доктор сказал, что скорее всего так и будет. Выпей это, а я принесу обезболивающее.

Я проглотила таблетки, а потом приняла и третью. Уайатт выключил свет и снова лег, подоткнув одеяло с внешней стороны и прижав меня к себе, чтобы согреть. Я уткнулась носом в надежное плечо, вдыхая тепло и запах тела. Сердце переворачивалось. Да, этот парень действительно заводил с пол-оборота. Наверное, даже будучи при смерти, я не смогла бы остаться рядом с ним равнодушной.

Все еще было слишком холодно и больно, чтобы снова заснуть, – самое время поговорить.

– Почему ты расстался с женой?

– А я-то все думал, когда же ты наконец спросишь, – усмехнулся Уайатт.

– Ты не против поговорить об этом? Совсем немного, пока я снова не захочу спать.

– Пожалуйста. Особых секретов нет. Жена подала на развод в тот самый день, когда я бросил профессиональный футбол. Решила, что я сошел с ума, отказавшись от миллионов долларов, ради того, чтобы стать полицейским.

– Очень многие согласились бы с ней.

– И ты тоже?

– Видишь ли, я – несколько иное дело. Поскольку мы с тобой живем в одном городе, я читала статьи в местной газете и знаю, что ты всю жизнь мечтал работать в полиции и в колледже специализировался в области криминалистики. Так что меня это несколько не удивило. А вот твою бывшую жену, наверное, очень.

– «Удивило» – слишком мягко сказано. Но я ее не виню. Она ведь выходила замуж за футболиста, с деньгами и славой, а вовсе не за копа, у которого нет ни особенных денег, ни полной уверенности в том, что он вечером вернется домой, а не погибнет на работе.

– Неужели перед свадьбой вы не говорили о будущем? О мечтах и планах?

Уайатт хмыкнул.

– Мы поженились, когда мне едва исполнился двадцать один год, а ей двадцать. В этом возрасте будущее – это то,

что случится через пять минут, а не через пять лет Добавь сюда всевластие гормонов – и вот, пожалуйста, в перспективе еще один развод. Нам оказалось достаточно и пары лет. Она была хорошей девочкой, но от жизни мы хотели абсолютно разного.

– Но ведь все знают – вернее, все считают, – что, играя в футбол, ты заработал миллионы. Разве этого не достаточно?

– Действительно, миллионы. Если говорить точно, то, когда я уходил из профессионального спорта, их было четыре. Разумеется, Доналдом Трампом я не стал, но на семейные расходы денег вполне хватало. Привел в порядок мамин дом, выделил необходимую сумму на образование племянников, купил и отремонтировал свой собственный дом. Остальное инвестировал. Не могу сказать, что осталось очень много, но если удастся не трогать эти деньги до пенсии, капитал обрстет процентами и голодать не придется. Помню, пять или шесть лет назад фондовый рынок рухнул и меня едва не хватил инфаркт. Но ничего – постепенно все вернулось на свои места, так что особых поводов для тревоги нет.

Я зевнула и поудобнее устроилась на широком плече.

– А зачем ты купил такой большой дом? Ведь можно было найти и поменьше, не требующий особых затрат и хлопот.

– Во-первых, мне очень нравится место, а во-вторых, решил, что здесь будет удобно будущей семье.

– Ты мечтаешь о семье? – Новость оказалась для меня неожиданной. От холостяка не часто услышишь подобное за-

явление.

– Разумеется. Когда-нибудь я непременно женюсь и обзаведусь двумя-тремя детишками. А ты что об этом думаешь?

В животе у меня что-то оборвалось; потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, что вопрос вовсе не содержит бесцеремонного и небрежного предложения. Очевидно, лекарства отрицательно влияют на умственные способности.

– Конечно, я хотела бы снова выйти замуж, – сонно ответила я. – И родить малыша. Для этого у меня есть все условия. Можно было бы брать ребенка с собой на работу, потому что это мое собственное дело, да и обстановка в клубе совсем не формальная. Телевизора нет, зато есть хорошая музыка и множество положительно настроенных взрослых людей. О чем еще мечтать?

– Значит, все уже спланировала?

– Вовсе нет. Я ведь не замужем и не беременна, так что это лишь гипотеза. Кроме того, я достаточно мобильна: если изменятся обстоятельства, наверняка сумею под них подстроиться.

Уайатт что-то сказал, но в этот момент я сладко зевнула и не расслышала.

– Что? – переспросила я, как только рот закрылся.

– Да нет, ничего. – Он поцеловал меня в висок. – Ты уже почти спишь.

– Прошлой ночью не удалось толком поспать, – пробормотала я. – А усталость накапливается.

Прошлой ночью не удалось поспать из-за того, что через каждые два часа Уайатт будил меня, чтобы заняться сексом. Воспоминания оказались исключительно приятными, и на какой-то момент мне вдруг захотелось оказаться сверху и самой обо всем позаботиться, но как же я могла нарушить собственный запрет! Уайатт же вел себя сегодня как истинный джентльмен – даже пальцем меня не тронул. Но это лишь потому, что я была нездорова. Вряд ли такое может продлиться долго, потому что джентльменское поведение – слишком серьезная нагрузка. А инстинкты – дело нешуточное. Они агрессивны и неуправляемы. Недаром Уайатт смог стать таким хорошим спортсменом. Помимо прекрасной физической формы он обладал очень важным качеством – постоянным стремлением оказаться сверху. Оставалось лишь гадать, сколько он сможет воздерживаться, сочувствуя моей слабости.

На этой мысли я заснула. Ответ я получила часов в шесть утра. Уайатт осторожно перевернул меня на спину и устроился между ног. Когда он начал, я еще почти спала, но зато, когда кончил, совершенно проснулась. Он очень осторожно обращался с моей больной рукой, однако был поистине безжалостен в атаках на шею.

Едва оказавшись на свободе, я выскочила из постели и понеслась в ванную.

– Это нечестно! Восхитительно, но нечестно! Вероломное нападение!

В ответ раздался веселый смех. Я захлопнула за собой дверь, а потом для верности еще и заперла. Противник может воспользоваться любой из трех оставшихся ванных комнат.

Самочувствие мое определенно улучшилось. Слабость отступила, а боль в руке уже не была такой острой. Посмотрев в зеркало, я увидела, что от прежней бледности не осталось и следа. Да и откуда ей взяться, если меня только что так искусно обработали? Щеки пылали, и вовсе не от температуры.

Я привела себя в порядок. Потом покопалась в сумке, которая так и стояла в ванной на полу, и нашла чистые трусы. Пусть неуклюже, но все-таки натянула их одной рукой. Почистила зубы и причесалась. Больше, к сожалению, я сделать ничего не могла. Чистая одежда оказалась мятой и требовала глажки. Но и с глаженной вряд ли удалось бы справиться. Даже надеть лифчик было мне не по силам. Рука двигалась уже немного лучше, но все-таки не настолько, чтобы можно было самостоятельно одеться.

Я отперла дверь и решительным шагом покинула крепость. Противник скрылся из виду. Как, интересно, он собирался мне помочь, если его еще нужно искать? Я гневно схватила одежду правой рукой и направилась вниз. Лестница привела в огромную комнату с высоченным потолком, кожаной мебелью и неизбежным телевизором с большим экраном. Но зато нигде не было заметно ни единого растения.

Запах кофе заставил меня повернуть налево и привел сна-

чала в утреннюю гостиную, а потом и в кухню. Уайатт, босиком и без рубашки, колдовал возле плиты. Взору открывались мускулистая спина, сильные руки, заметный желоб позвоночника и с обеих сторон от него, как раз над ремнем джинсов, небольшие углубления. Сердце мое перевернулось в очередной раз.

– Где у тебя прачечная? – подчеркнуто деловито осведомилась я.

Уайатт показал на дверь в том самом коридорчике, который вел в гараж.

– Помочь?

– Справлюсь сама. Хочу немного разгладить одежду.

Я вошла в прачечную, сунула одежду в сушилку и нажала кнопку пуска. После этого вернулась в кухню и вступила в бой.

– Ты должен прекратить подобные вещи.

– Какие именно? – поинтересовался он, переворачивая гречишные оладьи.

– Вероломные нападения. Я же сказала «нет».

– Ты не говорила «нет», пока я действовал. Успела сказать немало любопытного, но слова «нет» не произнесла.

Щеки мои вспыхнули, но я продолжала наступление.

– То, что говорится в процессе, не считается. Это все химия, и ты не имеешь права этим пользоваться.

– А почему? – Уайатт повернулся и, улыбаясь, взял со стола чашку с кофе.

– Это почти насилие.

– Какое же это насилие? Мы договорились: одно лишь слово «нет» – и я тут же останавливаюсь. Но ты пока еще ни разу не произнесла заветного слова.

– Зато очень ясно произносила его заранее.

– Так мы не договаривались. Нельзя остановить еще до начала. Ты должна сказать «нет» после того, как я начну, чтобы ясно показать, что не желаешь меня.

К счастью, Уайатт не забыл снять оладьи прежде, чем они успели подгореть. Затем смазал сковороду маслом и приступил к выпечке следующей порции.

– В том-то и проблема! Тебе удастся на время заблокировать действие моего разума, а это нечестно. Ведь я не имею возможности сделать то же самое.

– Хочешь пари?

– Но почему ты все время выигрываешь, а я проигрываю?
– недоумевала я.

– Потому что ты желаешь меня, но упрямишься.

Нельзя было отказать этому человеку в умении логически мыслить. И поскольку я не знала, что ждет впереди, то решила отступить.

– Ты должен понять, что я не хочу больше заниматься сексом. И тебе следует уважать мою позицию.

– Обещаю. Как только ты скажешь «нет».

– Я говорю «нет» прямо сейчас.

– Это не считается. Ты должна сказать «нет» в тот момент,

когда я к тебе прикоснусь.

– Кто придумал эти тупые правила? – завопила я, окончательно выйдя из себя.

– Я, – с улыбкой заявил Уайатт.

– А я не собираюсь их соблюдать, понятно? Сейчас у тебя сторит!

Он бросил взгляд на сковороду и быстро перевернул оладьи.

– Нельзя изменять правила лишь потому, что ты проигрываешь.

– Можно. Я имею полное право отправиться домой и больше с тобой не встречаться.

– Хочу тебе напомнить, что кто-то упорно пытается тебя убить. Поэтому отправиться домой ты пока не можешь.

Конец. Аргументы иссякли. Все еще пылая гневом, я уселась за стол, на который мучитель поставил два прибора.

Уайатт с кухонной лопаткой в руке подошел к столу и, наклонившись, нежно поцеловал меня в губы.

– Тебе все еще страшно, так ведь? Потому ты и шумишь.

– Подожди, я еще разберусь с папочкой. Скажу ему все, что думаю о передаче информации противнику. А страх здесь совсем ни при чем.

Уайатт ласково взъерошил мне волосы и вернулся к оладьям.

Было ясно, что спорить с ним совершенно бесполезно. Уайатт вынул из микроволновки солидный кусок сочного бе-

кона и разделил его на две части. Потом положил на каждую тарелку горку оладий. Прежде чем сесть, наполнил чашки свежим кофе, поставил передо мной стакан воды и положил две таблетки антибиотика и одну – анальгетика.

Таблетки я выпила с готовностью. Рука не болела, но в таких случаях всегда лучше подстраховаться.

– Какие планы на сегодня? – поинтересовалась я, с аппетитом принимаясь за завтрак. – Тебе на весь день на работу, а мне оставаться здесь?

– Нет. Ты же еще не владеешь рукой. Отвезу тебя к маме. Я уже ей позвонил.

– Класс. – Миссис Бладсуорт мне действительно нравилась. Но существовало и еще одно обстоятельство: очень интересно было взглянуть на огромный старинный викторианский дом изнутри. – Надеюсь, с родными разрешается разговаривать без ограничений?

– Почему бы и нет? Ездить к ним пока не стоит, да и им к тебе тоже, потому что так можно навести на след убийцу.

– Не понимаю, с какой стати вы до сих пор не можете его вычислить. Наверняка это парень Николь.

– Все не так просто, – остановил меня Уайатт. – У Николь не было близкого друга. Мы проверили мужчин, с которыми она встречалась, и все они оказались вне подозрения. Так что сейчас прорабатываются другие версии.

– Это не наркотики, не алкоголь и не что-нибудь подобное, – продолжала упорствовать я.

Во взгляде Уайатта мелькнул неподдельный интерес.

– Почему ты так решила?

– Она же занималась в фитнес-клубе, забыл? Никаких признаков наркотиков, хорошая физическая форма. Правда, только хорошая, ни в коем случае не великолепная, однако на наркоманку она совсем не походила. Не сомневаюсь, что дело в парне. Николь лезла ко всем мужикам подряд, так что скорее всего здесь дело в ревности. Я могу поговорить с коллегами и узнать, не заметили ли они чего-нибудь подозрительного.

– Ни в коем случае. Даже и не думай. Это приказ. Мы уже опросили всех сотрудников.

Оскорбленная в лучших чувствах подобным пренебрежением, я закончила завтрак молча. Это Уайатту тоже не понравилось – типичный мужчина.

– Прекрати дуться.

– Я вовсе и не дуюсь. Если человек не видит смысла в продолжении разговора, это еще не означает, что он дуется.

Зазвенела сушилка. Пока Уайатт убирал со стола, я забрала свою одежду.

– Поднимайся наверх, – распорядился он. – Через минуту приду и помогу тебе одеться.

Он появился как раз в тот момент, когда я второй раз за утро чистила зубы – от оладий на них остался налет. Уайатт подошел к соседней раковине и занялся тем же самым. Совместная чистка зубов производила странное впечатле-

ние. Так обычно поступают семейные пары. Неожиданно я подумала, придется ли мне когда-нибудь с полным правом чистить зубы в этой ванной или мое место займет другая женщина.

Потом Уайатт присел на корточки и растопырил передо мной шорты, а я положила руку ему на плечо, чтобы не потерять равновесия, и шагнула в штанины. Он подтянул шорты, застегнул молнию и пуговицу. Снял с меня свою рубашку, надел вместо нее лифчик и старательно застегнул его.

Блузка, к счастью, была без рукавов, но повязка на руке занимала столько места, что едва протиснулась в пройму. Уайатту пришлось даже растянуть ткань, а я зажмурилась и мысленно поблагодарила доктора Макдуффа за обезболивающее. Уайатт застегнул маленькие пуговички на моей блузке. Потом я села на кровать, сунула ноги в сандалии и стала смотреть, как одевается Уайатт. Костюм, белая рубашка, галстук. Кобура. Жетон. Наручники пристегиваются к ремню сзади. Сотовый телефон пристегивается к ремню спереди. О Господи! Сердце безумно прыгало от одного лишь созерцания.

– Готова? – поинтересовался Бладсуорт.

– Нет. Ты же еще не причесал меня.

Можно было бы поехать и с распущенными волосами, ведь ни работать, ни тренироваться сегодня я не собиралась, но очень уж мне хотелось хотя бы немножко повредничать.

– Хорошо, давай.

Уайатт взял щетку, а я повернулась так, чтобы ему было удобно собрать волосы на затылке в хвост. Сжимая хвост в руке, он спросил:

– А чем скрепить?

– Твистером.

– Чем-чем?

– Твистером. Только не говори, пожалуйста, что в твоём доме нет твистера.

– Понятия не имею, что это такое. А резинка не подойдёт?

– Ни в коем случае! От резинки секутся волосы. Необходим твистер.

– Где же его взять?

– Посмотри в моей сумке.

За спиной наступила тяжёлая тишина. Через несколько секунд, не произнеся ни слова, Уайатт отпустил мои волосы и направился в ванную. Теперь, когда он не видел моего лица, я наконец-то позволила себе довольную ухмылку.

– Как, черт подери, хотя бы выглядит этот дурацкий твистер?

– Как большая резиновая лента с красивой тряпочкой вокруг.

Снова молчание. Наконец Уайатт вышел из ванной вместе с моим белым твистером.

– Это?

Я кивнула.

Снова начался процесс собирания волос на затылке.

– Надень твистер на запястье, – инструктировала я, – а потом просто сдвинь его на хвост.

Большая рука едва пролезла сквозь резинку, но ученик оказался толковым, и через пару секунд у меня на затылке образовался весьма приличный хвост. Я отправилась в ванную, чтобы критически осмотреть произведение Уайатта.

– Неплохо. Думаю, сегодня обойдусь без сережек, если ты, конечно, не возражаешь.

Уайатт шутливо закатил глаза:

– Слава тебе, Господи!

– Не ехидничай. Не забывай, ты сам напросился.

Когда мы спускались по лестнице, я услышала, как Уайатт пробормотал за моей спиной:

– Поганка.

Отлично. Просто превосходно. Главное, он понимает, что я просто вредничаю, иначе какой смысл во всех проделках?

Глава 14

Дом миссис Бладсуорт мне очень понравился. Нарядный белый фасад, украшенный бледно-лиловым, цвета лаванды, орнаментом. Светло-голубая парадная дверь. Не у всякой женщины достанет смелости раскрасить собственный дом в такие цвета. Та, которая отважилась на подобный подвиг, достойна всяческого уважения, но при этом может вызывать и некоторое опасение. Две стороны дома опоясывала просторная изящная веранда, уставленная кадками с папоротниками и пальмами. Под потолком, на случай полного штиля в природе, были укреплены два вентилятора. Сад поража буйством фантазии. Каждого, кто приближался к широким ступеням крыльца, приветствовали розы всех цветов и оттенков, невысказанных даже в палитре художника, и темно-зеленые кусты гардении, отягощенные крупными белыми шапками соцветий. Впрочем, Уайатт не остановился на парадной дорожке, а обогнул дом и подъехал к крыльцу кухни. Помог мне выйти из машины и подвел к двери, за которой оказались небольшая прихожая и явно модернизированная, но при этом не утратившая первоначального стиля и очарования старины кухня. Там нас и встретила мама Уайатта.

Роберта Бладсуорт относилась к числу тех дам, которых принято называть матронами. Высокая, стройная, с шикарной короткой стрижкой. Уайатт унаследовал от нее темные

волосы и пронзительный взгляд ярких светло-зеленых глаз. Сейчас, однако, ее волосы изменили цвет: не желая выглядеть седой, миссис Бладсуорт превратилась в блондинку. Несмотря на ранний час – а еще не было и восьми, – она успела привести себя в порядок: на лице макияж, в ушах серьги. Впрочем, одета она была очень просто – шорты, футболка навывпуск и самые обычные шлепанцы. Несмотря на неприязнительность костюма, ногти на ногах оказались ярко-красными, а на одном из пальцев левой ноги я сразу заметила колечко. Поистине, женщина в моем вкусе.

– Блэр, детка, я едва смогла поверить, что ты ранена. Уайатт рассказал, что в тебя стреляли. – Хозяйка осторожно обняла меня. – Как ты? Хочешь кофе или, может быть, крепкого горячего чаю?

Выбранный ею тон оказался безошибочным. Сейчас мне было просто необходимо ощутить заботу и тепло. К сожалению, моей собственной маме запретили их проявлять, так что радушие миссис Бладсуорт оказалось весьма кстати.

– Чай – это здорово, – с энтузиазмом отозвалась я, и радужная хозяйка тут же направилась к раковине, наполнила водой старомодный чайник и поставила его на плиту.

Уайатт нахмурился:

– Я мог бы тоже приготовить тебе чай, но решил, что ты любишь кофе.

– Кофе действительно очень люблю, но и чай тоже. Тем более что кофе сегодня уже был.

– Чай вызывает особое чувство, которого кофе не дает, – поддержала меня миссис Бладсуорт. – Блэр, садись за стол и ничего не делай, просто отдыхай. Тебе необходим покой. Думаю, слабость еще не прошла.

– Сегодня мне гораздо лучше, чем было вчера вечером, – заметила я, но послушалась и села за деревянный кухонный стол. – Можно сказать, чувствую себя уже почти нормально. А вчера... – Я изобразила рукой качающееся движение.

– Представляю. Отправляйся на работу, Уайатт. Тебе предстоит поймать негодяя, а сделать это, стоя в моей кухне, вряд ли удастся. Не волнуйся, с Блэр все будет в полном порядке.

Однако лейтенанту явно не хотелось уходить.

– Если тебе нужно будет куда-то выйти из дома, – обратился он к матери, – оставь Блэр здесь, не бери с собой. Не хочу, чтобы она показывалась на людях.

– Знаю. Ты же уже меня предупредил.

– И напрягаться ей не стоит, потеря крови совсем не шуточная.

– И об этом ты тоже предупредил.

– Вполне возможно, что Блэр постарается уговорить тебя...

– Уайатт! Я все знаю! – не выдержала Роберта. – Мы же все обсудили по телефону. Неужели ты считаешь меня слабоумной?

К счастью, сын догадался ответить:

– Разумеется, нет. Просто...

– Просто хочешь подстраховаться. На всякий случай. Мы с Блэр будем вести себя примерно, а я постараюсь использовать весь отпущенный мне здравый смысл и не водить девочку из конца в конец по главной улице.

– Ну и прекрасно. – Уайатт поцеловал мать в щеку, подошел ко мне и погладил по спине. Но этого ему показалось мало, а потому он присел возле моего стула на корточки и заглянул в глаза: – Постарайся, чтобы в мое отсутствие с тобой ничего не случилось.

– Прости, но разве я в чем-нибудь виновата?

– Нет, но, похоже, ты наделена талантом попадать в непредвиденные ситуации. – Он провел ладонью по моему позвоночнику и слегка погладил шею большим пальцем. Очевидно, при этом мое лицо выразило неподдельную тревогу. Уайатт рассмеялся. – Будь умницей, хорошо? Днем обязательно проверю, как ты себя ведешь, а ближе к вечеру заберу домой.

С этими словами Бладсуорт поцеловал меня, легонько дернул за волосы, а потом встал и направился к двери. Взялся за ручку, но остановился и снова посмотрел на мать, на этот раз с самым серьезным, почти полицейским, выражением лица.

– Пожалуйста, позаботься о Блэр как следует, ведь ей предстоит подарить тебе внуков.

На секунду я оцепенела, но тут же взяла себя в руки.

– Нет! – завопила я.

– Я так и предполагала, – одновременно со мной отозвалась миссис Бладсуорт.

К тому моменту как я подбежала к двери, Уайатт уже вышел. Я выскочила на крыльцо и крикнула:

– Неправда! Это нечестно! Мы так не договаривались!

Он помедлил возле открытой дверцы машины.

– Разве ночью мы не говорили о детях?

– Говорили, но не об *общих*!

– Не обманывай себя, милая, – посоветовал Уайатт, сел в машину и уехал.

Я настолько рассвирепела, что от бессильной ярости принялась топтать ногами и извергать проклятия. Разумеется, рука при этом отчаянно разболелась, а потому проклятия перемежались стонами и вздохами.

Внезапно я осознала, что дикий танец происходит на глазах у миссис Бладсуорт, и в ужасе обернулась:

– О Господи, извините, пожалуйста!

Однако хозяйка прислонилась к раковине и от души рассмеялась:

– Жаль, что у меня нет камеры. Ты бы посмотрела на себя со стороны! Забавное зрелище!

– Мне так неловко, – снова попыталась я извиниться.

– За что? Думаешь, я сама никогда не бесилась и не сыпала проклятиями? К тому же приятно наконец-то увидеть женщину, которая не ловит на лету каждое слово моего сын-

ка, если понимаешь, что я хочу сказать. Нельзя, чтобы мужчина всегда получал то, что хочет, а у Уайатта дела обстоят именно так.

Придерживая больную руку я вернулась к столу.

– Не совсем так. С ним же развелась жена.

– Ну и что? Он ушел, даже не оглянувшись. Не допустил ни малейшего компромисса. Или так, как решил он, или ни как. Кстати, она – ее зовут Меган, а фамилии не знаю, потому что меньше чем через год она снова вышла замуж, – всегда и во всем уступала Уайатту. Мне кажется, голова у девушки слегка закружилась от звездно-футбольного статуса, да и парень был таким же резким, а порой и грубым, как сам футбол. Что и говорить, причастность к Национальной футбольной лиге завораживает и не проходит бесследно. Меган всего этого не поняла, а потому не смогла смириться с тем фактом, что муж внезапно все бросил и свернул в сторону от радужных жизненных перспектив. Желания и настроения жены для Уайатта просто не существовало. И так было всегда. Он никогда не считался с мнением женщины. Меня же это просто бесит. Очень хорошо, что наконец-то нашлась отважная душа, способная противостоять махровому мужскому шовинизму.

– Может быть, и хорошо, – мрачно возразила я, – но ведь Бладсуорт все равно побеждает в каждой схватке.

– Тем не менее схватка все-таки происходит. Уайатт ощущает противостояние. Кстати, что тебе так не понравилось

в его словах?

– То, что он стремится поставить точки над *i*, а я вовсе не уверена в значительности происходящего между нами. И я уже говорила решительное «нет», имея при этом в виду именно «нет». Но Уайатта это словно лишь раззадоривает. Получается, будто машешь красной тряпкой перед носом у быка. Почему он сказал о детях? Потому ли, что любит меня, или потому, что не может себе позволить проиграть? По-моему, второе, так как он не знает меня настолько, чтобы полюбить. Даже не помню, сколько раз я пыталась ему это объяснить.

– Молодец.

Вода закипела, и чайник засвистел, сначала тихонько, а потом все громче. Миссис Бладсуорт выключила конфорку, и свист постепенно стих. Она достала чайные пакетики и залила их кипятком.

– Как ты пьешь?

– Две ложки сахара. Ни лимона, ни сливок.

Хозяйка положила сахар мне и себе, а в свою чашку подлила сливки. Поставила чашки на стол и села напротив меня. Слегка нахмурившись, миссис Бладсуорт задумчиво помешивала чай.

– Мне кажется, ты выбрала совершенно верную линию поведения. Заставь парня потрудиться, завоевать, и он будет ценить тебя гораздо больше.

– Но я ведь уже сказала, что победа всегда оказывается на

его стороне. – Я огорченно отхлебнула горячий чай.

– Знаешь, девочка, Уайатту всегда нравились матчи, в которых напряжение не спадало до последнего момента, да и мяч он, как правило, отвоевывал в яростной схватке. Так что если вдруг отношения окажутся легкими и безоблачными, он соскучится уже через неделю.

– Но то, что ваш сын постоянно выигрывает, нечестно. Мне тоже хочется оказываться в лидерах – хотя бы изредка.

– Если он коварен, тебе следует проявить еще более изощренное коварство.

– Но это все равно, что оказаться святее папы римского.

Странно, но разговор меня воодушевлял. Я внезапно почувствовала, что справлюсь, что способна противостоять Уайатту и, возможно, даже одержать победу. Вряд ли удастся выиграть бой за шею, но ведь существуют и другие схватки, в которых наши силы распределяются более равномерно.

– Я верю в тебя, – призналась миссис Бладсуорт. – Ты умна и находчива, иначе ни за что не добила бы такого успеха с «Фанатами тела», да еще так быстро. А вдобавок ко всему очень хороша собой и привлекательна. Это очень важно. Уайатту, конечно, до смерти хочется залезть к тебе в трусики, но только послушайся моего совета – не позволяй ему никаких вольностей.

Я едва не поперхнулась чаем. Ни в коем случае нельзя было дать понять гостеприимной миссис Бладсуорт, что герой уже неоднократно побывал в тех краях, куда она решительно

не советовала его допускать. Разумеется, мои родители это уже поняли – в тот самый момент, когда Уайатт увез меня к себе домой. А насчет его собственной матушки пока оставались серьезные сомнения.

Я постаралась увести разговор в сторону от Уайатта и трусиков, решив, что лучший способ для этого – осмотр прекрасного дома. Расчет оказался верным. Хозяйка просияла, тут же встала со стула, и экскурсия началась.

По самым скромным подсчетам, в доме насчитывалось не меньше двадцати комнат, причем большая их часть имела форму восьмиугольников. Представьте только, каково было их строить! Парадная гостиная была выдержана в жизнерадостной желто-белой гамме. Столовая выглядела более серьезно: на стенах обои в кремовую и зеленую полоску, посередине большой старинный стол, вокруг него такие же старинные стулья, возле стены огромный буфет. Вся мебель элегантно, очень темного дерева. Каждая из комнат отличалась собственным цветовым решением, выполненным с большим вкусом и завидной последовательностью. Изобретательность и творческий потенциал хозяйки поражали: ведь, в конце концов, составить подобную сложную схему – огромный труд. Дом казался истинным воплощением любви, заботы и интереса к жизни.

– Если устанешь и захочешь прилечь, – заботливо заметила Роберта, – считай эту комнату своей.

С этими словами она распахнула дверь в небольшую

спальню изумительной красоты, с сияющим паркетным полом, бежевыми стенами и удобной кроватью, матрас на которой напомнил мне облако.

– У тебя отдельная ванная.

Миссис Бладсуорт заметила, что я пыталась поддерживать больную руку, которая все еще не давала покоя.

– Думаю, стоит ее подвязать. У меня есть подходящая для этого вещь.

Она направилась в собственную спальню, выдержанную в очень светлых тонах, и вскоре вернулась с очаровательной нежно-голубой шалью. Сложила в несколько раз, аккуратно завязала на шее и очень быстро устроила для моей несчастной руки уютную перевязь, определенно скрасившую мне существование.

Конечно, я нарушила жизненный распорядок Роберты, оторвала ее от каких-то срочных дел, которых у каждой женщины всегда так много. Но доброжелательная хозяйка, казалось, была даже рада компании. Мы немного посмотрели телевизор, совсем немного. Потом я позвонила маме и долго с ней разговаривала, даже рассказала о непростительном поступке отца. Она-то непременно с ним разберется. После ленча на меня напала дремота, и я поднялась наверх, чтобы немного поспать.

Когда я снова спустилась в гостиную, Роберта сидела в кресле с книгой.

– Звонил Уайатт и спрашивал о тебе, – заговорила она.

– Очень встревожился, когда я сказала, что ты прилегла отдохнуть. Он беспокоится насчет температуры – говорит, что ночью тебе было не слишком хорошо.

– После травмы часто поднимается температура. Ночью действительно был сильный жар.

– А сейчас как ты себя чувствуешь?

– Никакого жара нет. А прилегла просто потому, что немного устала.

Прежде чем заснуть, я успела подумать о Николь и о том, как решительно Уайатт отверг все мои предположения относительно убийства, считая, что он знает о несчастной мисс Гудвин гораздо больше меня – просто потому, что служит в полиции и имеет право выслеживать и допрашивать людей. Но он ошибался.

Я позвонила своей помощнице, Линн Хилл. Она оказалась дома. Услышав мой голос, сразу запричитала:

– О Господи! Говорят, в тебя стреляли и ранили! Это правда?

– Немного задела руку. Но уже все в порядке. Даже не пришлось оставаться в больнице на ночь. К сожалению, пока не поймают убийцу Николь, придется поменьше высываться, а мне уже вся эта история порядком надоела. Клуб надо открыть завтра утром. Ты сможешь управиться самостоятельно?

– Разумеется, какие сомнения? Справлюсь со всем, кроме зарплаты.

– Об этом не волнуйся. Разберусь сама и пришлю тебе чеки. Послушай, ты ведь иногда разговаривала с Николь.

– Только по необходимости, – сухо заметила Линн. Я прекрасно поняла ее настроение.

– Она упоминала какого-нибудь близкого друга, одного-единственного?

– Одного – нет, но в то же время постоянно присутствовали какие-то таинственные намеки. По-моему, дамочка просто крутила с женатыми мужчинами, ведь ты прекрасно ее знаешь. Она всегда хотела получить именно то, что принадлежало другой женщине. Свободные парни ее попросту не интересовали, разве что на короткое время – так, потешить самолюбие. Конечно, о мертвых не принято говорить плохо, но это была та еще штучка.

– Женатые мужчины, – повторила я. – Вполне логично.

Так оно и было. Линн совершенно точно определила характер Николь.

Я попрощалась и позвонила Уайатту на мобильный. Он ответил с первого сигнала и, даже не поздоровавшись, тревожно спросил:

– Что-нибудь случилось?

– Кроме того, что меня пытались убить, но пока только ранили? Нет, больше ничего. – Мне никак не удавалось расслабиться. – Дело в том, что я кое-что выяснила. Говорят. Николь встречалась с женатым мужчиной.

Уайатт немного помолчал.

– По-моему, я просил тебя не лезть в дела полиции. – В голосе отчетливо слышалось раздражение.

– В данной ситуации задача довольно сложная. Ты намерен проявить последовательное упрямство и отбросить эту версию в сторону не проверяя?

– Надеюсь, ты не выходила из дома? – Уайатт не ответил на мой вопрос, но зато задал свой.

– Разумеется, нет. По-прежнему сижу у твоей мамы, в уюте и безопасности.

– Прекрасно. Действуй так же и дальше. А информацию я непременно проверю.

– Возможно, этот человек не захочет открыто признаваться, что изменял собственной жене. Хочешь, попробую выяснить?

– Нет-нет! Ни в коем случае! Тебе не следует ничего делать, понятно? Оставь расследование нам. Неужели ты не понимаешь всей серьезности ситуации?

С этими словами Уайатт отключил телефон.

Итак, к моей инициативе лейтенант отнесся не слишком любезно. Но это потому, что он волновался за меня, боялся, что произойдет какая-нибудь новая неприятность. Я и сама не слишком стремилась к рискованным приключениям. Но ведь позвонить-то можно? По сотовому, так, чтобы никто не смог определить, откуда именно исходит звонок. Как правило, люди не обладают техническими средствами для определения местонахождения сотового телефона.

Недаром говорят: если не можешь выиграть битву, оставь ее и вступи в ту, которая окажется тебе по силам.

Глава 15

Значительно позже, чем следовало бы, мне пришло в голову, что раз детективы уже опросили всех сотрудников, то Линн наверняка изложила им теорию о женатом любовнике. В таком случае зачем Уайатт сказал, что проверит мою версию? Берег мои чувства? Но это же неслыханное пренебрежение!

Я снова набрала номер Линн.

– Послушай, ты говорила полицейским то, что сказала мне о встречах Николь с женатыми мужчинами?

– Нет, конечно, – с некоторым удивлением ответила она. – Во-первых, толком я ничего не знаю, просто считаю, что это вполне в ее стиле. Детектив меня спросил, известно ли мне что-нибудь о поклонниках Николь, и я ответила отрицательно, потому что о ее личной жизни мне действительно ничего не известно. Это потом мне пришло в голову, что Николь постоянно флиртовала с женатыми членами нашего клуба. Разумеется, она готова была увязаться за любым, но все-таки женатые больше пользовались ее расположением. Да ты и сама все знаешь.

– А ты не заметила, кто из парней обращал на нее особое внимание? – поинтересовалась я. Дело в том, что на моих плечах лежала вся канцелярская работа, а потому Линн проводила в зале гораздо больше времени и, соответственно,

могла больше увидеть. – Если бы ты еще вспомнила, какого цвета у этого парня машина...

– Подожди, дай хорошенько подумать. В последнее время на нее точно никто не реагировал, потому что все уже успели раскусить эту штучку. А пару месяцев назад я застучала Николь выходящей из мужского туалета. Она выглядела такой довольной, что мне сразу захотелось обзвать ее сучкой. Вслед за ней оттуда же выплыл один из мужиков, так что у меня нет никаких сомнений в том, чем они занимались.

– Почему же ты ничего мне не сказала?! – завопила я, ментально потеряв самообладание. – Я бы сразу выкинула ее прочь!

– Думаешь, ты смогла бы это сделать? За спаривание в туалете?

– Но она же оказалась в мужском туалете. Странно, что их не засекли.

– По-моему, ей все равно. Скорее всего они уединились в кабинке. Возможно, там она его и ублажала, хотя подобное не в ее стиле. Судя по всему, она предпочитала получать, а не отдавать.

– Ты не помнишь, как звали ее партнера?

– С ходу сказать не могу. Он не из числа завсегдаев, а с тех пор, возможно, и вообще больше не показывался. Насколько я помню, он заплатил за месяц, пару раз потренировался и больше не возобновлял абонемент. Впрочем, если бы я увидела его фамилию в списке, то наверняка бы вспом-

нила. У нас заведен отдельный файл на тех, кто не возобновил абонемент?

– В бумажном виде нет, а в компьютере должен быть. У тебя сегодня найдется свободное время? Я позвоню копам, не исключено, что они захотят встретиться с тобой в клубе, чтобы просмотреть компьютерные файлы.

– Да, конечно, я буду дома. А если вдруг куда-нибудь выскочу, найдешь меня по сотовому.

– Спасибо. Обязательно перезвоню.

– Интересный разговор, – заметила миссис Бладсуорт. В зеленых глазах блеснуло любопытство. Она даже не пыталась сделать вид, что не слушала. В конце концов, мы сидели в одной комнате.

– Надеюсь, он окажется еще и полезным. Разумеется, если Уайатт снова не разнесет меня в пух и прах.

– Разнесет в пух и прах? Вообще-то я учила его приличным манерам. Позволь, я переговорю с сыном.

– О нет, не надо. Наверное, сегодня уже не стоит ему звонить. Лучше свяжусь с детективом Макиннисом.

Я разыскала визитку детектива и набрала напечатанный на ней номер.

Макиннис ответил быстро, и я постаралась говорить как можно жизнерадостнее.

– Привет, это Блэр Мэллори.

– О... минуточку, мисс Мэллори. Сейчас приглашу лейтенанта.

– В этом нет необходимости. Могу все рассказать и вам. Дело в том, что я только что разговаривала со своей сотрудницей, менеджером Линн Хилл, и просила, чтобы она заменила меня в клубе. Мы хотим завтра начать работу. Вы уже убрали эту безобразную желтую ленту?

– М-м-м... позвольте, я кое-что уточню и свяжусь с вами.

– Нет-нет, ничего, не беспокойтесь. Это я могу выяснить и позже. Дело в том, что Линн упомянула о пристрастии Николь к женатым мужчинам. Ну, понимаете ли, возможность бросить вызов, отобрать что-то у другой женщины... Так вот, Линн призналась, что не сообщила об этом в разговоре с детективом, потому что в тот момент просто не считала важным. Но позже, обдумывая ситуацию, она решила, что следует обратить внимание полицейских на такое поведение Николь.

– Но... – Детектив снова попытался прервать поток моего красноречия, однако это оказалось не так-то просто.

– Мы с Линн начали обсуждать возможные варианты, и она рассказала, что пару месяцев назад застала Николь выходящей из мужского туалета вместе с одним парнем. Фамилию мужчины она вспомнить не смогла, так как он приходил в наш клуб всего лишь пару раз, не больше, и абонемент не продлил. Однако Линн не сомневается, что, увидев фамилию в файле, сразу ее вспомнит. Она готова встретиться с вами в клубе и просмотреть компьютерные файлы тех клиентов которые не возобновили абонемент. Понимаете меня?

– Да, – подтвердил детектив. Сейчас голос его звучал гораздо энергичнее и живее.

– Хорошо. Это лишь точка отсчета. Конкретный парень вполне может оказаться ни при чем, но сам факт пристрастия к женатым мужчинам освещает события совсем иначе, правда?

– Разумеется. – Теперь уже в голосе детектива звучала явная заинтересованность.

– Если вдруг у вас под рукой нет телефонного номера Линн, вот он. – Я продиктовала номер. – Она ждет звонка. А если ее не окажется дома, вот номер сотового. – Я назвала еще один номер. Потом вежливо пожелала детективу удачного дня и, получив аналогичный ответ, отключилась.

– Впечатляет, – удовлетворенно улыбнулась миссис Бладсуорт. – Прекрасно имитируешь наивную блондинку, но при этом выдаешь информацию в таком объеме и с такой скоростью, что детектив наверняка едва успел записать.

– Если что-то упустил, перезвонит, – беспечно ответила я. – Или сам Макиннис, или кто-нибудь другой.

Перезвонил «кто-нибудь другой», причем меньше чем через пять минут – возмущенный и оскорбленный.

– Если появилась новая информация относительно данного дела, звони мне, а не кому-то из подчиненных, – сурово отчитал меня он.

– Но разве не ты уже дважды отключался, не желая со мной разговаривать? Я не уверена, что вообще когда-нибудь

тебе позвоню, что бы ни произошло.

Повисло молчание – глубокое, словно Большой Каньон. Потом в трубке послышалось: «О, черт возьми!» Тон подсказывал, что собеседник внезапно осознал: необходимо признать свою оплошность и извиниться за грубость. К тому же он прекрасно знал, что я нахожусь в доме его собственной матери, которая вовсе не учила сына столь безобразным манерам. Так что мне удалось одержать пусть и крошечную, но победу. Противник оказался повержен, а победитель получил в награду огромное удовлетворение.

Тяжелый вздох прервал затянувшееся молчание.

– Прости. Больше никогда не повешу трубку. Обещаю.

– Извинения приняты, – тут же согласилась я. – А теперь ответь, пожалуйста: сможет Линн завтра открыть клуб?

Имеет ли смысл хлестать лошадь до смерти? Я победила, а значит, следовало проявить понимание и двигаться дальше.

– Я почти уверен, что сможет.

– Отлично. А моя машина так и стоит перед зданием?

– Нет. Я нашел в твоей сумке ключи и распорядился, чтобы сегодня утром машину перегнали к тебе домой. С ней все в полном порядке.

– Когда ты успел выгащить ключи? – любопытствовала я, так как до сих пор даже не заметила их исчезновения.

– Ночью. Ты уже сладко спала.

– Надеюсь, у меня дома все в порядке? Ни простреленных окон, ни чего-то необычного и странного?

– Патрульный проверял. Все в порядке, окна заперты, следов от пуль нигде не заметно.

– А он перелезал через забор, чтобы проверить выходящее во двор французское окно?

– Доложил, что проверил абсолютно все. Подожди, сейчас позвоню и выясню относительно французского окна. – Через минуту Уайатт заговорил снова: – Симмонс сказал, что перелезать через забор не потребовалось; он просто открыл ворота и вошел.

Услышав такое, я замерла.

– Но ворота постоянно заперты. – Пальцы мои нервно вцепились в телефон. – Не сомневаюсь, что я их заперла.

– Черт! Сию же минуту пошлю кого-нибудь снова. Сиди смирно.

– Как будто есть варианты, – мрачно отозвалась я. Мы очень вежливо попрощались, так что ни один не смог бы обвинить другого в грубости. Потом я сообщила миссис Бладсуорт последние новости.

И вдруг подумала о Шоне. Ведь сегодня ей предстояло поехать ко мне, чтобы собрать вещи. А что, если по злосчастному совпадению она оказалась в доме именно тогда, когда тот, кто отпер ворота, был там? Шона тоже блондинка. Немного выше меня, но убийце Николь вряд ли известны подобные мелочи. У нее хранятся запасные ключи – на тот случай, если я вдруг потеряю свои.

За вещами сестра могла приехать в любое время: рано

утром, еще до работы, во время перерыва на ленч или после работы. Однако последний вариант вряд ли подходил, так как ей предстояло еще встретиться с Уайаттом, чтобы передать сумку, а работала она иногда до восьми или даже до девяти часов вечера.

– Что-то не так? – встревожилась миссис Бладсуорт, наблюдая за изменившимся выражением моего лица.

– Сестра, – едва слышно пробормотала я. – Она должна была собрать мои вещи и передать их Уайатту. Но он ничего об этом не сказал, значит... Значит, ее могли принять за меня. О Господи, как страшно!

Мысленно вознося пылкую молитву – наверное, самую страстную за всю свою жизнь, – я снова набрала номер Уайатта. Он ответил сразу, в голосе его послышалась напряженность.

– Шона должна была съездить ко мне за вещами, – выпалила я. – Она тебе не звонила?

– Успокойся, – произнес Бладсуорт совсем другим, мягким, даже ласковым тоном. – С ней все в порядке. Сумка у меня с раннего утра.

– Слава Богу! О, слава Богу! – Из глаз внезапно потекли слезы. – Просто я подумала... она ведь блондинка, и фигуры у нас похожи, убийца мог и не заметить разницы.

Ужасно, что эта мысль не пришла мне в голову раньше. Судя по прозвучавшему в трубке приглушенному проклятию, о нашем сходстве не подумал и лейтенант. Разумеется,

те, кто хорошо знает меня и сестру, никогда нас не перепутают: не до такой степени мы похожи. Но с точки зрения стороннего наблюдателя...

Уайатт был полицейским, а потому сразу поинтересовался:

– Шона могла отпереть ворота? – Я вытерла слезы.

– Сейчас позвоню и спрошу. Правда, не знаю, зачем ей это могло бы понадобиться.

– Я сам позвоню. У меня есть к ней и другие вопросы. Кстати, и к тебе тоже: скажи, пожалуйста, сигнализация в доме включена?

Я открыла было рот, чтобы автоматически ответить «да», но вдруг вспомнила, что была там в последний раз в пятницу, когда ожидала сотрудника фирмы проката машин. Он должен был меня забрать. Я стояла у двери, и как только заметила машину со знаком фирмы, сразу ее заперла. Отлично помнила, как запирала, но вот насчет сигнализации – никаких воспоминаний.

– Нет, – наконец ответила я. – Если, конечно, ее не включила, уходя, Шона. Она знает код.

– Хорошо. Не волнуйся, все выясним. Если повезет, то через пару часов я тебя заберу. Договорились?

– Договорились. – Я была признательна Уайатту за то, что он не стал читать мне мораль по поводу сигнализации. И о чем я только думала? Ах да, о пляже. Хотелось как можно скорее уехать на море.

Убийца мог появиться в выходные дни в любое время и с полным комфортом расположиться в доме в ожидании моего возвращения. Но только этого не произошло. Возможно, он проверил дом и отсутствие машины навело его на мысль, что я отправилась к кому-нибудь в гости. Но, вернувшись в клуб, он увидел возле него белый «мерседес» и устроил неподалеку засаду, так как знал, что за машиной я непременно вернусь.

План сработал, но с одной маленькой неувязкой: по чистой случайности мне удалось остаться в живых. Что же дальше? Ждать? Но ведь убийца мог решить, что план выполнен на сто процентов – ведь я, как полагается, упала, и он не стал околачиваться на месте преступления. Скорее всего стрелявший считал, что убил меня, – так он мог думать до того момента, когда в «Новостях» сообщили о ранении, а возможно, и дольше. Госпиталь не уточнил, каково состояние раненой, так как полиция не хотела раскрывать карты до тех пор, пока Уайатт не спрячет меня в надежное место. Правда, самым надежным убежищем оказалась его собственная постель, но это уже совсем иной разговор. Ну а утренние «Новости» скорее всего сообщили о том, что врачи оказали пострадавшей помощь и отпустили.

Так каким же станет следующий ход убийцы? Вполне вероятно, что он сейчас сидит у меня дома и дожидается возвращения хозяйки. А может, ходит вокруг и вынюхивает, как попасть внутрь. Лучший способ, конечно, – через француз-

ское окно, тем более что забор обеспечивает необходимое укрытие на то время, пока он будет его открывать.

Однако это не самое мудрое решение. Фирменный знак охранной компании прикреплен на самом виду – на окне фасада. Определить, включена ли система, невозможно, а испытывать судьбу не захочет ни один мало-мальски соображающий человек.

От глубоких размышлений меня отвлек голос миссис Бладсуорт. Она беспокоилась, все ли в порядке с Шоной.

– Да, все хорошо. Сестра была у меня дома рано утром, – ответила я, вытерев глаза. – Сложила нужные вещи в сумку и отвезла их Уайатту. Сейчас он звонит ей, чтобы узнать, включила ли она сигнализацию.

Вполне вероятно, что Шона это сделала. Вряд ли она могла оставить дом незащищенным, даже если бы так поступила я сама. Если система не сработала, значит, посторонние в дом не проникали. И не устроили засаду. Убийца мог бы перелезть через забор и заглянуть во французское окно. Но я плотно задернула шторы, поэтому увидеть он бы все равно ничего не смог. Так что поводов для страха у меня просто не должно быть.

Я мысленно вздохнула с облегчением.

– Трудно сказать, когда приедет Уайатт, – заметила миссис Бладсуорт. – Так что пора заняться ужином. А если он не успеет поесть вместе с нами, я потом подогрею.

– А для меня работы не найдется? – с надеждой спроси-

ла я, потому что страшно устала от безделья и уже начинала чувствовать себя какой-то старушкой, оттого что за мной постоянно ухаживают.

– С одной рукой? – уточнила миссис Бладсуорт и рассмеялась. – Разве что попрошу тебя поставить на стол тарелки. Ничего другого на ум не приходит. А лучше пойдем на кухню, составишь мне компанию. Сейчас, когда я осталась в доме одна, готовить приходится не так часто. Можно ограничиться сэндвичем, особенно на ужин. Зимой иногда открываю банку с супом. А есть в одиночестве просто скучно.

Мы направились в кухню, и я уселась за стол. Как вы помните, в доме была очень красивая столовая – в викторианских домах без нее не обходится. Но, судя по всему, Бладсуорты предпочитали именно кухонный стол.

– По-моему, вы немного скучаете. Не хотите снова вступить в клуб? У нас есть новые программы, очень интересные.

– Такая мысль приходила мне в голову, но ты же знаешь, как это бывает: одно дело – думать, и совсем другое – исполнить. После падения с велосипеда я совсем расклеилась и разленилась.

– Кто за вами ухаживал во время болезни?

– Дочь, Лайза. О, даже страшно вспоминать! С ключицей дело обстояло достаточно серьезно, но все-таки терпимо, а вот ребра – истинное несчастье! Подумать только, выздороветь целых шесть месяцев! Наверное, уже сказывается возраст.

Не сдержавшись, я фыркнула. Звук, конечно, не слишком благородный, но зато красноречивый.

– В школе, в группе поддержки, мне тоже доводилось ломать ключицу. После этого понадобился целый год упорной работы, чтобы вернуть прежнюю форму. Так что выздоровление за полгода кажется мне просто подвигом.

Роберта улыбнулась:

– Но ведь мне не приходится стоять на руках, как тебе.

– В то время и я не стояла. Просто не могла. Плечо не выдерживало.

– А сейчас делаешь стойку на руках?

– Конечно. И сальто, и кувырки назад, и колесо, и шпагат.

Занимаюсь гимнастикой не реже двух раз в неделю.

– Могла бы научить меня чему-нибудь? Ну, например, стойке на руках.

– Почему бы и нет? Секрет в чувстве равновесия и силе. Ну и, конечно, в практике. Прежде чем начать, стоит позаниматься с легкими гантелями, чтобы немножко накачать плечи и руки, особенно ту, которая пострадала.

Мне захотелось немного похвастаться.

– А я и на одной руке умею стоять.

– Неужели? – Роберта отвернулась от плиты и с явным интересом взглянула на спрятанную в шали больную руку. – Но только не сейчас.

– Может быть, и сейчас, потому что обычно я делаю стойку на правой руке: во-первых, она сильнее, а во-вторых, на-

клонностей левши за мной не замечено. Левую же прячу за спину, чтобы не болталась понапрасну и не нарушала равновесие.

Разговор не остался без последствий: к тому времени как были готовы свиные отбивные, картофельное пюре с зеленым горошком и печенье, мы обе умирали от любопытства, мечтая выяснить, дано ли мне осуществить стойку на одной правой. Миссис Бладсуорт утверждала, что нельзя рисковать. Я же твердила, что в положении вниз головой вся имеющаяся в наличии кровь естественным путем ринется именно в мозг и не позволит потерять сознание.

– Но ты же еще совсем слаба.

– Я вовсе не ощущаю слабости. Вот вчера мне действительно нездоровилось. А сейчас самочувствие почти нормальное.

Нечего и говорить, что в качестве доказательства я была просто обязана постоять на правой руке вниз головой.

Роберта суетилась, пытаясь любыми средствами остановить безумный порыв, однако не очень-то представляла, как именно это можно сделать. Да и, честно говоря, не могла скрыть искреннего интереса. Все закончилось тем, что мы развязали шаль и освободили больную руку. Сегодня я уже немного могла ею двигать, однако не в достаточной мере, а потому миссис Бладсуорт сама осторожно завела бесполезную конечность мне за спину. Потом, поддавшись гениальному озарению, она ловко обвязала шаль вокруг бедер, од-

новременно закрепив руку в нужном положении.

Я обошла вокруг стола, чтобы оказаться подальше от плиты и поближе к входу в столовую – там просторнее. Согнулась, уперлась правой ладонью в пол, а локтем в правое колено, поймала равновесие и начала медленно, очень-очень медленно, сворачиваться улиткой, сначала поджимая ноги, а потом выпрямляя их вертикально.

Именно это и увидел Уайатт, едва войдя в дом. Занятие настолько увлекло нас обеих, что мы даже не услышали, как подъехала машина.

– Черт подери! – взорвался он. Восклицание оказалось настолько резким, что мы с Робертой вздрогнули от неожиданности. Мне этого делать явно не стоило, так как равновесие моментально нарушилось. Я начала крениться вбок, миссис Бладсуорт ухватилась за меня, а Уайатт перегнулся через стол. Каким-то образом ему удалось поймать меня за ноги и удержать. Потом он обошел вокруг стола, сильной рукой крепко обнял меня за талию и бережно поставил на ноги.

Не могу не сказать, что бурная речь лейтенанта решительно не соответствовала его четким, осторожным действиям.

– Какого черта ты творишь?! – кричал он, окончательно утратив самообладание и покрывшись пунцовым румянцем. Досталось и миссис Бладсуорт. – Мама, я привез Блэр к тебе, чтобы ты последила за ней и не позволяла делать глупости! Но вовсе не для того, чтобы ты помогала их совершать!

– Мы просто проверяли... – растерянно начала я.

– Я прекрасно видел, что ты «просто» делала! Ради всех святых, Блэр, тебя же ранили меньше суток назад! Такая потеря крови! Скажи, неужели даже в подобных обстоятельствах невозможно удержаться от стойки на одной руке? Где твоя голова? О чем ты думаешь?

– Мне уже почти удалось сделать стойку. И не испугай ты нас, все прошло бы прекрасно.

Я старалась говорить как можно мягче, потому что понимала, как мы с Робертой испугали бедного парня.

– Все в порядке. Почему бы тебе не присесть за стол? Я принесу чего-нибудь попить. Чаю со льдом или холодного молока.

– Не стоит волноваться, – поддержала меня миссис Бладсуорт. – Понятно, что ты не мог такого ожидать и немного разнервничался, но ведь все было под контролем.

– Под контролем? Да она... да вы... – Не найдя достойных слов, Уайатт замолчал и покачал головой. – Здесь Блэр ничуть не в большей безопасности, чем дома. Сломанная шея способна убить точно так же, как и пуля. Остается лишь приковать ее наручниками к раковине у меня в ванной и запечатать на весь день.

Глава 16

Нечего и говорить, что ужин прошел не слишком весело. Мы с Робертой злились на Уайатта, а он злился на нас. Впрочем, напряженная обстановка вовсе не лишила меня аппетита, ведь предстояло восполнить серьезную потерю крови.

Настроение героя не улучшилось и после того, как, убрав вместе с Робертой со стола, он вознамерился везти меня к себе домой. Миссис Бладсуорт, видимо, решив отомстить за неприятные минуты, обняла меня и дала на прощание мудрый совет:

– Послушай меня, цетка, – не спи с этим злодеем.

– Вот спасибо тебе, мамочка, – саркастически заметил

Уайатт. Ответом ему послужил презрительный взгляд.

– Я абсолютно с вами согласна, – улыбнулась я Роберте.

– Завтра приедешь? – заботливо поинтересовалась та.

– Нет! – отрезал ее сын, хотя его никто и не спрашивал. –

Вы дурно влияете друг на друга. Посажу Блэр на цепь у себя в ванной, как и обещал.

– Не хочу ехать к тебе, – подала я голос. – Хочу остаться здесь, с твоей мамой.

– Цыц! Поедешь со мной, и все. – Уайатт крепко схватил меня за правую руку и решительно потащил к машине.

Ехали мы молча, так что мне вполне хватило времени обдумать, что именно означал недавний взрыв эмоций. Со сто-

роны Уайатта, а не с нашей. Чем именно руководствовались мы с Робертой, я и так понимала.

Я испугала Бладсуорта. И вовсе не тем, что сделала стойку, не неожиданностью поступка, как решила сначала. Страх проник в самую глубину его существа и сковал душу.

Теперь я все поняла. Сначала меня подстрелили на глазах у Уайатта. На следующий день он упрятал меня в самое безопасное, по его мнению, место в городе – в дом собственной матери. И что же? После трудного, нервного рабочего дня лейтенант является туда и видит, как на глазах у восторженной опекуни раненая изо всех сил старается свернуть себе шею или на худой конец повредить совсем свежие швы.

Согласно моей личной шкале ценностей, искреннее извинение заслуживает ответного, столь же искреннего извинения. Если Уайатт нашел в себе силы попросить прощения, значит, я тоже смогу это сделать.

– Прости, пожалуйста, – негромко произнесла я. – Я не хотела тебя пугать, и мы с Робертой вовсе не собирались устраивать против тебя заговор.

Бладсуорт лишь молча сверкнул потемневшими от гнева зелеными глазами. Все ясно. Значит, он вовсе не настолько готов принимать извинения, как я. Обижаться не стоило, поскольку мрачное настроение означало, что человеку небезразлична моя судьба. Пока еще трудно было сказать, испытывает ли он какие-то серьезные чувства, на которых можно строить отношения. Но во всяком случае, мне не приходи-

лось оставаться наедине со своей проблемой.

Уже возле дома Уайатт наконец-то подал голос:

– Никогда больше не делай этого.

– Чего не делать? Ведь не о стойке же ты говоришь, зная, каким способом я зарабатываю свой хлеб? Я регулярно занимаюсь гимнастикой. Тренируюсь. А члены клуба видят меня в деле и начинают мне доверять. Настоящий, честный, надежный бизнес.

– Но ты же могла убить себя! – прорычал Уайатт. Я вдруг поняла, что в действительности он по-своему, совсем по-мужски, хватался за увиденное как за истинную причину собственных страхов.

– Уайатт, ты же полицейский, а пытаешься внушить мне, насколько опасна моя работа.

– Я не оперативник. Не выписываю ордера на арест, не останавливаю машины, не совершаю тайных закупок наркотиков. Опасность грозит тем ребятам, чья служба проходит на улице.

– Возможно, сейчас ты уже ничего этого не делаешь, но раньше-то занимался именно такой работой. – Я помолчала. – Если бы ты и сейчас служил простым полицейским, а я от волнения впадала бы в истерику, что бы ты сказал?

Бладсуорт молча свернул на дорожку и заехал в гараж. И лишь когда за нашими спинами опустились ворота, ворчливо ответил:

– Сказал бы, что это моя работа и я должен делать ее как

можно лучше. Но это ни в малейшей степени не относятся к стойке на правой руке, исполненной в кухне моей матери на следующий день после ранения в левую руку.

– Истинная правда, – кивнула я. – Рада, что ты так хорошо понимаешь ситуацию.

Уайатт вышел из машины и, обойдя ее, открыл пассажирскую дверцу. Потом достал с заднего сиденья сумку с одеждой, которую привезла Шона, и первым вошел в дом. Поставил сумку на пол, повернувшись, крепко обнял меня за талию и прижал к себе в долгом, каком-то отчаянном поцелуе.

Я с энтузиазмом плыла по воле волн – до тех пор, пока не услышала внутри себя несколько запоздалые тревожные звонки. Слегка задыхаясь, отстранилась.

– Целоваться можно, а заниматься сексом нельзя, понял? Заметь, я сказала «нет» уже после того, как ты до меня дотронулся, так что отказ считается.

– А может быть, кроме поцелуев, мне больше ничего и не надо, – ухмыльнулся злодей, снова принимаясь за свое.

– Нуда, конечно.

Наполеон тоже обещал, что поход на Россию окажется всего лишь приятной прогулкой. Неужели же лейтенант надеется, что я ему поверю?

Поцелуи продолжались до тех пор, пока у меня не подкосились колени, а по коже не побежати мурашки. И именно в этот момент я оказалась на свободе. Нарушитель спокойствия выглядел вполне довольным, однако кое-что уже с

трудом умещалось в брюках, так что я тоже ощутила нечто вроде злорадного удовлетворения.

– Линн нашла в файлах фамилию того человека? – поинтересовалась я. Пожалуй, этот вопрос следовало задать гораздо раньше, но однорукая стойка на некоторое время ограничила наше общение. Сейчас заграждения пали, и любопытство тут же одержало верх.

– Нет еще. Макиннис должен позвонить, как только они проведут предварительную проверку. Но дело в том, что у Линн проблемы с компьютером.

– Какие еще проблемы? И почему она не позвонила? Линн прекрасно знает все программы, так в чем же дело?

– Компьютер рухнул.

– О, только не это! Такого не может быть. Мы должны открыться завтра. Ведь мы завтра откроемся, правда?

Бладсуорт кивнул:

– Детективы закончили работу на месте преступления и убрали «безобразную желтую ленту». – «Безобразную желтую ленту» Уайатт взял в кавычки голосом. Это означало, что скорее всего Макиннис передал лейтенанту, а заодно и всему департаменту содержание нашего с ним телефонного разговора. Однако сейчас это меня не волновало.

– Компьютер, – настойчиво произнесла я, для убедительности махнув рукой.

– К вам поехал один из наших компьютерных гуру, чтобы что-нибудь предпринять. Однако это произошло уже ве-

чером, и ответа я еще не получил.

Я достала сотовый и позвонила Линн – тоже на сотовый. Она ответила сразу, но голос ее звучал растерянно.

– Блэр, боюсь, нам придется покупать новый компьютер. Этот определенно спятил.

– Что значит – спятил?

– Ведет себя по меньшей мере странно. Говорит на каких-то непонятных языках. Во всяком случае, печатает. Не по-английски. Несет откровенную тарабарщину.

– А что говорит компьютерный коп?

– Сейчас он сам все тебе объяснит.

Через секунду раздался мужской голос:

– Обрушение очень серьезное, но думаю, большую часть файлов удастся восстановить. Сейчас сниму все программы и произведу перезагрузку, тогда уже будет ясно, что случилось.

– А в чем причина сбоя?

– Трудно сказать. Время от времени все компьютеры любят покапризничать. Вот сейчас, например, помимо тарабарщины на дисплее, он ктому же полностью завис. Мышь не работает, клавиатура не работает, ничего не работает. Но не волнуйтесь, я сумею восстановить программу – не впервые – и добуду нужные файлы.

– А что, если сегодня же поставить новый компьютер?

– Не помешает, – ответил инженер.

Я объяснила Уайатту ситуацию. Потом позвонила в один

из больших супермаркетов офисного оборудования. Сообщила, что именно требуется, назвала номер кредитной карточки и попросила подготовить заказ, предупредив, что за ним приедет полицейский. Уайатт уже отдал соответствующие распоряжения по своему телефону. А я набрала номер Линн и сообщила, что новый компьютер уже в пути. Теперь оставалось лишь ждать, когда же компьютерный гуру сотворит обещанное магическое исцеление.

– Незапланированные расходы, целых двести долларов. – ворчала я. – Хорошо хоть налоги списываются.

Взглянув на Уайатта, я неожиданно обнаружила, что он улыбается.

– И что же здесь смешного?

– Ты смешная. Такая финтифлюшка – и вдруг разговоры о бизнесе.

Я едва не задохнулась от обиды и возмущения.

– Финтифлюшка?

– Ну да, – подтвердил Уайатт. – У тебя даже молоток розовый. Если это не кокетство, то что же?

– Я вовсе не кокетка и не финтифлюшка! Не смей меня так называть! У меня собственный бизнес, и я вполне достойно с ним справляюсь. Кокетки этим не занимаются – они заставляют других заботиться о себе.

Я не на шутку разозлилась: ненавижу, когда ко мне относятся снисходительно, а тем более дают такие уничижительные характеристики.

Не переставая улыбаться, Уайатт крепко обнял меня за талию.

– Все в тебе – одно сплошное кокетство. От вплетенных в волосы побрякушек до забавных сандалий с ракушками. Ты выглядишь, словно лакомый фунтик ванильного мороженого – так и хочется слизнуть.

Я всего лишь человек и вынуждена признаться, что фраза насчет мороженого не могла пройти бесследно. Воспользовавшись тем, что я несколько отвлеклась от спора, Уайатт снова принялся меня целовать, а потом действительно начал лизать и слегка покусывать шею, тем самым окончательно лишая воли к сопротивлению. В результате прямо здесь, в кухне, я потеряла и трусики, и самоконтроль. Больше того, через некоторое время Уайатту пришлось помогать мне обрести утраченное – нет, разумеется, не самоконтроль, а трусики.

– Все, начинаю новый список злоупотреблений, – яростно пообещала я спине нарушителя конвенции. Сам он в это время поднимался вверх, вполне умиротворенный и с моей сумкой в руке. – И непременно покажу его твоей маме!

Уайатт туг же остановился и смерил меня настороженным взглядом.

– Не хочешь же ты сказать, что собираешься разговаривать с ней о нашей интимной жизни?

– Я хочу сказать, что собираюсь сообщить ей, что ее сын – законченный негодяй и шантажист!

Бладсуорт улыбнулся и покачал головой.

– Финтифлюшка, – произнес он и продолжил свой путь.

– Дело не только в этом! – крикнула я ему вслед. – В твоём доме нет ни единого растения, и от этого у меня стремительно развивается депрессия.

– Завтра же куплю самый большой куст, – не оборачиваясь, пообещал Уайатт.

– Если ты настоящий полицейский, то завтра мне уже не понадобится прятаться в твоём доме! – Вот так. Пусть возразит, если сможет.

Когда Бладсуорт снова спустился вниз, на нем были уже джинсы и белая футболка. К этому времени я нашла подходящий блокнот и устроилась в гостиной, в большом кожаном кресле, засунув пульт от телевизора в перевязь. В данный момент был включен канал «Лайфтайм».

Уайатт взглянул на экран и поморщился. Потом посмотрел на меня.

– Ты сидишь в моем кресле.

– Здесь лампа. Мне нужен свет.

– Но *это мое* кресло. – Он приближался, словно грозовая туча.

– Если ты потревожишь мою руку, я... – Договорить мне не удалось, поскольку Уайатт схватил меня в охапку и, опустившись в кресло, посадил к себе на колени.

– Ну вот, – пробормотал он, утыкаясь носом мне в шею. – Теперь владеем креслом на паях. Кстати, где пульт?

Слава Богу, он все еще был в моей перевязи. Там ему и надлежало оставаться. В правой руке я сжимала блокнот и ручку, одновременно изо всех сил пытаюсь игнорировать манипуляции Уайатта с шеей. Пока можно было надеяться на относительную безопасность, ведь кухонный эпизод имел место совсем недавно. Что ни говори, а мужчине нужно некоторое время на восстановление сил...

– Пульт? Понятия не имею. Только что он был здесь, – с очень честным видом соврала я, оглядываясь по сторонам. – Может быть, упал или завалился за подушку?

Конечно, тут же начались поиски. Я соскользнула с коленей Уайатта, а он встал и проверил за подушкой. Потом посмотрел вокруг кресла. Даже перевернул его, чтобы убедиться, что пульт не провалился в недра. Наконец пронзил меня безжалостным взглядом.

– Блэр, где мой пульт?

Нельзя забывать, что этот человек служил в полиции и прекрасно знал все потайные места. Взгляд его неумолимо уперся в перевязь.

– Отдай, негодная воровка.

– Воровка? – Я начала отступать. – А мне почему-то казалось, что я всего лишь безвредная финтифлюшка.

– Никогда не говорил, что ты безвредна. – Уайатт шагнул ко мне. Я не выдержала и бросилась наутек.

Бегаю я здорово. Но во-первых, у Уайатта ноги длиннее, а во-вторых, сандалии – не самая удобная обувь. Так что по-

гоня продолжалась недолго. Одной рукой он поймал меня, ослабевшую от смеха, а другой осторожно выудил из тайника пульт.

Разумеется, Уайатт хотел смотреть бейсбол. Я же в этом, признаюсь, не слишком сильна. Известно, что бейсбольные команды не привлекают группы поддержки, а потому мне не довелось узнать об игре ничего конкретного. Вот футбол и баскетбол – другое дело. В бейсбол же, по-моему, играют только снобы, а я не хочу иметь с ними ничего общего. Но в тот вечер мы сидели вдвоем в огромном кресле – Уайатт внимательно следил за ходом матча, а я уютно устроилась у него на коленях, вдумчиво работая над очередным списком. Каждый занимался своим делом. Лишь иногда, когда какой-нибудь пункт обвинения казался Уайатту особенно сомнительным, он недовольно ворчал.

Наконец перечень злоупотреблений иссяк, и мне стало скучно. Сколько же могут продолжаться эти глупые игры?

Меня сморила дремота. Широкое плечо оказалось рядом, сильная рука надежно поддерживала спину, так что я безмятежно свернулась калачиком и сладко заснула.

Проснулась я от того, что Уайатт нес меня по лестнице. Внизу было темно, так что скорее всего вечер уже перетек в ночь.

– Сегодня можно принять душ, – зевая, напомнила я, – и перевязать руку.

– Знаю. Сейчас все приготовлю, и пойдем в душ.

Уайатт достал бинт и стерильные тампоны, а потом долго и осторожно разрезал и разматывал толстую повязку, пока не добрался до тампона, приклеившегося к самим швам. Он действительно приклеился. Прилип. Я несколько раз легонько потянула, а потом решила довериться воде, чтобы она сделала свое дело.

Уайатт включил душ, чтобы вода согрелась, а потом раздел меня и разделся сам. Учитывая декларацию полного отсутствия секса (можно подумать, будто он собирался ее соблюдать), наверное, не стоило так дружно обнажаться. Однако мне это понравилось. И даже очень. Нравилось смотреть на обнаженного Уайатта. Нравилось, как он смотрел на меня, тоже обнаженную. Нравилось, как прикасался, словно не мог сдержаться, и нежно ласкал грудь, одновременно большим пальцем глядя соски. С тех пор как открылась страшная правда о моей шее, грудь не пользовалась особым вниманием. Однако можно смело сказать, что шея дарила наслаждение мне, а грудь – самому Уайатту. Он любил ее и не собирался скрывать своего пристрастия.

Мы вошли в душ и моментально оказались мокрыми и скользкими. Пришлось стоять очень близко, чтобы Уайатт смог снять с руки тампон, а потому мы прижались друг к другу животами и начали медленно покачиваться в чувственном водном танце. Вскоре обнаружилось, что прошло уже достаточно времени для восстановления мужской силы.

– Никакого секса! – быстро отреагировала я. Уайатт рас-

смеялся, словно восклицание ничего не значило, и принялся меня мыть. Да, восклицание действительно ничего не значило. Честное слово, я старалась. Старалась изо всех сил. Но только кто же знал, что он будет мыть меня именно так – нежно, аккуратно, не пропуская ни единого, самого укромного уголка?

– Хватит дуться, – потребовал Уайатт позже, когда я уже сидела на краю ванны, а он вполне разумно и сознательно занимался перевязкой. – Просто замечательно, что ты не в силах противостоять моим ласкам.

– Упорные тренировки непременно принесут плоды, – пробормотала я. – Надеюсь уже совсем скоро достичь успеха.

Уайатт распустил мои волосы и принялся их расчесывать, хотя я вполне могла бы сделать это сама – с чисткой зубов ведь успешно справлялась. Но раз ему так хотелось, то почему бы и нет? Я протерла лицо лосьоном, нанесла крем и попросила достать из сумки пижамные штаны на резинке и футболку, собираясь лечь в таком костюме. Однако Уайатт лишь фыркнул.

– Можно подумать, они тебе понадобятся.

Схватил меня на руки и понес в кровать в костюме Евы.

Бедный детектив Макиннис! Я совершенно забыла о нем, едва Бладсуорт появился в доме своей матушки. Телефон зазвенел в ту самую минуту, когда Уайатт укладывался рядом со мной. Трубку он схватил раньше, чем успел отзвучать первый звонок.

– Бладсуорт слушает. Все-таки нашли? – Затем взглянул на меня и произнес: – Дуэйн Бейли. Тебе что-нибудь говорит это имя?

Секундное раздумье, и вот уже в мозгу возник образ плотного мужчины шести футов ростом, с обильной растительностью на груди и спине.

– Да, я помню такого.

– Он мог бы оказаться тем человеком, которого ты видела?

У меня очень хорошее пространственное представление, так что мысленно поместить Дуэйна рядом с Николь и сравнить с образом убийцы оказалось совсем не трудно.

– Лицо, конечно, узнать было невозможно, но вот сложение похоже. Примерно шести футов ростом, солидный, даже несколько полноватый. И к тому же постоянно мрачный, словно вечно чем-то недовольный.

Эту особенность я запомнила потому, что однажды он повздорил из-за тренажера с одним из наших постоянных клиентов. Казалось, Дуэйн спешил и не хотел ждать, пока тот закончит упражнение.

– Отлично. Завтра займемся парнем, – заключил Уайатт. – А пока, Макиннис, постарайся хоть немного поспать.

– Разве ты не хочешь заняться Бейли прямо сейчас? – Медлительность в действиях детективов удивила и возмутила меня. Они получили шанс найти преступника, который убил Николь и ранил меня, но не хотят брать его сразу?

– Просто так арестовать невозможно, – объяснил Уайатт, выключая свет и залезая под одеяло. – Без веской причины ни один судья в городе не подпишет ордер. Сначала необходимо поговорить с человеком и установить сомнительные пункты. Именно так и ведется расследование – главным образом с помощью разговоров.

– А этот тип тем временем будет разгуливать на свободе и подстреливать ни в чем не виноватых финтифлюшек. Как-то не стыкуется.

Уайатт тихонько рассмеялся, взъерошил мне волосы и прижал к себе.

Я ткнула его в бок.

– Только представь, – голос мой должен был звучать мечтательно, – завтра вечером, примерно в это же время, я могла бы оказаться в своей собственной постели.

– Но не окажешься.

– Почему?

Уайатт снова засмеялся:

– Да потому, что финтифлюшка пока еще не в состоянии самостоятельно натянуть трусы...

Глава 17

На следующее утро рука двигалась гораздо свободнее, хотя и приходилось соблюдать осторожность. Когда я проснулась, Уайатта рядом уже не было, он оказался внизу, в кухне, – готовил завтрак. Я почистила зубы, причесалась и даже частично оделась – просто чтобы показать, на что способна. Мои скромные наряды висели в шкафу рядом с костюмами хозяина. От столь трогательного зрелища на душе у меня потеплело. Должно быть, вчера вечером Уайатт распаковал мою сумку и повесил вещи, потому что самая точно этого не делала.

Следующим логичным шагом стали поиски белья. Оно нашлось в верхнем ящике комода, аккуратно разобранные и сложенные, точно так же, как это сделала бы я сама, а вовсе не сваленное в кучу, чего можно было бы ожидать от мужчины. В характере хозяина дома для меня открылась новая грань.

Я заглянула в другие ящики, чтобы посмотреть, как ведут себя собственные вещи Уайатта, и обнаружила, что их владелец очень аккуратен. Футболки лежали в одной стопке, старательно сложенные трусы – в другой. Даже носки были разобраны по парам, оставалось только построить их в шеренгу. Ничем особенным белье не отличалось – самые обычные вещи, такие же, как у всех парней. Это мне понравилось,

поскольку взаимоотношения двух тщеславных людей обречены на провал. Хотя бы один должен быть нормальным.

Да, признаюсь, я достаточно тщеславна. Правда, сейчас уже не до такой степени, как в юности, ведь с возрастом начинаешь чувствовать себя более уверенно. Странно, правда? В шестнадцать лет, когда и тело, и лицо вступили в пору самого яркого цветения, я проводила у зеркала по нескольку часов, сооружая сложные прически, колдуя с косметикой, примеряя наряд за нарядом. И все это только из-за того, что не была уверена в собственной неотразимости. Сейчас, в тридцать, я чувствую себя куда более комфортно, хотя знаю, что выгляжу совсем не так шикарно, как в шестнадцать. И кожа уже требует немалых усилий, и постоянно приходится следить за весом. Конечно, перед серьезным свиданием или ответственным событием я и сейчас могу немало выжать из волос и косметики, хотя, как правило, особенно не напрягаюсь.

Впрочем, одежду я любила и люблю настолько, что вполне способна перемерить все, что имеется в наличии, в надежде найти единственно верное сочетание. А иногда подолгу решаю, какого цвета белье лучше надеть. Размышляю, какой именно выдался день: голубой или розовый? А может, красный? Или черный? Или даже белый?

Сегодняшний день оказался одним из сложных. Сначала предстояло решить, что надеть, потому что от костюма зависел и цвет белья. Белые брюки исключают темные трусы, так

ведь? Прислушавшись к внутреннему голосу, я поняла, что сегодня цветной день, и выбрала шорты цвета морской волны в паре с розовым топом. Должна сказать, что предпочитаю топы с широкими бретельками, так как ненавижу, когда из-под них выглядывают бретельки лифчика. По-моему, это просто вульгарно.

Как бы там ни было, а розовый топ запрещал надевать вниз что-то темное, диктуя исключительно пастельные тона. Разумеется, напрашивался розовый, хотя выбор и казался слишком очевидным.

Дверь в ванную приоткрылась, и появилась голова Уайатта.

– Что ты копаешься? Завтрак уже готов.

– Никакие могу решить, какого цвета белье сегодня надеть.

– О Господи! – тяжело вздохнул он и исчез. Желтый! Точно! Возможно, вы скажете, что желтый не слишком гармонирует с розовым. Но мои трусы и лифчик были не просто желтыми, а изысканного бледно-желтого цвета. А это уже совсем другое дело. Конечно, никто, кроме Уайатта, не увидит такого прелестного сочетания (а ему придется увидеть хотя бы уже потому, что я до сих пор не могла самостоятельно застегнуть лифчик). Но зато я чувствовала себя тем самым лакомым фунтиком мороженого, о котором он говорил вчера. Может быть, у него опять появится желание лизнуть.

Еда манила, поэтому я кое-как одной рукой натянула тру-

сы и шорты, а сверху накинула одну из рубашек Уайатта – на то время, пока он не поможет с предметами, требующими более сложных манипуляций. Быстро сунула ноги в босоножки с блестками цвета морской волны и спустилась в кухню.

Уайатт встретил мое появление с неподдельным интересом.

– Неужели для того, чтобы выбрать босоножки и одну из моих рубашек, требуется полчаса?

– Но на мне ведь еще и шорты. – Я подняла подол рубашки и продемонстрировала короткие штанишки. – А во всем остальном требуется твоя помощь.

Я уселась за стол, и Уайатт поставил передо мной тарелку с яичницей, колбасой и парой пшеничных тостов. Венчали пир стакан апельсинового сока и чашка крепкого черного кофе.

– К хорошему быстро привыкаешь.

– А ты вообще-то когда-нибудь готовишь?

– Конечно. Не думай, что за мной часто ухаживают. Правда, обычно я завтракаю на бегу, так как клуб открывается очень рано.

– Так ты сама его и открываешь, и закрываешь? – Уайатт со своей тарелкой сел напротив. – Не самый короткий рабочий день.

– С шести утра до девяти вечера. Но так бывает не каждый день. Мы чередуемся с Линн. Если мне надо задержаться до-

поздна, открывает она, и наоборот. Однако по понедельникам мне выпадает и то и другое, чтобы у Линн получилось два выходных подряд. Все сотрудники имеют по два выходных, но по сдвинутому графику. Поэтому, например, класс йоги работает не каждый день.

– А почему именно понедельник? Почему не суббота, если Линн так хочется иметь нормальный уик-энд?

– Потому что суббота у нас самый загруженный день, а понедельник – самый тихий. Не знаю, с чем это связано, но у салонов красоты такой же режим. Почти все они в понедельник закрыты.

Казалось, Уайатта не слишком заинтересовала эта своеобразная информация. А ведь полицейский должен был бы хорошо понимать ценность подобных знаний. Что, если когда-нибудь придется арестовывать парикмахера? Можно сэкономить время и понапрасну не ездить в салон в понедельник.

– Впрочем, – сменила я тему, – не понимаю, зачем я вообще сегодня одевалась, если ты собираешься посадить меня на цепь в ванной? Надеюсь, ты обдумал все детали, потому что наряду с очевидными плюсами пребывания там существуют и некоторые минусы. Например, как мне удастся поесть?

– Сделаю несколько сэндвичей и оставлю возле тебя на гауптвахте. – В зеленых глазах сверкнули смешинки, однако Уайатт тут же стал серьезным. – План, конечно, был просто

замечательным, но боюсь, придется от него отказаться.

– И что же тогда, снова к твоей маме?

– Именно. Я ей уже позвонил.

– И, надеюсь, извинился за плохое поведение.

– Да, извинился, – хмуро признался Уайатт. – Больше того, готов записать извинения на диск и подарить тебе, чтобы ты могла слушать их, когда сочтешь нужным.

Я подумала, что в таком случае исчезнет сам смысл извинения, и тут же изложила свою точку зрения Уайатту.

На сей раз я приняла участие в уборке кухни.левой рукой старалась двигать очень осторожно, но пора уже было давать ей нагрузку и понемногу разрабатывать. Потом мы поднялись наверх, чтобы собраться, и внезапно снова возникла удивительно уютная, интимная атмосфера, словно так проходило каждое утро нашей жизни. Уайатту очень понравился желтый лифчик, и он потребовал спустить шорты, чтобы увидеть точно такие же желтые трусики. Во всяком случае, так он сказал. Но рука его тут же оказалась в трусиках и выдала подлинные намерения злодея. Поистине, этот человек ненасытен!

Я успела крикнуть «нет», и он тут же убрал руку, правда, не забыв при этом подмигнуть, ущипнуть, погладить и даже засунуть палец внутрь, отчего я чуть было не взяла свое «нет» обратно.

Черт возьми! Сердце отчаянно застучало, и я почувствовала, как краснею. Теперь весь день, да еще в присутствии

миссис Бладсуорт, придется бороться с вожделением.

Я решила отомстить. Нагнулась и нежно провела губами по молнии на брюках. Уайатт вздрогнул и запустил пятерню мне в волосы.

– Только подумай, – промурлыкала я, – что было бы, если бы на моем пути не стояли эти отвратительные штаны...

Рука напряглась, и Уайатт снова вздрогнул. В тот же момент я быстро выпрямилась и закончила фразу:

– ...но они здесь, и тебе нужно отправляться на работу.

– Это подло, – прохрипел он, пытаясь взять себя в руки.

– Мы квиты. Не одной же мне весь день страдать от сексуальной озабоченности.

– Зато вечером скучать не придется, – нашелся Уайатт.

– На твоём месте я не была бы так уверена, – возразила я.

– Мне уже удастся вовремя наложить вето.

– В таком случае буду просто быстрее добираться до шеи.

Я провела в доме миссис Бладсуорт еще один спокойный и приятный день. Позвонила Линн. Она поведала мне последние новости с компьютерного фронта и сообщила, сколько народу пришло в клуб в первый день его работы. Результат порадовал, поскольку я опасалась, что пара недель уйдет на раскачку. Выяснилось, однако, что зал весовых тренажеров полон, тренажеры сердечной деятельности тоже заняты и что многие клиенты интересуются моим здоровьем и передают приветы. Реакция на убийство Николь оказалась довольно разнообразной, начиная с признания «никогда ее не люби-

ла, но такого она не заслужила» и заканчивая утверждением «ничего удивительного».

Потом я позвонила маме и ввела ее в курс последних событий. Имени Дуэйна Бейли не называла – на тот случай, если он ни в чем не виноват. Поделилась нашими компьютерными бедами, а она рассказала мне о своих проблемах. Мама занимается недвижимостью и хранит всю документацию в электронном виде дома, где у нее оборудован небольшой офис. Неожиданно вся электроника дружно взбунтовалась. Меньше чем за неделю сдох принтер, сломался ксерокс, а компьютер дважды зависал, причем довольно серьезно. Поскольку мама как раз готовила квартальный отчет для налогового ведомства, можно представить степень ее переживания. А здесь еще я со своим ранением.

Я испустила в трубку целую вереницу сочувственных возгласов и пообещала держать маму в курсе своих дел и здоровья. Она спросила об Уайатте, что вовсе не показалось мне странным, так как этот человек увез к себе домой ее родную дочь. Маме он очень нравился, она считала его весьма сексапильным. Я вспомнила, как он выглядит обнаженным, и согласилась с ней.

Следующие несколько часов прошли прекрасно. Хозяйка занялась работой в саду, а я на всякий случай воздержалась. Сомнительно, конечно, чтобы убийца Николь проезжал мимо дома миссис Бладсуорт и заметил, как я копаюсь на клумбе, но до тех пор, пока Уайатт не объявит, что опасность ми-

новала, лучше не рисковать. Боль в руке недвусмысленно напоминала о нешуточной угрозе.

Я немного почитала. Посмотрела телевизор. Взглянула на часы. Уайатту не позвонила, хотя очень хотелось. Если бы уже появились новости, он непременно позвонил бы сам, так что незачем зря беспокоить и без того занятого человека.

Чтобы немножко оживить мышцы, я занялась легкими упражнениями йоги. В это время в комнату вошла Роберта и решила присоединиться ко мне. Переодевшись в более свободный костюм и взяв тренировочный коврик, она тоже уселась на пол. Я показала несколько основных позиций, и мы принялись заниматься – разминаясь, растягивая мышцы и коротая время до ленча.

Около двух позвонил Уайатт.

– Утром Макиннис и Форестер разговаривали с Бейли в присутствии его жены. Женщина явно подозревала измену, и разыгралась нешуточная семейная сцена. В итоге Бейли не выдержал и признался. Его версия заключалась в том, что мисс Гудвин вымогала у него деньги, угрожая рассказать обо всем жене, поэтому он ее и застрелил. Его арестовали.

От облегчения я даже ощутила слабость и откинулась на спинку дивана.

– Слава Богу! Терпеть не могу скрываться! Значит, уже можно ехать домой? И возвращаться в «Фанаты тела»? Все закончилось?

– Похоже, что так.

– Значит, это он открыл мои ворота.

– Этот факт он отрицает. Отрицает и то, что стрелял в тебя, и это вполне разумно. Хороший адвокат сможет выторговать вторую степень за убийство мисс Гудвин, а охота на тебя автоматически ухудшит его положение.

– Но ведь вы можете это доказать, правда? Баллистическая экспертиза и все такое прочее.

– К сожалению, не можем. Стреляли из разного оружия. Мы нашли тот пистолет, из которого была убита мисс Гудвин, но в тебя стреляли из оружия другого калибра. Это означает, что второй пистолет он спрятал, а без него мы ничего не сможем доказать.

Подобное положение меня вовсе не радовало, поскольку хотелось официального завершения дела с вынесением заслуженного приговора преступнику.

– Его выпустят под залог?

– Возможно. Но ведь теперь, когда процесс уже открыт, свидетельницу ему убивать незачем.

Так-то оно так, но то, что преступник будет разгуливать на свободе, меня совсем не устраивало. Он вполне мог сорваться и решить, что необходимо довести дело до логического конца.

– Если тебя это успокоит, – добавил Уайатт, – то этот человек вовсе не маньяк-убийца. Просто сначала он очень боялся, что жена обнаружит измену, а потом еще больше испугался обвинения в убийстве. Теперь все эти страхи вскры-

лись, так что бояться ему больше нечего. Он готов сотрудничать с нами.

Ну что ж, это можно понять. Обычно пугает то, что еще не свершилось. А когда уже свершилось, то бояться поздно; надо просто справляться с ситуацией.

– Можно рассказать родителям?

– Конечно. Ведь все равно сегодня вечером история появится в телевизионных программах, а завтра в газетах.

– Отличная новость, – заметила миссис Бладсуорт, когда я рассказала о Дуэйнне Бейли. – Правда, жаль терять твое общество. А я все-таки решила вернуться в клуб. Оказывается, я скучала без него, хотя и не понимала, как сильно.

Я позвонила маме и сообщила обо всем, что совсем недавно узнала. Еще позвонила Шоне, а потом Линн. Предупредила, что завтра выхожу на работу, но попросила ее прийти рано утром. Дело в том, что, пока рука не придет в норму, о поспешных сборах лучше и не думать.

Я решила, что попрошу Уайатта отвезти меня к маме. Вполне логично. Она пару дней за мной поухаживает – до тех пор, пока я не смогу одеваться самостоятельно. А потом жизнь войдет в обычное русло.

В обычное русло уже очень хотелось. Почти целую неделю все шло кувыркком, отчаянно не хватало стабильности и порядка. У меня неожиданно появился любовник, хотя я и пыталась держать его в узде. Это обстоятельство осложняло ситуацию. Однако теперь, когда угроза миновала, мы вполне

могли вернуться к прежней, нормальной, жизни и выяснить, возникло ли между нами нечто значительное или все происходящее просто химия, которая со временем испарится.

Перспектива казалась оптимистичной, и я не могла дождаться возвращения к рутине обыденной, размеренной жизни.

Глава 18

Наконец-то я почувствовала себя вылетевшей на свободу птицей. Несмотря на то что заточение продолжалось менее двух суток, оно показалось мне страшно долгим. Я все еще не могла полностью себя обслуживать, но уже постепенно начинала владеть рукой. Однако главное, конечно, – это вновь обретенная возможность свободно перемещаться в пространстве. Идти туда, куда хочется. Не сидеть весь день в четырех стенах. Не пробираться, оглядываясь, через крыльцо кухни.

– Свободна, свободна, свободна! – Этой светлой песней и радостным танцем я встретила машину Уайатта, когда он за мной приехал. Сегодня это произошло позже, чем накануне. Солнце уже почти село, а это означало, что скоро девять.

– Свободна, но не совсем, – заметил Уайатт, застегивая на мне ремень безопасности.

– Что значит «не совсем»? – закричала я. Закричала потому, что в этот момент он обходил машину и иначе просто не услышал бы.

– Это значит, что, на мой взгляд, ты еще недостаточно окрепла, – ответил Бладсуорт, садясь за руль. – Не сможешь одеться, не сможешь вымыть голову и даже не сможешь вести машину двумя руками.

– Но ты же не водишь двумя руками, – тут же нашлась я.

– Мне незачем это делать, так как я лейтенант полиции. А ты обязана.

Я слегка надулась, но решила не поддаваться на провокацию.

– Так. Но ведь единственной уважительной причиной не ехать к маме было твое предположение, будто бы Дуэйн Бейли может искать меня именно там, а тогда в опасности окажусь не только я сама, но и родители. Однако теперь Дуэйн Бейли арестован, и ему больше незачем меня искать. А значит, я могу ехать к маме.

– Не сегодня, – отрезал Уайатт.

– Хотелось бы узнать почему.

– Потому, что я тебя туда не повезу.

– Ты сегодня занят? Так она сможет сама за мной приехать.

– Не пытайся казаться глупее, чем ты есть. Номер не пройдет. Я повезу тебя туда, где ты мне нужна, и никуда больше.

Терпение мое иссякло.

– Я не собираюсь выступать в роли секс-игрушки, с которой ты можешь развлекаться, как только ощутишь некую потребность. У меня есть собственная жизнь, и я должна к ней вернуться как можно скорее. Завтра с утра мне необходимо быть на работе.

– Пожалуйста, отправляйся завтра с утра на работу. Но отвезу тебя туда я, а не мама.

– Это же бессмысленно. А если что-нибудь произойдет и

тебе срочно потребуется выехать на работу? Как я понимаю, тебя могут вызвать в любой момент, так ведь?

– Не исключено. Но на практике на место преступления вызывают не слишком часто. И для этого у меня в штате существуют детективы.

– Но я и сама смогу доехать до работы. Коробка передач автоматическая, а пристегнуться можно и одной рукой. Кроме того, за рулем я не первый день, так что не начинай снова эту песню насчет вождения одной рукой.

Моя решимость вырваться на свободу несколько не уступала решимости лейтенанта эту свободу мне не предоставлять. Бладсуорт почему-то считал, что имеет полное право контролировать каждый мой шаг. Следовало пресечь роковое заблуждение в зародыше.

Какое-то время Уайатт ехал молча, а потом поинтересовался неожиданно тихим, спокойным голосом:

– Неужели тебе не хочется остаться со мной?

От удивления я раскрыла рот и, не успев обдумать ответ, выпалила:

– Конечно, хочется. – Однако тут же пошла в наступление: – Как ты можешь быть таким коварным? Это же девчачий аргумент, а ты использовал его против меня.

– Не имеет значения. Главное, что ты призналась. – Негодяй самодовольно ухмыльнулся и прищурился: – Кстати, а что такое «девчачий аргумент»?

– Сам знаешь: обращенный к чувствам.

– Черт возьми, если бы я знал раньше, что обращение к чувствам настолько эффективно, то давно бы им воспользовался. – Уайатт сжал мою коленку. – Спасибо за ценный совет.

Он лукаво подмигнул, и я невольно рассмеялась. Потом решительно убрала его руку.

– Понимаю, что обстоятельства сыграли свою роль, но ты не выполнил условия нашего договора. Совсем не ухаживал за мной. И поэтому я хочу вернуться домой.

– По-моему, мы уже обсуждали этот вопрос. Дело в том, что наши понятия об ухаживании не совпадают.

– Мне хочется назначать свидания. Хочется ходить в кино, в хорошие рестораны, на танцы. Надеюсь, ты танцуешь?

– Крайне неохотно.

– О, какая жалость! – Я применила эффективное средство под кодовым названием БГГ – большие грустные глаза. Сильнее БГГ в боевом арсенале женщин действуют только слезы.

Сработало. Уайатт метнул в мою сторону тревожный взгляд и сдался:

– Черт возьми! Ну хорошо, обещаю водить тебя на танцы.

Судя по всему, уступка далась ему непросто.

– Если не хочешь, можешь и не водить.

Это ли не идеальная ситуация для классического женского удара ниже пояса? Если он согласился выводить даму в

свет, то обязан притвориться, что делает это с удовольствием. Один из испытанных и типичных способов женской мести за то, что мужчинам не приходится терпеть ежемесячные неудобства.

– Небольшое условие: после свидания мы будем делать то, что захочу я.

Догадаться, о чем речь, было совсем не трудно. Я изобразила крайнюю степень оскорбленной невинности:

– Неужели за свидание придется платить сексом?

– Меня бы это вполне устроило, – подтвердил Уайатт и снова сжал мою коленку.

– Не бывать такому!

– Прекрасно. Значит, мне не придется таскаться по танцам.

Я тут же мысленно внесла в свой список пункт об отказе от сотрудничества и нежелании идти навстречу партнеру. Ничего удивительного, если через некоторое время перечень распухнет до размеров многотомной энциклопедии.

– Ну как, не изменишь решения? – поддразнил злодей.

– Как раз обдумываю твой послужной список.

– Может быть, все-таки бросишь эту дурацкую затею? Что бы ты сказала, если бы я стал составлять перечень твоих ошибок и недостатков?

– Внимательно прочитала бы и постаралась поработать над устранением проблемных зон, – честно ответила я. Прочитала бы – это точно. А вот с проблемами сложнее, поскольку

ку наши представления о них вполне могут не совпадать.

– Как бы не так! По-моему, все как раз наоборот и проблемные зоны ты активно культивируешь.

– Например? – как можно слаще поинтересовалась я.

– Например, твой никогда не закрывающийся рот.

Я изобразила воздушный поцелуй.

– Насколько помнится, еще сегодня утром, когда я целовалась с молнией на твоих брюках, ты ничего не имел против моего рта.

Реплика оказалась кстати и явно навеяла приятные воспоминания. Уайатт даже слегка вздрогнул.

– Что правда, то правда, – подтвердил он изменившимся голосом. В этот момент Уайатт выглядел очень мило.

Я поняла, что имел в виду Бладсуорт. Признаюсь, и меня весь день посещали смелые желания. Хотелось забыть постоянные препирательства и борьбу за лидерство и хотя бы один-единственный раз просто насладиться любовью, получить удовольствие от чувственных наслаждений и секса. Однако это можно позволить себе лишь тогда, когда зверь станет ручным и домашним, а до этого ни в коем случае нельзя давать ему повод считать себя победителем.

– И моя прическа с фенечками тебе нравится, несмотря на постоянные насмешки.

– Да, действительно нравится. Да и никаких насмешек не было. Мне все в тебе нравится, даже несносное поведение. Ты просто ходячее воплощение мечты и желания.

Я взглянула на него с сомнением, потому что слегка растерялась, не зная, как отнестись к подобному заявлению.

– Это хорошо или плохо? – Воображение рисовало не слишком привлекательный образ.

– По-моему, хорошо. С личной, а не с профессиональной точки зрения. А с профессиональной – отвратительно, потому что никак не удастся сосредоточиться. Единственное, о чем прекрасно думается, так это о том, чтобы тебя раздеть. Наверное, через год-другой после свадьбы станет немного спокойнее, но пока ощущения слишком остры.

– Я не говорила, что собираюсь за тебя замуж, – автоматически возразила я, но в это же самое время сердце отбивало чечетку, а воображение стремилось раздеть его.

– И все же мы оба знаем, что это непременно произойдет. Конечно, предстоит уладить некоторые детали, в частности вопрос о доверии, который так тебя волнует. Но думаю, пары месяцев достаточно, чтобы установить должный контроль, и тогда Рождество совпадет со свадьбой.

– Ни за что не совпадет. Даже если бы я ответила «да», чего, кстати, еще не произошло, известно ли тебе, сколько времени требуется на подготовку свадьбы? К этому Рождеству никак не успеем. Может быть, к следующему... то есть я хочу сказать, что за такой период можно что-то спланировать и организовать, а не то, что мне хочется выйти замуж на следующее Рождество. А если бы мы все-таки и поженились, то это произошло бы не на Рождество, потому что тогда на-

ши годовщины постоянно терялись бы в праздничной суете, а я это ненавижу. Годовщины свадьбы должны иметь особое значение.

Бладсуорт улыбнулся:

– Ты сказала «наши годовщины», а это недвусмысленно подтверждает согласие.

– Только в том случае, если ты плохо знаешь английский язык. Заметь, я сказала «если», а не «когда».

– Оговорка, по Фрейду, говорит сама за себя. Так что все решено.

– Ничего подобного. Без произнесения трех знаменитых слов я не считаю себя связанной никакими обязательствами.

Ответом мне стал глубоко задумчивый взгляд. Казалось, Уайатт внезапно осознал, что до сих пор ни один из нас не произнес сакраментального «я тебя люблю». По-моему, мужчины не придают традиционному признанию такого огромного значения, как женщины. Для них действия важнее слов. Но, не ощущая их важности для себя, они понимают их роль для женщин. И тот факт, что я до сих пор не произнесла трех коротких слов, лишь сейчас проник в сознание Уайатта, заставив его задуматься, так ли блестяще складываются отношения между нами, как ему казалось.

– К этому мы еще придем, – наконец произнес он. Мне понравилось, что Уайатт не произнес с ходу «Я тебя люблю», заставив тем самым сомневаться в его искренности. Что и говорить, отношения между мужчиной и женщиной – дело

чрезвычайно сложное. Очень похоже на шахматную партию равных по силе партнеров. Я понимала, чего хочет мой мужчина: полной уверенности в стабильности отношений. У меня же такой уверенности не было, а без нее я не хотела и не могла дать себе волю. Думаю, Уайатту не скучно было. Самой же мне было хорошо даже тогда, когда мы спорили и ругались. Когда-нибудь шахматная партия наконец закончится, и тогда все встанет на свои места.

Уайатт взял меня за руку. Разумеется, за левую, поскольку он сидел слева от меня, а потому отдернуть ее мне было трудно. Потом он осторожно изменил положение, так что его ладонь оказалась снизу, а наши пальцы переплелись. Сомневаться не приходилось – лейтенант Бладсуорт был превосходным стратегом.

Этот вечер отличался от двух предыдущих. Уайатт занялся стиркой своих и моих вещей, причем сделал это вполне квалифицированно. Потом, несмотря на сгущавшуюся темноту, решил подстричь газон. Газонокосилка оказалась с фарами, а кроме того, рачительный хозяин включил наружный свет. Следовало отдать должное аккуратности этого человека: двор пребывал в образцовом порядке, и трава не успевала вырасти и сделать газон неопрятно лохматым.

В дом Уайатт вернулся около десяти – голый по пояс, грязный, с блестящей от пота грудью. Несмотря на позднее время, на улице все еще было жарко. Работник первым делом подошел к раковине, налил стакан холодной воды и жадно

выпил. Каждый его глоток сопровождался заметным движением кадыка.

Наконец Уайатт поставил стакан и повернулся ко мне:

– Готова принять душ?

Возможно, я совершала тактическую ошибку, но в этот вечер мне совсем не хотелось упрячиться. Не могу сказать, что я вообще когда-нибудь оказывалась для Уайатта труднодоступной. Но, во всяком случае, пыталась ему противостоять. А сегодня почему-то даже не стремилась проявлять характер.

– А волосы сможем вымыть?

– Конечно.

Вовсе не сложно представить, как прошел следующий час. Мы оба оказались мокрыми и скользкими. Возбуждение не заставило себя долго ждать. Я решила, что хотя бы раз в жизни имею полное право не контролировать собственные действия, и со всей искренностью предалась любви. Все началось в душе, потом был взят небольшой, но очень плодотворный тайм-аут, пока Уайатт сушил мне волосы, а затем процесс продолжился в постели.

Наконец Бладсуорт со стоном скатился с меня и лег на спину, прикрыв рукой глаза и едва переводя дух. Я дышала часто и неровно, почти утонув в удовольствии и изнеможении. Почти. Мне все-таки хватило энергии на то, чтобы оказаться сверху и сладко вытянуться, покрывая поцелуями его лоб, губы, шею и иные доступные места.

– Сдаюсь, – с трудом пробормотал Уайатт.

– Сдаешься, еще даже не зная, чего я хочу?

– Это не имеет значения. Я уже ни на что не способен.

Почти умер.

Рука скользнула на мою голую попу, разок шлепнула и бессильно упала на постель.

– Это посткоитальный синдром. А я хочу объятий.

– Ну, на объятие я, возможно, еще гожусь. – Усталые губы раскрылись в слабой улыбке.

– Ты просто лежи, я все сделаю сама.

– И почему только ты не сказала это десять минут назад?

– Считаешь меня законченной дурочкой? – Я уютно устроилась на широком плече и удовлетворенно вздохнула.

– Совсе нет. Я ведь уже говорил, что больше всего ты похожа на фунтик ванильного мороженого.

Да, действительно говорил. От одного лишь воспоминания меня бросило в жар. Если бы я в тот момент стояла, то ноги наверняка бы подкосились.

Я улыбнулась, потому что представила себе следующий раунд. Только состоится он не сейчас, а через некоторое время. А пока, сладко зевнув, я уснула, так и не завершив объятия.

Утром, во время завтрака, позвонила мама. Впрочем, я даже не поняла, что это она. Уайатт поднял трубку и дважды произнес:

– Да, мэм. – Потом сказал: – Семь. – Потом повторил еще

раз: – Да, мэм, – и повесил трубку.

– Твоя мама? – поинтересовалась я, когда он снова сел за стол.

– Нет, твоя.

– Моя мама? Зачем она звонила? И почему ты не передал мне трубку?

– Она не просила. Просто пригласила нас на ужин – сегодня в семь. Я сказал, что приедем.

– Приедем? А если тебе придется работать допоздна?

– Цитирую тебя: считаешь меня полным идиотом? Я-то явлюсь вовремя. Но и ты тоже, даже если мне придется силой вытаскивать тебя из фитнес-клуба. Так что лучше заранее договорись с Линн, чтобы она осталась до вечера.

Я закатила глаза.

– Что такое? – Уайатт на секунду перестал жевать.

– Прежде чем раздавать приказы, лейтенант, вы бы лучше поинтересовались, о чем именно я уже успела договориться.

– Так о чем же именно ты уже успела договориться?

Что за ехидное создание!

– Линн открыла клуб рано утром. Потом, после моего приезда, она отправится домой, и днем буду работать я. Она вернется в пять и останется до закрытия. Получится три часа с утра и четыре вечером. И так будет до тех пор, пока рука не окрепнет, потому что и утром, и вечером есть дела, которые трудно сделать только одной рукой. Так что твой приказ несколько запоздал.

– Умница. – Бладсуорт лукаво подмигнул.

Было вполне понятно, почему мама нас пригласила. Во-первых, чтобы понянчить раненую дочку, а во-вторых, чтобы испытать Уайатта. Она, должно быть, умирала от любопытства, а тут пришлось ждать, пока лейтенант выпустит меня из подполья. Мама, конечно, способна проявить выдержку, но лишь до определенной черты. А за этой чертой начинается цунами.

Грядущий день наполнял меня приятным нетерпением. Наконец-то я встречу со своей любимой машиной, а после работы вернусь в собственный любимый дом. Я собрала вещи. Уайатт не возражал, хотя и довольным не выглядел. Утром мне удалось одеться самостоятельно и даже пусть и с большим трудом, но все-таки справиться с лифчиком. Рука все еще не годилась, чтобы решить задачу с застежкой обычным образом, но я придумала другой способ: перевернула лифчик так, что крючки оказались спереди, застегнула их, а потом совершила круговое действие в обратном направлении и надела бретельки на плечи. Метод, конечно, не столь сексуален, как альтернативный, но, во всяком случае, вполне себя оправдывает.

– Не слишком усердствуй в первый день, – наставлял Уайатт по дороге к моему дому, где предстояло сменить машину. – Может быть, остановимся возле аптеки и купим перевязь, чтобы она напоминала тебе об осторожности?

– И так не забуду, – заверила я. – Уж поверь. Действитель-

но, любое неосторожное движение сразу отдавалось в защитной мышце.

Некоторое время Уайатт молчал, а затем сказал:

– Не хочу тебя отпускать.

– Но ты же знал, что в твоём доме я лишь временно.

– А почему бы тебе не переехать ко мне на постоянное место жительства?

– Ещё чего, – решительно возразила я. – Не слишком удачная идея.

– Почему же?

– Да потому.

– Исчерпывающий ответ! Так все-таки почему?

– По нескольким причинам. Во-первых, слишком поспешно. Думаю, нам следует взять тайм-аут и немного отдышаться.

– Дразнишь? После пяти последних дней ты называешь переезд ко мне поспешным?

– А ты вспомни эти дни. С вечера четверга не было никакой единой нормальной, спокойной минуты. Бесконечная чрезвычайная ситуация. И вот она наконец закончилась. Возвращается обычная, повседневная жизнь, и теперь нам необходимо выяснить, как она сложится.

Бладсуорту моя теория явно не понравилась. Не вызывала восторга она и у меня самой, но я твердо знала, что окончательный переезд к нему оказался бы серьезной ошибкой. Поэтому, женщина вообще не должна жить вместе с мужчиной

до свадьбы. Думаю, в природе существуют настоящие парни, которые не пользуются ситуацией и не превращают подругу в бесплатную прислугу и повариху, но отгадайте, чем обычно заканчиваются подобные опыты. Спасибо, сэр, это не для меня.

Меня воспитала женщина, твердо знающая себе цену, и все ее дочери верят, что мужчины должны добиваться расположения и согласия упорным трудом. Человек устроен таким образом, что больше всего ценит те блага – будь то машина или жена, – которые достаются не слишком легко. Поэтому, Уайатт еще и в малой степени не отработал нанесенного мне два года назад ущерба. Действительно, я пока все еще не простила оскорбления. Лишь чуть-чуть, понемногу, начала оттаивать, но вовсе не до такой степени, чтобы перебраться к нему, даже если бы не считала такой шаг вообще неприемлемым для женщины.

Наконец мы приехали ко мне домой, и там, на своем законном месте под портиком, стоял мой дорогой белый «мерседес» с откидным верхом. Уайатт остановился рядом с ним и взял с заднего сиденья обе сумки. Он все еще хмурился, однако не спорил. По крайней мере в ту минуту не спорил. Я прекрасно понимала, что это вовсе не окончательное разрешение ситуации, что оппонент просто отступил по моей просьбе. Возможно, планировал очередной подлый выпад.

Отперев боковую дверь, я вошла в коридор. Резкий писк сигнализации сразу подсказал, что Шона не забыла ее вклю-

читать перед тем, как уехала с моими вещами. Я поспешно отключила добросовестного сторожа и торжественно остановилась посреди кухни, окруженная собственной Великолепной Атмосферой, которой все это время так мне не хватало. Атмосфера играет в жизни женщины бесконечно важную роль.

Я объяснила Уайатту, какая именно из спален второго этажа моя – на тот случай, если бы, заглянув в дверь, он не смог определить это сразу. Уайатт и прежде бывал у меня, но еще ни разу не поднимался наверх. Когда-то, два года назад, сцена страсти разыгралась внизу, на диване. После этого я даже сменила обивку: не из-за пятен или чего-то подобного, поскольку сцена страсти не зашла настолько далеко, а просто потому, что таким способом хотела вычеркнуть обидчика из своей жизни. Больше того, обставила комнату новой мебелью и перекрасила стены. Сейчас уже ничто в моей гостиной не напоминало о том времени, когда здесь впервые появился лейтенант Уайатт Бладсуорт.

На автоответчике мигала лампочка. Оказывается, в мое отсутствие поступило двадцать семь звонков – не так уж и много, если учесть, сколько времени меня не было дома и какой острый интерес репортеры проявляли к моей скромной персоне сразу после рокового события. Нажав кнопку, я начала прослушивать первые фразы сообщений и удалять их, если выяснялось, что они от репортерской братии. Была и парочка личных звонков – от сотрудников, интересовав-

шихся, когда же все-таки снова откроется клуб. Но в пятницу после обеда Шона всех обзвонила, так что этот вопрос уже не возникал.

И вдруг раздался знакомый голос. Я не поверила собственным ушам.

– Блэр... это Джейсон. Возьми трубку, если ты дома. – Пауза, а потом он заговорил снова: – Утром в «Новостях» сообщили, что тебя ранили. Милая, это просто ужасно, хотя репортер сказал, что тебе оказали помощь и отпустили, так что скорее всего дела обстоят не так уж плохо. Но я все равно страшно волнуюсь и очень хочу узнать, как твое здоровье. Обязательно позвони.

– «Милая»? – угрожающим тоном повторил за спиной Бладсуорт.

– «Милая»? – эхом отозвалась я, однако мой тон оказался скорее растерянным и озадаченным.

– По-моему, ты говорила, что после развода ни разу не встречалась с бывшим мужем.

– Так оно и есть. – Я повернулась и недоуменно взглянула на Уайатта. – Если, конечно, не считать встречи с ним и его женой в универсаме. Но ведь мы даже не разговаривали, так что та встреча не в счет.

– Но почему же он назвал тебя милой? Может быть, хочет возобновить отношения?

– Понятия не имею. Я слышала только то, что и ты. А «милая»... так он называл меня, когда мы были женаты. Вполне

возможно, слово вырвалось бессознательно.

Уайатт недоверчиво покачал головой:

– Нуда, конечно, через пять лет...

– Но я действительно не понимаю. Джейсон прекрасно знает, что я никогда и ни за что к нему не вернусь. Чем же объяснить этот звонок? Впрочем, он вполне мог поступить так из политических соображений. «Кандидат сохранил дружеские отношения с бывшей женой и позвонил ей после инцидента, во время которого ее ранили». Или что-нибудь в этом роде. Думать об имидже – вполне в духе Джейсона.

Я нажала кнопку с надписью «удалить» и стерла противный голос.

Бладсуорт крепко взял меня за плечи и повернул к себе.

– Не смей звонить этому подонку.

Зеленые глаза прищурились, а лицо приобрело то непреклонное выражение, которое свойственно мужчине, охраняющему собственную территорию.

– Я и не собираюсь.

Сейчас требовались мягкость и обходительность. Первым делом надо было снять тревогу. Ведь я же прекрасно представляла, что почувствую, если вдруг позвонит бывшая жена Уайатта и оставит сообщение в подобном тоне. Поэтому я обняла его и прижалась к широкой груди.

– Меня не интересует ни то, что он говорит, ни то, что чувствует. Когда он умрет, я не пойду на похороны и даже не пошлю цветы. Подонок.

Уайатт потерялся подбородком о мой висок.

– Аесли вдруг он позвонит снова, тогда я ему перезвоню.

– Правильно, – согласилась я. – Подонок.

Уайатт засмеялся:

– Все в порядке, расслабься, и оставим подонкав покое.

Идея понятна. – Он поцеловал меня и нежно похлопал по попе.

– Отлично, – обрадовалась я. – Теперь можем ехать на работу?

Мы вышли и сели каждый в свою машину, причем я даже не забыла снова включить в доме сигнализацию. Уайатт вывернул с короткой дорожки перед парадным входом и выехал на улицу, далеко подав задним ходом, чтобы оставить мне достаточно места для маневра. Я спросила себя, уж не собирается ли он ехать за мной до самого клуба, чтобы удостовериться в отсутствии в обозримом пространстве моего мечтающего о встрече бывшего мужа.

Я тоже выехала на улицу и переключила автоматическую передачу. Мотор ласково заурчал, пора выжать педаль газа. Уайатт пристроился следом.

Через сотню ярдов на нашей улице стоял знак «Стоп», призывающий к вниманию при пересечении с широкой, в четыре полосы, оживленной улицей. Я нажала на тормоз, но педаль тут же безвольно провалилась до самого пола. Машина проскочила мимо предупреждающего знака и оказалась в самом центре бурного потока.

Глава 19

Говорят, в подобных случаях перед глазами проходит вся жизнь. Однако со мной ничего подобного не произошло. Времени на углубленное самосозерцание не осталось: я была слишком занята борьбой с рулем и, конечно, проклятиями.

Несколько драгоценных секунд ушли впустую, на отчаянное топтание педали тормоза – а вдруг все-таки каким-то чудом сработает? Нет, чуда не произошло. Уже возле знака «Стоп», потеряв всякую надежду, я со всей силы стукнула по педали экстренного торможения, и машина завертелась, войдя в штопор. Вот так, крутясь, словно безумная, под визг шин, окутанная дымом, я и вылетела на перекресток. Ремень безопасности натянулся до предела. Я пыталась обуздать вращение, но в этот самый момент несущаяся сбоку машина, гоже под визг тормозов, врезалась в задний правый бампер и лишь увеличила скорость вращения. Я внезапно почувствовала себя на бешеной карусели. На какую-то долю секунды оказавшись лицом к встречному потоку, мельком увидела летящий прямо на меня красный пикап и тут же ощутила резкий удар – «мерседес» стукнулся о бетонный бортик средней полосы, отскочил от него и, все еще продолжая крутиться, вылетел на две встречные полосы. Я в ужасе взглянула направо, через пассажирское окно, и увидела застывшее женское лицо. В последнее мгновение перед ударом

мне показалось, будто время замерло. Черная волна страха захлестнула с головой, и мир померк.

Темнота длилась всего лишь несколько секунд. Я открыла глаза и заморгала, с удивлением обнаружив, что до сих пор жива. Однако пошевелиться оказалось невозможно. Да если бы даже я и могла это сделать, то так сразу не решилась бы проверить ущерб, понесенный собственным телом. Стояла полная тишина; казалось, в мире не существует никого и ничего, кроме меня. Глаза заволокло туманом, лицо онемело и в то же время ощущало боль.

– Ой! – громко произнесла я в странную, давящую тишину, и возглас вернул меня к жизни и реальности.

Хорошая новость заключалась в том, что сработала подушка безопасности. Но была и плохая новость: произошло это из-за насущной необходимости. Я посмотрела вокруг и едва не застонала. Мой прекрасный белый «мерседес» напоминал кучу искореженного металла. Я осталась в живых, но машина безвозвратно погибла.

О Господи, Уайатт! Он ехал следом за мной и все видел. Теперь он наверняка считает меня мертвой. Правой рукой я нащупала ремень безопасности и расстегнула пряжку. Попыталась открыть дверцу. Она не поддавалась, а нажать сильнее не позволяла больная рука – ведь дверца была именно с этой стороны. К счастью, ветровое стекло от удара разбилось. Я осторожно вылезла, вернее, вывернулась из-за руля и, проявив чудеса гибкости и ловкости, чтобы не порезаться

об осколки, просочилась в пролом и выбралась на складную крышу. В этот момент подбежал Уайатт.

– Блэр, – позвал он, протянув ко мне руки, но так и замер, словно опасаясь прикоснуться. Лицо его было мертвенно-бледным. – Как ты? Ничего не сломано?

– Кажется, нет. – Дрожащий голос больше походил на скрип. Из носа текло. Смущенно проведя по лицу рукой, я обнаружила на ней кровавый след, а красный дождь из носа продолжался. – Ой, кровь. Опять.

– Вижу.

Уайатт осторожно, бережно, словно хрустальную вазу, снял меня с крыши и понес на газон разделительной полосы. При этом ему пришлось пробираться сквозь лабиринт стоящих машин. Движение в обоих направлениях полностью замерло. От смятой крыши стукнувшей меня машины поднимался пар, и окружающие помогали сидящей в ней женщине. На соседней полосе в самых невероятных положениях застыли еще несколько машин, но там ущерб ограничился лишь рамками мелкой дорожной аварии.

Уайатт опустил меня на траву и сунул в руку носовой платок.

– Подождешь, пока я посмотрю, как дела у второй пострадавшей?

Я кивнула в знак согласия и махнула рукой, показывая, что готова остаться без опеки.

– Уверена? – уточнил он, и я снова кивнула.

Уайатт быстро коснулся моей руки и ушел, на ходу разговаривая по телефону, а я лежала на спине, прижимая к носу платок, чтобы остановить кровь. В памяти остался сильный удар по лицу; должно быть, он произошел в тот момент, когда развернулась воздушная подушка. Ну что ж, жизнь стоит крови из носа.

Подошел мужчина в костюме и присел на корточки, пытаясь загородить мое лицо от солнца.

– С вами все в порядке? – участливо поинтересовался он.

– Наверное, да, – с зажатым носом гнусаво ответила я. так что получилось не «наверное», а «давердое».

– Лежите спокойно и не пытайтесь встать, ведь вполне; возможно, что травма серьезнее, чем кажется, и вы еще просто этого не чувствуете. Нос сломан?

– Давердое, нет.

Было больно. Но болело все лицо и нос не больше, чем все остальное, так что я решила, что он лишь разбит.

Со всех сторон стекались добрые самаритяне и предлагали самую разнообразную помощь. Протягивали бутылки с водой и детские гигиенические салфетки; нашлось даже несколько спиртовых примочек из чьей-то аптечки, чтобы протереть ссадины, стереть кровь и увидеть, насколько серьезны раны. Включая меня, на месте происшествия оказалось семь легко раненных с порезами и ссадинами, но женщина за рулем протаранившей меня машины пострадала настолько серьезно, что ее даже боялись вытащить из искоре-

женной горы металла. Было слышно, как разговаривает Уай-атт – голос звучал спокойно и уверенно, но слова казались какими-то стертыми.

Наконец мой организм начал реагировать на случившееся, и появилась неуправляемая дрожь. Я медленно села и оглянулась на царивший вокруг хаос, на сидящих здесь же, на разделительной полосе, окровавленных людей. Вдруг очень захотелось плакать. Неужели во всем виновата я? Конечно, произошел несчастный случай, и все-таки... все-таки причиной его оказалась именно я. Мой белый «мерседес». Внезапно на меня обрушилось чувство вины. Я всегда тщательно следила за машиной, но, может быть, пропустила какой-то важный момент? Не обратила внимания на сигнал бедствия, который заранее подавали тормоза?

Вдалеке послышался вой сирен. Прошло всего лишь несколько минут, но время ползло так медленно, что казалось, будто на траве я лежу не меньше получаса. Закрыв глаза, я начала молиться о здоровье и благополучии тяжелораненой. Кружилась голова, двигаться не хотелось, и поэтому я просто легла на спину и уставилась в голубое небо.

Неожиданно возникло странное чувство дежавю. Вспомнилось, что совсем недавно, под вечер воскресенья, я тоже лежала, глядя в небо, но только не на душистой зеленой траве, а на асфальте автостоянки. Точно так же визжали сирены, и точно так же вокруг собирались полицейские. Может быть, на самом деле прошло больше времени, чем мне казалось?

Когда здесь успели появиться полицейские?

Возле меня на колени опустился какой-то человек в медицинской униформе. Я его не знала. Хотелось снова увидеть шоколадную красавицу Кейшу, которая угощала меня печеньем.

– Посмотрим, как здесь обстоят дела, – произнес человек и потянулся к левой руке; он явно решил, что повязка наложена на свежую рану.

– Со мной все в порядке, – успокоила я. – Это швы от небольшой операции.

– А откуда столько крови? – Медик измерил пульс, затем посветил в глаза крошечным фонариком.

– Из носа. Меня стукнула по носу подушка безопасности.

– Если представить, что могло бы произойти, то благослови Господь подушки безопасности. А ремень был пристегнут?

Я кивнула, и медик проверил, не осталось ли ран от натянутого ремня. Потом смерил давление, закрепив манжету на правом предплечье. Как ни странно, давление оказалось в норме. Убедившись, что серьезных повреждений я не получила, он перешел к следующему пострадавшему.

Над тяжело раненной женщиной колдовала целая группа доброжелателей, пытаясь привести ее в чувство, а ко мне подошел Уайатт.

– Что случилось? – тихо спросил он. – Я ехал следом за тобой, и все было нормально. И вдруг твоя машина начала

крутиться.

Мне показалось, что он до сих пор бледен и мрачен, но в глаза светило солнце, а потому нетрудно было и ошибиться.

– Сама не пойму. Перед знаком «Стоп» нажала на тормоза, но педаль провалилась до самого пола и я ничего не могла сделать. Поэтому пришлось со всей силы выжать аварийный тормоз, и после этого машина вошла в штопор.

Уайатт посмотрел на дальнюю полосу, где, задрав передние колеса на разделительный бортик, жутковато перекошилось то, что еще совсем недавно было белым «мерседесом» с откидным верхом. Я проследила за его взглядом и с минуту тоже с ужасом взирала на останки. Удар оказался настолько силен, что рама изогнулась в форме буквы U, а пассажирского сиденья больше вообще не существовало. Ничего удивительного, что ветровое стекло вылетело. Если бы не ремень безопасности, то я скорее всего вылетела бы вслед за ним. Я вздрогнула.

– А раньше тормоза барахлили? – поинтересовался Уайатт.

Я покачала головой:

– Никогда. К тому же я регулярно ездила на профилактику.

– Офицер, отгонявший машину домой, не сообщал ни о каких неполадках. – Уайатт помолчал. – Тебе надо срочно провериться в госпитале.

– Со мной все в порядке. Честно. Все жизненные показате-

тели в норме. Так что, кроме разбитого носа, никаких нарушений.

Уайатт легонько провел пальцем по моей щеке.

– Ну и славно. Может быть, позвонить твоей маме, чтобы она сюда приехала? Думаю, тебе лучше не оставаться одной, хотя бы первые часы.

– Попозже, когда уберут машины. Не хочу, чтобы она видела, что стало с «мерседесом». Кошмарное зрелище. Наверное, понадобится моя страховая карточка и регистрационный талон, – добавила я обреченно, не в силах отвести взгляд от горы искореженного металла. – Они в бардачке, если тебе удастся его найти. И сумка тоже осталась в машине.

Бладсуорт слегка дотронулся до моего плеча, а потом встал и решительно направился к «мерседесу». Я видела, как он заглянул в окно, обошел вокруг машины, тщательно осмотрев ее снизу доверху, а потом сделал нечто очень странное: лег спиной на асфальт и засунул голову и плечи под машину, непосредственно за передними колесами. Я невольно поморщилась: дорога наверняка была усыпана битым стеклом, так что оставалось лишь надеяться, что Уайатт не поранится. Интересно, что он искал?

Наконец Бладсуорт вылез из-под машины, но ко мне возвращаться не спешил. Вместо этого он подошел к одному из офицеров в форме и что-то негромко сказал ему. Тот тоже подошел к моей машине и точно так же, как только что Уайатт, заполз под нее на собственной спине. А лейтенант уже

снова разговаривал по телефону.

Появился отряд эвакуаторов, которому предстояло убрать с места происшествия искореженные машины. Приехала «скорая помощь», и медики принялись осторожно вынимать из железного плена серьезно пострадавшую женщину. Лицо ее было залито кровью, один из санитаров держал капельницу, а медбрат пристраивал корсет для фиксации шейных позвонков. Я же могла только молиться.

Улицу оцепили, и с обеих сторон полицейские направляли машины в объезд. Эвакуаторы стояли без дела, почему-то не приступая к работе. Появилось еще несколько полицейских нарядов. Чтобы приблизиться к месту происшествия, им пришлось ехать прямо по разделительной полосе. К своему удивлению, я увидела, как вместе с полицейскими из машины выходят мои добрые знакомые Макиннис и Форестер. Что привело детективов на место аварии?

Первым делом они поговорили с Уайаттом и тем офицером, который тоже лазил под машину. Потом пришла очередь Макинниса лечь на спину и засунуть голову за передние колеса. Что же так их всех привлекало? Что они там обнаружили? Макиннис наконец появился из-под машины и что-то сказал Уайатту. Уайатт, в свою очередь, что-то сказал офицеру. Но я так и не успела узнать, в чем дело, потому что офицер подошел ко мне, помог встать на ноги и повел к патрульной машине.

Боже милостивый, кажется, в итоге меня еще и арестова-

ли. А может быть, и нет – ведь все-таки посадили на переднее сиденье. Мотор работал, кондиционер мирно жужжал. Я направила струю воздуха себе в лицо. В зеркало заднего вида посмотреть не отважилась: скорее всего там отразился бы лишь огромный синяк, а видеть его не очень-то хотелось.

Поначалу прохладный воздух казался приятным, но очень скоро моя кожа покрылась мурашками. Я отвернула струю, но это мало помогло. Пришлось поплотнее обхватить себя руками за плечи.

Не знаю, сколько времени я так просидела, но замерзла уже окончательно. В обычном состоянии давно переключила бы режим кондиционера, но сейчас как-то не хотелось возиться с оборудованием полицейской машины. Если бы речь шла о машине Уайатта, тогда другое дело, а патрульная – нет уж, спасибо. А может, мне было просто слишком не по себе, чтобы предпринимать активные действия.

Через некоторое время подошел Уайатт и открыл дверцу.

– Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно. – Конечно, если не считать дикого холода, онемения и такого ощущения, будто все тело долго и упорно избивали дубиной. – Только холодно.

Бладсуорт снял пиджак и, согнувшись в три погибели, старательно меня закутал. Тепло его тела подействовало на меня благотворно. Я как можно плотнее прижала пиджак к себе и взглянула на Уайатта:

– Меня арестовали?

– Ну что ты. – Уайатт ласково провел пальцем сначала по щеке, а потом по губам. Он постоянно прикасался ко мне, словно стремясь удостовериться, что я все еще жива и даже почти невредима. Потом он присел на корточки рядом с открытой дверцей и заглянул мне в глаза. – Ты не против прокатиться до департамента полиции и сделать заявление?

– А ты уверен, что меня не арестовали? – Меня не покидала тревога.

– Совершенно уверен.

– Тогда зачем же ехать в участок? Эта женщина погибла? Меня обвинят в ее убийстве? – Тревога перешла в ужас, губы начали дрожать.

– Нет-нет, не волнуйся. С ней все будет в порядке. Она в сознании и вполне внятно разговаривала с медиками. Просто существует вероятность повреждения шеи, поэтому с ней обращаются так осторожно.

– Я одна во всем виновата. – На глаза навернулись слезы. Уайатт решительно покачал головой.

– Только в том случае, если это ты перерезала тормозной шланг, – хмуро заключил он.

Дуэйна Бейли выпустили под залог, но снова вызвали в полицию и допросили. Меня на допрос не пустили, да это, возможно, и к лучшему, потому что к этому времени я уже успела впасть в полное отчаяние и глубочайшую депрессию. Тормозной шланг перерезан. Значит, машина испорчена намеренно. Я вполне могла погибнуть. Могли погибнуть и дру-

гие – те, кто даже не был свидетелем убийства Николь. В итоге я пришла в такую ярость, что трудно представить, что бы произошло, окажись я рядом с Дуэйном Бейли.

Теперь мне стало понятно, зачем Уайатт посадил меня в патрульную машину: просто для того, чтобы защитить. Сидя на газоне разделительной полосы, я представляла собой прекрасную мишень, если бы вдруг кому-то, а именно Дуэйну Бейли, захотелось еще раз попытаться свести со мной счеты. Трудно было понять, зачем ему это делать и зачем портить тормоза, раз он все равно признался в убийстве Николь. Моя смерть ничего не решала. Да она и с самого начала ничего не решала, но тогда он этого не знал. Правда, теперь, возможно, и знал, хотя вряд ли полицейские сочли нужным сообщить ему, что я не имела возможности опознать стрелявшего.

В дамской комнате я постаралась привести себя в порядок, бумажным полотенцем тщательно смыл с лица и волос следы крови. Понятия не имею, каким образом кровь из носа могла оказаться на волосах, но тем не менее это было так. Кровь запеклась на ушах, за ушами, на шее, на руках. Черт возьми, оказался испорченным еще один прелестный лифчик! Кровь обнаружилась даже на ногах.

На переносице я увидела небольшой порез, а обе скулы покраснели и распухли. Наверняка к утру под глазами появятся черные круги. Но главное, у меня возникло серьезное подозрение, что утром проявится такое количество болячек, ссадин, синяков и прочих неприятностей, что черные круги

под глазами утратят актуальность.

Уайатт не нашел сумку, так что сотового телефона у меня больше не было. Сумка должна быть в машине... а машина уже стояла на полицейской парковке, за железным забором. Команда судебной экспертизы осмотрела ее останки прямо на месте, во всяком случае, снаружи, а эвакуатор должен был забрать ее, не нарушая существующих улик. Уайатт сказал, что внутри тоже будут осматривать, и тогда непременно найдут сумку. В принципе я могла бы обойтись без ее содержимого, за исключением бумажника и чековой книжки. Но возобновлять кредитные карточки, водительские права, страховку и прочее очень не хотелось, так что оставалось лишь надеяться, что все найдется.

Я до сих пор не позвонила маме, потому что сообщить о том, что кто-то снова пытался меня убить, оказалось куда труднее, чем просто сказать об автомобильной аварии.

Полицейские то и дело приносили мне еду, сладости и напитки. Наверное, до них дошли слухи о воскресной истории с печеньем, и они решили подстраховаться. Казавшаяся очень суровой и непреклонной дама в темно-синей форме и с гладко зачесанными волосами принесла целый пакет попкорна и извинилась, что не может предложить ничего сладкого. Я выпила кофе. Пила диетическую колу. Мне предлагали жевательную резинку и сырны крекеры. Картофельные чипсы. Арахис. Я взяла немного арахиса и поп-корн, а от остального отказалась, боясь растолстеть.

Офицер по фамилии Адамс, который отвечал за расследование на месте преступления, тщательно прорабатывал последовательность событий. Заставлял меня рисовать какие-то схемы. Сам рисовал схемы. Мне стало скучно, и потому рядом со схемами я принялась рисовать улыбающиеся рожицы.

Понятно, что полицейские изо всех сил старались меня занять. Сомневаться в их намерениях не приходилось. Возможно, делалось это по приказу лейтенанта, чтобы отвлечь внимание от допроса Дуэйна Бейли. Как будто кто-то собирался совать нос в их расследование. Как ни странно, я всегда чувствую, когда лучше остаться в стороне и не возникать. Однако, судя по всему, лейтенант Бладсуорт в этом сомневался. Он пришел за мной часа в два.

– Сейчас отвезу тебя домой. Ты примешь душ и переоденешься, а потом поедем к твоей маме, но только повидаться. А затем ты снова отправишься ко мне.

– Зачем? – удивилась я, вставая. Я сидела в его кресле, за его столом и составляла список неотложных дел. Увидев список, Уайатт помрачнел. Взял листок в руки, взглянул и, убедившись, что его собственная персона в новом произведении не фигурирует, удовлетворенно кивнул.

– Бейли утверждает, что не трогал «мерседес». Говорит, он даже не знает, где ты живешь. Кроме того, на все последние дни у него имеется алиби. Макиннис и Форестер проверяют его показания, но на всякий случай, для большей без-

опасности, придется снова спрятать тебя.

– Но Бейли в полиции, под арестом? – Уайатт покачал головой:

– Под наблюдением, но не под арестом. Без официального обвинения можно задержать его только ненадолго.

– Но если преступник здесь, то от кого же прятаться? – Лейтенант ответил строгим полицейским взглядом.

– Бейли – самый очевидный вариант в том случае, если машина была повреждена до вчерашнего дня, когда еще это мог сделать он. С другой стороны, если его алиби подтвердится, придется признать, что за тобой охотится еще кто-то. Тот, кто просто воспользовался стечением обстоятельств, когда у убийцы Николь появился повод тебя убрать. Так что придется повторить тот разговор, который состоялся после гибели мисс Гудвин. Подумай хорошенько, ты ни с кем серьезно не ссорилась?

– С тобой, – не задумываясь ответила я, так как это был совершенно очевидный факт.

– А кроме меня?

– Больше ни с кем. Хочешь – верь, хочешь – не верь, но я ссорюсь очень редко. Ты исключение из правил.

– Какое везение, – пробормотал Уайатт.

– А со сколькими людьми, кроме меня, за последние месяцы поссорился ты? – сердито спросила я.

Уайатт задумчиво потер лоб.

– Вопрос интересный. Ну ладно, пойдем дальше. Кстати,

я отдал распоряжение допросить твоего бывшего мужа.

– Зачем?

– Да так. Уж очень странно, что после пяти лет полного молчания он вдруг решил тебе позвонить. Не верю я в совпадения.

– Но с какой стати Джейсону вдруг могло понадобиться меня убить? Ведь он не получит страховки и я не располагаю ничем, что ему необходи...

Я не договорила, так как вдруг вспомнила, что как раз располагала. Располагала губительной для его политической карьеры информацией и даже фотографией в качестве вещественного доказательства. Но с другой стороны, он не знал о фотографии, а я не была единственной, кому было известно о его изменах.

Взгляд Уайатта стал еще более пронзительным.

– Что? – резко произнес он. – Что ты знаешь?

– Вряд ли какую-то роль здесь могут играть его прежние измены, – задумалась я. – Это слишком нелепо. Пять лет я молчала, так с какой же стати он вдруг заволновался? Больше того, об этом знаю не я одна, так что моя смерть вовсе не поставит точку.

– А кто еще знает?

– Мама. Шона с Дженни. О самом факте обмана знает и папа. Мама в конце концов рассказала ему главное, но без деталей. Наверняка знают те женщины, с которыми Джейсон меня обманывал. Возможно, его семья. Кроме того, вряд ли

сам факт измены первой жене пять лет назад, да еще не с той, которая стала второй женой, способен нанести серьезный ущерб политической карьере. Такая история способна только слегка подмочить репутацию, но не разрушить ее до основания.

Впрочем, карьеру могло погубить то обстоятельство, что Джейсон развлекался и с моей сестрой, которой тогда было всего семнадцать. Это сразу ставило талантливого политика в положение гнусного совратителя.

– Хорошо, пусть так. Вспоминай еще.

– Больше ничего не вспоминается.

Как я уже говорила, Джейсон не знал о том, что я сделала копии фотографии, так что с этой стороны опасность мне не грозила.

– В любом случае Джейсон неагрессивен.

– Насколько мне известно, он угрожал разбить твою машину. Подобная угроза уже не шутки.

– Но ведь это происходило пять лет назад. И для него было важно, чтобы я молчала об измене. В то время он баллотировался в законодательные органы штата, и подобная огласка наверняка бы здорово ему повредила. А если честно, угроза прозвучала в ответ на угрозу огласки в случае, если при разводе он не отдаст мне все, что я потребую.

Уайатт поднял голову и задумчиво посмотрел в потолок.

– Интересно, почему меня это совсем не удивляет?

– Потому что ты умный человек, – ответила я и покрови-

тельственно похлопала лейтенанта по мягкому месту.

– Ну хорошо, если ты не думаешь, что охоту на тебя открыл бывший муж – а я все-таки собираюсь его проверить, – то какие еще варианты существуют?

Я покачала головой:

– Кроме как у Дуэйна Бейли, поводов нет ни у кого.

– Ну же, Блэр, подумай хорошенько.

– Думаю изо всех сил! – раздраженно воскликнула я. Бладсуорт тоже начал терять самообладание. Воинственно сложил руки на груди и, глядя сверху вниз, приказал:

– Думай еще сильнее, чем изо всех сил! Ты член группы поддержки, а это означает, что есть сотни людей, которые могут жаждать твоей смерти!

Глава 20

Мой крик перекрыл доносившийся в кабинет гул голосов.

– Не смей так говорить!

– Хорошо, хорошо, только успокойся, – испугался Бладсуорт. – Беру свои слова обратно.

– Ничего подобного! Ты сказал именно то, что хотел сказать!

Никогда нельзя позволять мужчине с первой же попытки исправлять собственные ошибки. Третий раздел десятого параграфа Кодекса женщин южных штатов гласит, что если кто-то (имеется в виду мужчина) ведет себя по-свински, он непременно должен за это ответить.

– Я не хотел тебя обидеть. Просто очень расстроился. – Уайатт жалобно протянул ко мне руку, словно умоляя о пощаде.

Не тут-то было. Прежде чем он смогло меня дотронуться, я распахнула дверь и выскочила из кабинета. Мизансцена оказалась именно такой, какой я ее себе представляла: все присутствовавшие в большой, заполненной людьми комнате смотрели на нас – кто-то открыто, кто-то – делая вид, что занимается собственными делами. Молча, решительным шагом я прошествовала к лифту. Должна признаться, что скрытые травмы и ушибы не стали дожидаться завтрашнего дня, а решили проявиться уже сегодня. Каждый шаг сопровож-

дался острой болью. Наверное, передвигаться ползком было бы легче, но до сих пор почему-то никто не изобрел способ ползать с чувством собственного достоинства, да к тому же еще и оскорбленного. А я действительно чувствовала себя обиженной и хотела немедленно продемонстрировать негативный настрой.

Двери лифта разъехались, мы с Уайаттом молча вошли в кабину, и он нажал кнопку.

– Я не хотел тебя обидеть, – повторил Бладсуорт, едва двери снова закрылись.

Я молча смерила его взглядом.

– За четыре дня тебя дважды едва не убили прямо на моих глазах, – устало вздохнул он. – Если все это сотворил не Бейли, значит, ты умудрилась нажать серьезного врага. И должна существовать очень веская причина для такого кровожадного упорства. Скорее всего, сама того не зная, ты располагаешь некой важной информацией. А я пытаюсь выудить хоть какую-нибудь информацию, способную направить поиски по верному пути.

– Тебе не кажется, что, прежде чем заявлять о «сотнях» готовых убить меня людей, стоило бы проверить алиби этого Дуэйна Бейли?

– «Сотни» – это, возможно, преувеличение.

– Возможно? Преувеличение? Так сколько же людей, потвоему, действительно хотят меня убить?

Уайатт усмехнулся:

– Раз-другой я и сам готов был придушить упрямую красавицу.

Лифт остановился, дверь открылась, и мы вышли. На последнее замечание я ничего не ответила, потому что решила, что лейтенант специально старается меня взбесить, чтобы я тоже ляпнула какую-нибудь глупость, например обвинила его в порче тормозов, раз он признался, что хотел меня убить. А потом мне пришлось бы извиняться, потому что, разумеется, он даже и не думал об этом, и я это прекрасно знала. Так что, не желая сдавать позиции, я предпочла унять гордыню и смолчать.

Мы дошли до автостоянки. Уайатт осторожно обнял меня за плечи и повернул к себе.

– Мне действительно очень стыдно, – признался он и в подтверждение своих слов нежно поцеловал меня в лоб. – За последние дни тебе пришлось многое пережить. Сегодня особенно. И дразнить тебя, конечно, я не имел права ни при каких обстоятельствах. – Он поцеловал меня еще раз. – Знаешь, когда ты в штопоре вылетела на перекресток и столкнулась с красной машиной, у меня едва сердце не остановилось.

Вредничать мне почему-то не хотелось. Я просто прижалась лбом к широкой надежной груди и постаралась не вспоминать о пережитом утром ужасе. Если мне было настолько плохо и страшно, то что же говорить о нем? Представляю, что почувствовала бы я сама, если бы ехала следом за Уайат-

том и внезапно увидела, как он гибнет. А ведь он наверняка решил, что случилось худшее.

– Бедная мордашка! – Бладсуорт осторожно убрал с моего лица волосы и внимательно осмотрел его.

С гордостью сообщаю, что не позволила себе провести день в полицейском департаменте, пассивно ожидая, пока физиономия превратится в сине-черную подушку. Кто-то из полицейских принес пластиковый пакет, я наполнила его льдом из холодильника и начала прикладывать к синякам. Так что как бы плохо я сейчас ни выглядела, могла бы выглядеть и еще хуже. Кроме того, переносицу я заклеила кусочком пластыря. Думаю, что больше всего я сейчас напоминала только что закончившего бой боксера.

– Джефферсон Уайатт, – внезапно произнес кто-то. Дружно оглянувшись, мы увидели седого человека в сером костюме. На мой взгляд, с такими волосами следовало бы надеть более яркий костюм или хотя бы яркую синюю рубашку, а не создавать впечатление полного отсутствия цвета. Наверное, у его жены плохой вкус. Человек был невысоким, плотным и походил скорее на бизнесмена, чем на полицейского. Впрочем, стоило ему подойти поближе, сразу стал заметен характерный пронизательный взгляд.

– Шеф! – воскликнул Уайатт, из чего я чрезвычайно тонко заключила, что подошедший – непосредственный начальник лейтенанта, шеф полиции. Если мне и приходилось видеть этого человека раньше, то впечатление уже успело стереться

из памяти. Сейчас я не смогла вспомнить даже его имя.

– Это та самая молодая леди, о которой говорит весь личный состав? – поинтересовался шеф, разглядывая меня с нескрываемым любопытством.

– Боюсь, что так, – подтвердил Уайатт. – Шеф, разрешите вам представить мою невесту, Блэр Мэллори. Блэр, познакомься: Уильям Грей, шеф полиции.

Я подавила желание стукнуть его – разумеется, не шефа, а Уайатта – и пожала протянутую руку. Вернее, я хотела пожать руку, но шеф Грей очень бережно взял мою ладонь в свою, словно опасаясь причинить боль. Скорее всего вид у меня был не самый лучший и уж наверняка хуже, чем тогда, когда я в последний раз смотрелась в зеркало: иначе откуда бы взялись и «бедная мордашка», и это осторожное обращение?

– То, что случилось утром, просто ужасно, – заговорил шеф. – В нашем городе редко происходят убийства, и мы приложим все силы, чтобы сохранить их количество на прежнем уровне. Обещаю, мисс Мэллори, что в ближайшее время все обстоятельства трагического дела непременно будут раскрыты.

– Спасибо, – поблагодарила я. Что еще можно было сказать в ответ? Попросить работать быстрее? Детективы знали свое дело и наверняка относились к работе серьезно – так же, как и я сама относилась к собственной работе.

– Ваши волосы просто великолепного цвета, – продолжи-

ла я самым любезным тоном. – Думаю, к ним великолепно подойдет ярко-синяя рубашка. Не пробовали?

Мистер Грей явно смутился и удивился, а Уайатт незаметно ткнул меня в бок. Однако я предпочла не обращать внимания на подобную грубость.

– Вот уж чего я не могу вам сказать, – ответил шеф Грей и рассмеялся тем характерным смехом, который означает, что мужчина одновременно и польщен, и растерян.

– Это совершенно точно, – уверенно инструктировала я. – Ваш цвет – ультрамарин. У вас, наверное, целая дюжина рубашек этого цвета, ведь он так вам идет.

– Ультрамарин? – уже в полной растерянности переспросил шеф. – Право, я не...

– Я знаю, – засмеялась я. – А для мужчин синий – это просто синий, так что не морочьте себе голову всеми этими заумными названиями, хорошо?

– Хорошо, – согласился шеф Грей. Он слегка откашлялся и сделал шаг назад. – Джефферсон Уайатт, держите меня в курсе расследования. Дело очень беспокоит мэра.

– Непременно, – заверил Бладсуорт и поспешно подтолкнул меня к своей машине. Шеф вошел в здание. Едва начальник скрылся за дверью, лейтенант зашипел: – Ты что, всерьез решила давать шефу полиции советы по части моды?

– Но ведь кто-то должен это сделать, – попыталась защититься я. – Бедняга.

– Подожди, скоро новость облетит все закоулки, – злове-

ще пообещал Уайатт, открывал пассажирскую дверцу и помогая мне сесть. Мне же с каждой минутой становилось все хуже, больнее и тяжелее.

– С какой стати?

Уайатт покачал головой:

– С вечера четверга весь департамент только о тебе и говорит. А меня народ считает самым отважным из мужчин.

Честно говоря, я даже не знала, как относиться к столь активному вниманию.

Когда мы подъехали к злополучному перекрестку, я зазмурилась. Мне вдруг показалось, что пересечение этих двух улиц навсегда останется для меня самым страшным местом на земле. Уайатт свернул к моему дому и сказал, что теперь уже можно открыть глаза.

Я стряхнула жуткое воспоминание и посмотрела вокруг. Перекресток остался за спиной, и сейчас окрестности выглядели вполне мирно, безопасно и спокойно. Справа стоял знакомый кондоминиум, и Уайатт свернул под портик. Я оглянулась и вспомнила, что, когда полицейский пригнал «мерседес» домой, ворота оказались открытыми. Кто это сделал? Тот же, кто вывел из строя тормоза? Я все еще винила Дуэйна Бейли. Должно быть, преступник увидел машину и решил, что, если не удалось прикончить меня с первой попытки, стоит попробовать еще раз.

– Наверное, мне лучше уехать отсюда, – вяло произнесла я. – Здесь уже небезопасно.

Уайатт вышел, обошел вокруг машины, открыл пассажирскую дверцу и помог мне выбраться.

– Отличная идея, – похвалил он. – Пока ты выздоравливаешь, мы вполне можем заняться упаковкой и перевозкой вещей – ко мне, разумеется. А что ты намерена делать с мебелью?

Я посмотрела на него, как на инопланетянина.

– Как это – что делать с мебелью? Мебель мне нужна везде, куда бы я ни переехала.

– Дело в том, что в моем доме мебели вполне достаточно. Больше просто некуда.

Так. Очевидно, я плоховато соображала, потому что только сейчас поняла, о чем речь.

– Но я не имела в виду переезд к тебе. Думала просто... переехать. Продать квартиру и купить другую. Жить в собственном доме, наверное, было бы сложно, так как у меня нет времени заниматься двором, клумбами и прочим.

– Но зачем делать два шага, когда вполне достаточно и одного?

После того как я наконец поняла, к чему клонит Уайатт, следить за его логикой оказалось не так уж и сложно.

– От того, что ты назвал меня своей невестой, я ею еще не стала. Ты не только поставил телегу впереди лошади, а даже не вывел бедное животное из конюшни. Забыл, что мы ни разу не назначили друг другу свидание?

– Последние пять дней мы вообще не расставались. Мы

просто перешагнули через период свиданий.

– Как бы не так...

Я остановилась перед собственной дверью и только в этот момент с ужасом осознала, что, оказывается, не могу попасть домой. У меня не было ни сумки, ни ключей, я не имела возможности контролировать собственную жизнь. Беспомощно посмотрев вокруг, я села на ступеньки и разразилась слезами.

– Блэр... детка, – сочувственно проговорил Уайатт. Он не спросил, в чем дело. Думаю, задай он этот вопрос, я непременно бы его ударила. Но он просто присел рядом со мной на крыльцо и крепко обнял меня за плечи.

– Я не могу войти! – рыдала я. – У меня нет ключей.

– Но ведь у Шоны же есть запасные, правда? Сейчас я ей позвоню.

– Хочу свои ключи. Хочу свою сумку.

После всего случившегося отсутствие сумки оказалось завершающим ударом, последней каплей, окончательно переполнившей чашу терпения. Понимая, что разговаривать со мной сейчас бесполезно, Уайатт просто сжимал меня в объятиях и качал, как ребенка. А я отчаянно редела.

Не переставая меня нянчить, он вытащил сотовый и набрал номер Шоны. Из-за проводимых по горячим следам действий родным еще не сообщили о том, что сегодня произошло, и Уайатт кратко изложил самую суть дела: утром я попала в автомобильную аварию, но благодаря воздушной

подушке я почти не пострадала, меня даже не пришлось везти в больницу. Но сумка до сих пор в машине, а потому я не могу попасть домой. Не может ли Шона приехать и отпереть дверь? Если у нее нет времени, то он может прислать за ключами полицейского.

Я слышала взволнованный голос сестры, но не могла разобрать слов. Впрочем, было похоже, что Бладсуорт сумел успокоить ее своими ответами, и, закончив разговор, сообщил мне:

– Минут через двадцать Шона будет здесь. Хочешь подождать в машине, под кондиционером?

Я кивнула. Осторожно вытерла лицо и поинтересовалась, нет ли у Уайатта бумажной салфетки. Салфетки, разумеется, не оказалось. Мужчины такие непредусмотрительные.

– Но в багажнике есть рулон туалетной бумаги. Пойдет?

Положение о непредусмотрительности пришлось отметить. Я встала рядом с Уайаттом, с любопытством заглядывая в багажник.

В глаза бросилась большая картонная коробка, в которой находились туалетная бумага, довольно объемистая аптечка первой помощи, несколько пар резиновых перчаток, несколько катушек скотча, аккуратно сложенные пластиковые пакеты, пинцеты разного размера, ножницы и всякие другие подобные предметы. Имелись также саперная лопата, мотыга и пила.

– А зачем пинцеты? – поинтересовалась я. – На тот слу-

чай, если понадобится кому-нибудь выщипать брови?

– Для сбора вещественных доказательств, – деловито пояснил Уайатт. Он отмотал щедрый кусок туалетной бумаги и протянул мне. – Пинцеты – главный инструмент детектива.

– Но сейчас ты уже не детектив, – напомнила я. Сложила туалетную бумагу, вытерла глаза и высморкалась.

– Привычка – штука цепкая. Постоянно кажется, что все эти вещи непременно понадобятся.

– А лопата зачем?

– Как – зачем? А вдруг потребуется копать яму?

– Ага. – Это, во всяком случае, было понятно. – А я всегда вожу в багажнике кирпич. – Такое признание напомнило мне, во что превратилась еще совсем недавно такая красивая машина.

Бладсуорт закрыл багажник и нахмурился:

– Кирпич? А зачем тебе кирпич?

– На всякий случай. Вдруг потребуется выбить окно?

Уайатт немного помолчал, словно раздумывая, а потом сам себе ответил:

– Не хочу ничего знать.

Мы с Уайаттом сидели в машине, когда на последней модели «камри» приехала Шона. Она вышла из машины и предстала перед нами во всей красе: стройная, модная, сексапильная, в темно-сером костюме, под пиджаком которого виднелся красный кружевной топ. Темно-серые туфли с открытой пяткой и каблуками высотой в три дюйма. Светлые,

с золотистым отливом волосы подстрижены аккуратным каре до плеч. Простая линия прически удивительно красиво подчеркивала нежный, в форме сердца, овал лица. Но сейчас даже милые ямочки на щеках не могли помешать прочесть то, что было ясно и недвусмысленно написано на ее лице. «Опасно. Берегись».

Мы, три сестры Мэллори, в свое время удачно поделили между собой территорию: я получилась довольно симпатичной, но прежде всего спортивной и ориентированной на бизнес. Шона, возможно, не могла похвастаться столь же правильными чертами, но зато лицо ее, словно маяк, освещал незаурядный ум. Кроме того, ей достался роскошный бюст.

Дженни переплюнула нас обеих. Темноволосая, настоящая неотразимая красавица. С карьерой у нее ничего не вышло, но она зарабатывала хорошие деньги в местном модельном бизнесе. Наша младшенькая вполне могла бы попытаться счастья в Нью-Йорке и наверняка добилась бы успеха, однако подобные подвиги не слишком ее интересовали.

Мы с Уайаттом сделали несколько шагов навстречу Шоне. Сестра взглянула на меня, громко вскрикнула и, зарыдав, бросилась ко мне.

Казалось, она хотела меня обнять, но вдруг остановилась как вкопанная. Протянула руку и тут же опустила. Слезы текли по ее лицу.

Я взглянула на Уайатта:

– Что, действительно так страшно? – В вопросе прозвуча-

ла надежда услышать отрицательный ответ.

– Да, – просто ответил Уайатт, и ответ этот, как ни странно, успокоил. Ведь если бы дела действительно обстояли совсем плохо, он ни за что бы не признался, а наоборот, всеми силами пытался бы меня ободрить.

– Ничего страшного. – Я похлопала Шону по плечу.

– Что произошло? – спросила она, вытирая слезы.

– Тормоза отказали. – Подробное объяснение могло подождать до лучших времен.

– И с чем же ты столкнулась? С бетонным столбом?

– В меня въехала другая машина. С пассажирской стороны.

– А машина где? – не унималась сестра. – Ее можно починить?

– Нет, – ответил Уайатт, – машина всмятку. Шона снова пришла в ужас.

Я немного отвлекла ее, сказав, что мама пригласила нас на ужин и мне необходимо привести себя в порядок. Сестра кивнула:

– Это уж точно. Мама в обморок упадет, если увидит тебя в таком виде. У тебя есть хороший тональный крем? Черные круги вокруг глаз, как у енота. А будет еще хуже.

– Всего лишь подушка безопасности, – пояснила я.

Ключ от моего дома находился у сестры на общем кольце, вместе с другими ключами. Шона сняла его, отперла дверь и отступила на шаг, чтобы я могла войти и отключить сигнала-

лизацию. Потом тоже вошла в дом – вслед за Уайаттом.

– Мама и меня пригласила, – заметила она. – Я подумала, что нет смысла возвращаться в офис, все равно надо будет уходить, а потому предупредила, чтобы меня уже не ждали. Так что, если требуется помощь, вполне можете рассчитывать на меня.

– По-моему, все под контролем.

– Твоя страховая компания предоставляет автомобиль на время организационных действий?

– Да, слава Богу. Сотрудница обещала прислать машину уже завтра.

Шона была юристом до мозга костей: ее ум уже двигался вперед.

– А механика для аварийного контроля вызвали? Ведь потребуется нотариально заверенное заключение.

– Нет, – ответил за меня Уайатт. – Причина аварии вовсе не в механике.

– Но Блэр сказала, что отказали тормоза.

– Тормоза действительно отказали, но им в этом помогли. Тормозной шланг оказался перерезанным.

Шона прищурилась. Потом заморгала. Потом побледнела. Посмотрела на меня.

– Кто-то пытался тебя убить, – пробормотала она. – Снова.

Я вздохнула:

– Знаю. Уайатт говорит, что это все из-за того, что ко-

гда-то я выступала в группе поддержки.

И, смерив наглеца уничтожающим взглядом, я с улыбкой отправилась наверх, чтобы принять душ. Шона тут же бросилась меня защищать, и услышать это оказалось очень приятно.

Впрочем, моя улыбка быстро померкла. Двух покушений вполне достаточно. Ситуация начинала действовать на нервы. Оставалось лишь надеяться, что детективы Макиннис и Форестер все-таки найдут пробелы в алиби Дуэйна Бейли; да и четкие отпечатки пальцев на моей машине тоже не помешали бы.

Я стащила грязную, пропитанную кровью одежду и бросила на пол. Все равно теперь придется ее выкинуть. Просто удивительно – всего лишь кровь из носа, а такой ущерб. Войдя в ванную, я внимательно посмотрела на свое отражение в большом, во весь рост, зеркале. На скулах и переносице уже чернели смачные синяки. Такие же синяки появились на коленях, плечах, на внутренней части правого предплечья и на правом бедре. Болел каждый мускул, ныли даже пальцы ног. Посмотрев вниз, я обнаружила на подъеме правой ступни черное пятно.

Уайатт вошел в ванную как раз в тот момент, когда я стояла перед зеркалом и внимательно изучала свое лицо. Молча, не произнося ни слова, он тоже пристально осмотрел меня с ног до головы, а потом взял на руки и принялся качать, словно маленького ребенка. В объятии не было ни малейше-

го намека на сексуальность, да и трудно представить, чтобы подобный набор ссадин и синяков мог вызвать что-нибудь, кроме искренней жалости.

– Нужны ледяные примочки, – наконец произнес он. – Много.

– Нет. Что сейчас действительно необходимо, так это пончик. Штук двадцать. Потому что надо срочно кое-что приготовить.

– Что ты сказала?

– Пончики. По дороге к родителям надо заехать в «Криспи крим» и купить двадцать пончиков.

– А нельзя обойтись печеньем?

Я освободилась из объятий и включила душ.

– Сегодня люди были так добры ко мне. Поэтому мне просто необходимо приготовить пудинг и завтра всех угостить. У меня есть очень хороший рецепт приготовления пудинга с использованием пончиков из «Криспи крим».

Уайатт стоял неподвижно, явно замороженный перспективой.

– Тогда, может, лучше купить сразу сорок штук и приготовить два пудинга? Один можно будет оставить дома.

– Извини. Но поскольку я сейчас не имею возможности тренироваться, мне придется ограничивать себя в еде. Аесли со стола будет громко взывать пудинг, искушение окажется слишком велико.

– Не забывай, что я полицейский и смогу тебя защитить.

Возьму пудинг под охрану, и дело с концом.

– Не хочу готовить два пудинга, – призналась я и встала под душ.

Уайатт заговорил громче, чтобы перекричать шум воды:

– Я тебе помогу.

Голос звучал так жалобно, что я не удержалась от улыбки. Ему не следовало бы обнаруживать свое пристрастие к сладкому, ведь это давало мне в руки очевидный козырь. Я начала обдумывать, как воспользуюсь преимуществом и не дам Уайатту ни кусочка до самого завтрашнего дня – пусть попробует пудинг только у себя в департаменте, вместе со всеми. Размышление отвлекло меня от главной проблемы – повторяющихся покушений. Всего лишь игра ума, но она способна принести немалую пользу.

Смывая с волос шампунь, я услышала, как у Уайатта зазвонил сотовый телефон. Дело у меня шло медленно, поскольку левая рука еще не работала, но все-таки продвигалось. Был слышен разговор, хотя слова звучали неразборчиво. Покончив с мытьем, я выключила воду, сдернула с крючка полотенце и принялась вытираться, насколько позволяли мои ограниченные возможности.

– Выходи, я помогу, – позвал Уайатт, и я направилась к нему. Мне сразу же бросилось в глаза угрюмое выражение его лица.

– Что случилось?

– Звонил Макиннис, – сообщил Бладсуорт, взяв у меня из

рук полотенце и принимаясь за работу. – Алиби Дуэйна Бейли безупречно. Не подкопаешься. Или дома с женой, или на работе. Перерывы только на дорогу туда и обратно, ни минутой дольше. Макиннис утверждает, что жена Бейли подает на развод, так что вряд ли будет его покрывать. Ребята, конечно, продолжают проверку, но скорее всего этот человек здесь ни при чем. Убить тебя пытается кто-то другой.

Глава 21

К родителям мы приехали раньше времени, даже несмотря на то, что покупали пончики и сгущенное молоко для пудинга. Все остальное нашлось в доме Уайатта, в том числе и формы для выпечки необходимого размера. Да, именно формы, во множественном числе. Мы купили сорок глазированных пончиков. От чарующего аромата текли слюнки, однако я проявила недюжинную выдержку и даже не приподняла крышку коробки.

Дверь открыл папа. Некоторое время он молча изучал мое лицо, а потом очень спокойно спросил:

– Что произошло?

– Прикончила машину, – коротко пояснила я и обняла его. Потом направилась в кухню, где предстояло главное, встреча с мамой. За спиной слышался тихий разговор, из которого можно было заключить, что Бладсуорт сообщает папе подробности.

В конце концов, я не очень-то пыталась скрыть синяки. Правда, на мне были длинные легкие штанишки в белую и розовую полоску и белая футболка, связанная узлом на талии. Ведь если бы я надела шорты, то открылись бы синяки на ногах и кто-нибудь непременно бы решил, что они – дело рук Уайатта. Так что я решила не рисковать. Однако никаким защитным кремом я не пользовалась, потому что ре-

шила, что он только помешает, когда мама начнет делать с моим лицом то, что непременно должна сделать мама.

Миссис Мэллори стояла возле открытой дверцы морозилки.

– Хотела пожарить мясо, – не оборачиваясь, заговорила она, услышав шаги. Не знаю, узнала ли она меня или решила, что пришел папа; это не имеет особого значения. – Но так долго боролась с этим чертовым компьютером, что времени совсем не осталось. Что скажешь, если мы пожарим... – В этот момент мама обернулась, увидела меня во всей красе и едва не потеряла дар речи. – Блэр Мэллори, – наконец заговорила она после долгого молчания, – что должна означать столь удивительная внешность?

Вопрос звучал как обвинение, словно это я сама себя разукрасила.

– Она означает автомобильную аварию, – объяснила я, усаживаясь на один из высоких стульев за барную стойку. – Моя бедная машина разбита вдребезги. Кто-то перерезал тормозной шланг, и я вылетела прямо под знак «Стоп» на тот опасный перекресток возле дома.

– Это безобразие должно немедленно прекратиться. – заключила мама напряженным, решительным тоном и захлопнула дверцу морозилки. Теперь она открыла холодильник. – Ведь говорили же, что полиция арестовала того, кто убил Николь.

– Так оно и есть. Но это сделал не убийца Николь. И стре-

лял в меня тоже не он. После убийства Николь он выходил из дома только на работу. Жена это подтверждает. А поскольку она знает об измене, то подала на развод и вряд ли склонна его защищать.

Мама закрыла дверцу холодильника, так ничего оттуда и не достав, и снова открыла морозилку. Как правило, она на удивление собранна и делает все пугающе быстро; так что и медлительность, и рассеянность могли быть лишь результатом серьезного расстройствa. На этот раз мама добыла из морозилки пакет замороженного горошка и завернула его в чистое кухонное полотенце.

– Подержи у лица, – протянула она мне сверток. – А еще какие травмы?

– Только синяки. Ну, и болит каждый мускул. Машина протаранила меня с пассажирской стороны, так что удар получился неслабый. Подушка безопасности спасла мне жизнь, но разбила нос.

– Радуйся, что не носишь очки. Салли въехала в стену собственного дома. Подушка раскрылась, сломала ей и очки, и нос.

Я почему-то не могла вспомнить, когда это одна из ближайших маминых подруг протаранила собственный дом; мама наверняка рассказала бы об этом.

– Когда же Салли успела въехать в дом? Ты не рассказывала.

– Приложи горошек к лицу, – строго приказала мама. Я

послушно задрала голову и расстелила на физиономии пакет с горошком. Он оказался достаточно большим и накрыл глаза, скулы и нос. А вдобавок оказался еще и чертовски холодным.

– Я не рассказала тебе только потому, что случилось это в субботу, когда ты была на море, а с тех пор просто не было времени.

Ах море! Воспоминания вызвали острый приступ тоски. Всего лишь несколько коротких дней назад оно было совсем рядом, и тогда единственной проблемой оставался Уайатт. На пляже никто не пытался меня прикончить. Может быть, вернуться? Тиффани это очень бы понравилось. Мне тоже, особенно если никто не будет в меня стрелять и портить машину.

– Она перепутала педали и вместо тормоза нажала на газ? – поинтересовалась я.

– Нет, она сделала это специально – разозлилась на Джаза. Мужа Салли зовут Джаспер, но всю жизнь его зовут просто Джазом.

– И что же она, решила забодать дом? Не очень-то логичная тактика.

– Она целилась в Джаза, но он успел вовремя отскочить. Я сняла с лица пакет с горошком и изумленно вытаращила глаза:

– Салли пыталась убить Джаза?

– Ну, не убить. Просто немножко покалечить.

– В таком случае лучше было использовать газонокосилку или что-нибудь в этом роде, а не машину.

– Думаю, от косилки Джаз бы просто убежал, – уверенно заключила мама, – хотя, конечно, за последнее время он немного растолстел. Но успел же увернуться от машины. Так что от газонокосилки толку мало.

– И чем же Джаз провинился? – Я представила, как Салли застаёт неверного мужа с другой женщиной, больше того, со своим ярым врагом, что делает измену вдвойне подлой.

– Знаешь это телевизионное шоу, в котором муж или жена в отсутствие второй половины приглашают в дом дизайнеров, чтобы те в качестве сюрприза перекроили интерьер? Так вот, пока Салли на прошлой неделе гостила у матери, Джаз сделал именно это.

– О Господи! – Мы с мамой в ужасе посмотрели друг на друга. Мысль о том, что кто-то чужой мог бы явиться в дом без нашего ведома, перевернуть все вверх дном и устроить по-новому, даже не посоветовавшись и не узнав наших предпочтений, казалась нам обеим невыносимой. Я даже вздрогнула. – И что же, он пригласил телевизионного дизайнера?

– Еще хуже. Нанял Монику Стивенс из фирмы «Стикс энд стоунз».

На это даже и сказать было нечего. Перед таким коварством я просто утратила дар речи. Моника Стивенс предпочитала стекло и сталь, что, несомненно, могло бы оказаться просто прекрасно, если бы вы жили в лаборатории. Но

что еще хуже, эта дама просто обожала черный цвет. Много-много черного-черного цвета. Сама же Салли тяготела к стилю уютного милого дома.

Впрочем, было вполне понятно, почему бедолага Джаз клюнул на эту Монику Стивенс. Просто в телефонном справочнике ее объявление оказалось самым большим. Вот он и решил, что раз дизайнер может поместить такое большое объявление, значит, дела в фирме идут прекрасно и все вокруг приглашают именно ее. Такова логика Джаза. Его здорово подвело полное отсутствие представления о женском образе мыслей – и это несмотря на брак продолжительностью в тридцать пять лет. Если бы несчастный догадался посоветоваться с моим папой, то трагической истории вполне можно было бы избежать. Папа не просто имеет четкое представление о женской психологии – нет, он разработал целую научную теорию. Мой папочка очень умный человек.

– И какую же комнату переделала Моника? – поинтересовалась я.

– Положи горошек на лицо.

Я послушалась, и мама ответила:

– Спальню.

Я застонала прямо под ледяным пакетом. Салли с такой любовью обставляла спальню: ездила по распродажам и аукционам, выискивая красивые старинные вещи. Многие из них действительно представляли значительную ценность, а некоторые и вообще можно было назвать уникальными.

– И что же Джаз сделал с мебелью Салли?

Если стремиться к точности, мебель Салли одновременно была и мебелью Джаза, но душу в нее вложила, конечно, супруга.

– В этом-то и загвоздка. Моника уговорила простака перевезти старье в свой магазин, где, разумеется, все вещи ментально раскупили.

– Что?! – Я уронила горошек и, раскрыв рот, уставилась на маму. Бедная Салли, оказывается, даже не имела возможности восстановить любимую растерзанную спальню. – Да здесь машины мало! Я бы залезла в кабину бульдозера и погналась за идиотом! Почему она не подала машину назад и не сделала еще одной попытки?

– Она же серьезно пострадала. Сломала нос и очки, так что ничего уже не видела. Не знаю, что теперь с ними будет. Думаю, простить обиду она ему никогда не сможет. Привет, Уайатт! Я и не заметила, что ты там стоишь. Блэр, поскольку я не успела пожарить мясо, будем есть жареные сосиски.

Я оглянулась на дверь и увидела, что возле нее тихо стоят двое мужчин и внимательно прислушиваются к нашей беседе. Выражение лица Уайатта было поистине неповторимым. Папа же отнесся к услышанному, как всегда, философски.

– Я – за. Пойду раздую угли, – поддержал он маму, имея в виду сосиски, и, пройдя через кухню, вышел на веранду, где у него стоял угольный гриль.

Бладсуорт, как известно, служил лейтенантом полиции. И

он только что услышал о покушении на убийство, хотя я уверена, что Салли собиралась только сломать мужу ноги, а не убивать его. Однако Уайатт выглядел так, словно только что случайно оказался в параллельном мире.

– Она не сможет простить его? – уточнил он странным, чужим голосом. – Но ведь это она пыталась его убить!

– Да, – подтвердила я. – Ну и что же?

Мама пояснила:

– Ведь он переделал, вернее, погубил ее любимую спальню.

Как еще объяснить этому человеку очевидное?

– Наверное, мне лучше выйти, – устало произнес Уайатт и направился вслед за папой. Вообще-то нам с мамой показалось, что парень просто сбежал. Не знаю, чего он ожидал. Возможно, думал, что мы будем страстно обсуждать мое нынешнее состояние и сложившуюся ситуацию в целом. Но ведь вам уже известна моя манера мысленного танца, когда я стараюсь не думать о чем-то. Этому я научилась у мамы. Нам с ней гораздо легче разговаривать о том, как Салли пыталась убить Джаза, чем думать о чьих-то упорных попытках убить меня.

И все-таки тема очень напоминала гориллу весом в девятьсот фунтов: мы могли посадить ее в угол, но забыть все равно было невозможно.

Появилась Шона. Она заехала домой и переоделась в шорты и футболку. Впорхнула Дженни, прекрасная и жизнера-

достная, в бледно-желтом платье, великолепно оттенявшем изумительную кожу. Ее тоже пришлось посвящать в подробности аварии. Это и определило тему разговора за столом, над сочными жареными сосисками.

– Завтра мне предстоит разговор с бывшим мужем Блэр, – заявил Бладсуорт, когда мама поинтересовалась насчет плана действий. – Правда, сама Блэр утверждает, что он непричастен, но статистика советует проверить и такой вариант.

Я пожалала плечами:

– Только напрасно потратишь время. Я же говорила, что после развода ни разу с ним не встречалась и не разговаривала.

– И тем не менее, как только стало известно о твоём ранении, он позвонил и оставил на автоответчике нежное послание, – поведал лейтенант моему крайне заинтригованному семейству.

Шона откинулась на спинку стула и задумчиво произнесла:

– Вполне вероятно, Джейсон хотел бы снова с тобой сойтись. Возможно, жизнь со второй женой складывается не слишком гладко.

– Ну вот, значит, есть еще одна весьма веская причина для беседы, – подчеркнуто резко вставил Уайатт.

– Трудно представить, что Джейсон способен к насилию, – заметила мама. – Этого парня слишком волнует внешняя сторона событий. Но в то же время для защиты собственной

политической карьеры он готов на многое.

– А на убийство он способен ради карьеры? – спросил Бладсуорт, и все замолчали. Дженни разглядывала серебряные кольца на пальцах и не поднимала глаз.

– Но я вовсе не угрожаю его политической карьере, – объяснила я. – О Джейсоне мне и сейчас известно только то, что было известно раньше. Абсолютно ничего нового. Так с какой же стати он вдруг решил бы меня прикончить?

– Возможно, причина не в изменении твоей ситуации; может быть, изменились его личные обстоятельства. Например, он решил попробовать что-нибудь более серьезное, чем законодательные органы штата, скажем, пост губернатора или конгрессмена.

– И потому решил убить меня и покончить с прошлым? Неужели такое возможно?

– Да как сказать... Он умен или просто считает себя умным?

Мы все переглянулись. Проблема заключалась в том, что Джейсон не был дураком, но и не обладал таким умом, какой сам себе приписывал.

– Ну хорошо, допрашивай, – наконец согласилась я. – Но мотив здесь все-таки не просматривается.

– До определенного времени мотив не просматривается почти ни у кого, – возразил Уайатт, – но это вовсе не отменяет подозрений.

– Понятно. Раз мне не удастся направить тебя на какого-то

конкретного человека, то подозревать придется всех вокруг.

– Но, Уайатт, пока не будет найден виновный, – подала голос мама, – каким образом вы собираетесь обеспечить безопасность Блэр? Она не может ходить на работу, не может оставаться в собственном доме. Удивительно, как ты решился привезти ее сюда, к нам.

– Я хотел отказаться, – признался Бладсуорт. – Но потом взвесил все «за» и «против». Я в состоянии защитить Блэр по дороге к машине и от машины, могу обеспечить ее безопасность при отъезде. До тех пор пока преступник не подозревает, что мы с Блэр вместе, и не знает, где я живу, ей ничто не угрожает. Кто-нибудь из вас делился информацией с посторонними?

– Я даже Салли ни слова не сказала, – заверила мама. – Она все равно сейчас не в состоянии ничего воспринимать.

– Я тоже никому ничего не говорила, – поддержала маму Шона. – На работе мы разговаривали о ранении Блэр, но совершенно не вдавались в детали.

Дженни покачала головой:

– Аналогично.

– В таком случае наше семейство вне подозрений, поскольку мне и в голову не пришло бы обсуждать личную жизнь дочери, – заключил папа.

– Хорошо. Пусть так будет и дальше. Уверен, что моя мама тоже не проронила ни слова. Блэр, а ты сама никому ни-

чего не рассказывала?

– Никому, даже с Линн не поделилась. Сам знаешь, нам и без того было что обсудить.

– Значит, вернемся к первоначальному плану. Блэр останется у меня, на работу ездить пока не будет. Больше того, после сегодняшнего вечера и вплоть до успешного завершения дела вы ее не увидите. Разговоры по телефону разрешаются, а личные контакты полностью отменяются. Понятно?

Все послушно кивнули. Лейтенант выглядел вполне удовлетворенным.

– Детективы прочесывают квартал, где живет Блэр. Опрашивают всех, даже маленьких детей. Может, кто-нибудь заметил возле машины чужого, но в тот момент просто не придал этому значения.

Лично у меня операция вызывала большие сомнения. Хотя бы уже потому, что я не парковалась, как все, перед домом, у края тротуара, а значит, мою машину было почти не видно. Человек вполне мог подобраться незамеченным сзади и скользнуть под машину. Если, конечно, именно в эту минуту кто-нибудь из соседей не смотрел в кухонное окно.

Вопреки очевидности я продолжала винить в попытках убийства Дуэйна Бейли. Он был единственным, кто мог иметь мотив, хотя на самом деле даже у него этого мотива не было. Бейли просто не знал, что я не в состоянии его опознать. То обстоятельство, что подозреваемый располагал подтвержденным алиби, нарушало мое душевное равнове-

сие, ведь тогда следовало признать, что еще кому-то вдруг срочно понадобилось меня прикончить. Я не интересовалась женатыми мужчинами, никого не обманывала и старалась со всеми поддерживать хорошие отношения – конечно, если меня не провоцировали на иное поведение.

– Но если личных мотивов нет, значит, дело в бизнесе, так ведь? – размышляла я вслух. – Деньги. Что еще? Но ведь я никого не обманула и, открыв клуб «Фанаты тела», никому не перешла дорогу. Здание купила и отремонтировала уже после того, как спортивный зал Хэллорана прекратил существование. У кого-нибудь есть свежие идеи?

Головы вокруг стола отрицательно и недоуменно закачались.

– Просто какая-то тайна, – наконец произнесла Шона, высказав общее мнение.

– А вообще каковы самые распространенные мотивы убийства? – поинтересовался папа и начал загибать пальцы: – Ревность, месть, жадность. Что еще? Политику и религию можно смело исключить, так как, насколько мне известно, политикой Блэр не интересуется и религиозным фанатиком ее назвать очень трудно. И это не тот случай, когда кто-то теряет самообладание и действует импульсивно. Так ведь, Уайатт?

Уайатт покачал головой:

– Обе попытки были подготовлены заранее. Если идти дальше, то обе были совершены мужчинами...

– Как ты это вычислил? – быстро отреагировала Шона. Ее всегда увлекали интеллектуальные дискуссии, даже в том случае, если речь шла о неоднократных попытках прикончить ее собственную сестру.

– Стреляли не из пистолета: расстояние слишком велико. Мы знаем, где именно находился убийца, так как нашли отстрелянную гильзу. Выстрел сделан из винтовки двадцать второго калибра, которых в нашем городе полным-полно. Нельзя сказать, что оружие очень мощное, но при должной сноровке вполне способно убить человека. Кроме того, снабжено глушителем. Во время выстрела Блэр нагнулась, и потому пуля задела руку, а не жизненно важные области. Женщины могут стрелять из пистолета, но очень редко берут в руки винтовку. Она требует практики и мастерства в стрельбе на дальние расстояния, а женщин, как правило, подобные занятия не интересуют.

– А что насчет тормозов? – задала наводящий вопрос мама.

– Здесь сидят четыре вполне современные женщины. Будьте добры, скажите, хоть одна из вас знает, где именно расположен тормозной шланг?

Мама, Шона и Дженни молчали.

– Где-то под машиной, – первой обрела голос я. – Ведь вы все туда лазили.

– А раньше ты это знала?

– Нет. Понятия не имела.

– Под машиной немало трубок и проводов. Как бы ты определила, какую из них необходимо перерезать?

– Пришлось бы кого-нибудь спросить. Или на всякий случай перерезать все, что есть.

– Значит, я прав. Женщины не склонны настолько прилежно изучать машину, чтобы знать, где именно находится тормозной шланг.

– Но ведь можно взять книгу и посмотреть, что это такое и где находится, – возразила я. – Если бы мне вдруг действительно позарез понадобилось испортить тормоза, я непременно нашла бы способ это сделать.

– Хорошо, тогда еще один вопрос. Если бы ты решила кого-нибудь убить, то какой бы путь выбрала?

– Чтобы убить человека, – стала рассуждать я, – прежде всего надо очень-очень его возненавидеть или очень-очень испугаться. Или защищать себя и того, кого любишь. Ну, а средство можно выбрать любое: какой-нибудь инструмент, камень или даже голые руки.

– Именно так поступили бы почти все женщины, и никаких приготовлений им не понадобилось бы. Заметьте, я сказал «почти все», а не «все», однако статистика все же требует искать мужчину. Согласны?

Все дружно, как по команде, кивнули.

– Если бы я просто на кого-то рассердилась, в частности на женщину, то поступила бы иначе, – заметила я.

На лице Уайатта было написано, что он понимает

неуместность вопроса, но все-таки спрашивает.

– И как же?

– Непременно провела бы тщательную подготовку. Возможно, подкупила бы парикмахершу, чтобы она сделала с волосами ненавистной врагини нечто ужасное. Или что-нибудь еще в том же роде.

Уайатт упер подбородок в сцепленные пальцы и смерил меня долгим внимательным взглядом. В глубине зеленых глаз таилась улыбка.

– Страшная, опасная, злая и коварная женщина, – наконец подытожил он.

Папа, не выдержав, рассмеялся и хлопнул соратника по плечу:

– Совершенно верно. Не забывай об этом, брат.

Глава 22

Мама не могла меня отпустить, не поработав над синяками. Шона и Дженни помогли, чем могли: держали пакеты со льдом, умащивали мою физиономию витаминным кремом, пластинками тонко порезанного огурца и пакетиками чая, смоченными в ледяной воде. За исключением витамина К, все это были вариации на тему холодных примочек. Но зато маме и сестрам процедуры приносили ощущение собственной полезности, а обо мне и говорить нечего: суета вокруг моей персоны заставляла чувствовать себя любимой и защищенной. У папы и Уайатта хватило такта держаться в стороне от сложных манипуляций, и они развлекались игрой в мяч.

– Мне однажды довелось попасть в аварию, – рассказала мама. – Мне тогда было пятнадцать лет. Я возила сено, и в повозку въехал пикап. За рулем сидел Пол Харрисон. Ему уже исполнилось шестнадцать, и он был одним из немногих в нашей школе владельцев автотранспорта. Я совсем не пострадала, во всяком случае, так мне показалось поначалу; однако на следующее утро все тело ломало так, что-каждое движение давалось с большим трудом.

– К этому идет, – огорченно констатировала я. – И даже повозки у меня нет. Обделена со всех сторон.

– Главное, не принимай аспирин, – авторитетно предупредила Шона. – От него синяки проявятся еще сильнее. По-

пробуй массаж или джакузи.

– И упражнения на растяжку, – добавила Дженни. Она стояла за моей спиной и осторожно разминала мне плечи. Когда-то сестричка закончила курсы массажа – как она сама говорила, ради развлечения, – и теперь в случае необходимости мы все обращались именно к ней.

В обычной обстановке Дженни болтала без умолку, но сегодня почему-то вела себя очень тихо. Причем не дулась, как это иногда случалось, а просто выглядела задумчивой и отстраненной. Честно говоря, меня очень удивил тот факт, что она осталась, чтобы сделать массаж; обычно ей требовалось срочно бежать к друзьям, на свидание, на вечеринку или еще куда-нибудь. Я же всегда ценила часы, проведенные в кругу семьи, но, к сожалению, работа в «Фанатах тела» отнимала столько времени, что такое удовольствие можно было себе позволить лишь изредка.

Мама подробно рассказала нам о неприятностях с компьютером, причем в ее изложении фигурировало множество далеких от техники, но крайне удобных в употреблении слов, таких как «штучка», «фиговина», «ерунда» и прочее. В целом мама прекрасно справляется со своей техникой и не видит необходимости учить термины, которые считает ненужными или даже глупыми. Ведь, например, понятие «материнская плата» можно описать и другими, нормальными выражениями. На мамином языке «материнская плата» – это «та главная хреновина». И я вполне понимаю маму. Де-

ло в том, что техническая служба вовсе не оправдала ожиданий. Ребята приехали, сняли программу, потом загрузили снова. Возились долго, но так ничего и не исправили. Мама жаловалась, что они заставили ее просто сначала все вынуть, а потом засунуть обратно.

Но все в конце концов кончается. Закончился и приятный вечер в доме родителей. Пришло время уезжать. Уайатт подошел к двери. Он не произнес ни слова; просто смерил меня тем взглядом, которым всегда смотрят мужчины, когда собираются уходить. В выражении лица читались нетерпение и вопрос: «Ты готова?»

Взглянув на него, Шона шепнула мне:

– Все, клиент созрел.

– Знаю, – ответила я и быстро встала.

– Клиент? – переспросил Уайатт и оглянулся через плечо, словно ожидал увидеть за спиной еще кого-то.

Мы, четыре женщины, моментально повторили и выражение его лица, и движение. Бладсуорт что-то пробормотал, резко повернулся и направился к папе. Было слышно, как они разговаривают. По-моему, папа раскрывал менее опытному собрату наиболее тонкие моменты жизни в семье, состоящей из одного мужчины и четырех женщин. Уайатт внимательно слушал: он был толковым парнем и любил учиться – в отличие от Джейсона, который считал, что и сам все знает.

Однако время приятного общения с родными действи-

тельно истекло. К тому же пудингом требовалось заняться именно сегодня, потому что улучшения самочувствия ждать не приходилось.

Сам собой возник вопрос о том, как я проведу завтрашний день. На этот счет у меня имелись собственные мысли.

– Не хочу ехать к твоей маме, – заявила я, когда мы уже сидели в машине. – Не потому, что она мне не нравится; напротив, по-моему, она просто обворожительна. Но просто завтра мне будет так плохо и грустно, что лучше я останусь в твоём доме, чтобы можно было чувствовать себя совсем свободно и в любую минуту прилечь.

При свете приборной панели я заметила быстрый тревожный взгляд.

– Остаться на весь день одной – не лучшее решение.

– Но ведь если бы ты не считал свой дом абсолютно надёжным, то ни за что не повез бы меня туда.

– Дело не в этом. Меня волнует твоё физическое состояние.

– Мне хорошо известно, как бороться с мышечной болью. Подобное случалось и раньше. Как ты обычно себя чувствовал на следующий день после тренировки по рукопашному бою?

– Так, как будто меня долго избивали дубиной.

– Тренировки группы поддержки – примерно то же самое. Я быстро научилась поддерживать форму круглый год, так что совсем плохо не было никогда, но все же первую неде-

лю сезона не назовешь слишком радостной. – Тут я кое-что вспомнила и вздохнула: – Конечно, хорошо бы было остаться дома и отдохнуть в свое удовольствие. Но ведь завтра страхового агент должен оформить арендованную машину, так что мне придется ее забрать.

– Дай координаты агента, и я все сделаю сам.

– Как?

– Очень просто. Машину доставят мне. Я отгоню ее домой. Потом, например, твой папа заедет и отвезет меня на работу, чтобы я смог забрать свою. Пока не поймаем негодяя, тебе в городе делать нечего.

Вдруг мне в голову пришла ужасная мысль.

– Так, значит, и моя семья в опасности? Этот человек может использовать моих родных, чтобы добраться до меня?

– Не нагнетай страхов. Пока что враждебность направлена исключительно на тебя. Кто-то явно считает тебя в чем-то виноватой и жаждет отмщения. Да, ситуация выглядит именно так: месть. Трудно сказать, в чем причина – в бизнесе или личной жизни, но убийца явно пытается мстить.

Как я ни старалась, повода для мести придумать мне так и не удалось. В каком-то смысле непонимание того, почему меня хотят убить, оказалось еще тяжелее реальной опасности. Было очень важно разгадать тайну. Ведь если я пойму почему, то наверняка вычислю, кто это мог сделать.

Нет, дело не в бизнесе. Такого просто не могло быть. Я очень аккуратна и методична в делах, потому что страшно

боюсь Внутренней налоговой службы. По-моему, страшнее ВНС нет и не может быть ничего на свете. Как правило, я даже немного завышаю налоговые декларации и не требую вычетов и скидок, чтобы в случае аудиторской проверки располагать некоторой свободой действий. Надеюсь, что если в итоге проверки мне придется не платить, а получать, аудиторы быстро от меня отстанут.

Я ни разу никого не уволила с работы. Правда, некоторые сотрудники ушли, подыскав более подходящее место, но обычно я всегда тщательно подбирала людей и не спешила заполнить вакансию первой попавшейся кандидатурой. Нанимала хороших работников и хорошо к ним относилась. Никто из сотрудников не стал бы меня убивать, потому что это то же самое, что пилить сук, на котором сидишь.

Значит, оставались только личные мотивы. С чего же начать? Я чувствовала себя рыцарем на распутье.

– Думаю, школьные события можно не учитывать, – предложила я.

Уайатт кашлянул.

– Скорее всего ты права, хотя иногда подростковые проблемы дают серьезные осложнения. Ты состояла в какой-нибудь группировке?

Мы с Уайаттом учились в разных школах. Кроме того, он был на несколько лет старше и поэтому о моих школьных годах почти ничего не знал.

– Можно сказать, да, – подтвердила я. – Ведь я выступала

в группе поддержки, так что у меня был езой круг общения, хотя и была одна подруга со стороны. Она даже не ходила на игры.

– И кто же это?

– Ее звали Клео Клеланд. Попробуй-ка быстро повторить хотя бы трижды. По-моему, такое имя можно было дать только с хорошего бодуна. Родители Клео приехали из Калифорнии, так что поначалу ей пришлось не так-то и легко. Тем более что ее мать была помешана на природной красоте и чистоте, отчего Клео не разрешали даже пользоваться косметикой. Поэтому мы с ней приходили в школу пораньше, и я приносила косметичку. Запирались в туалете, и там я приводила подругу в порядок на целый день, чтобы избавить ее от насмешек. Представляешь, первое время она и понятия не имела, что такое косметика. Просто ужасно!

– Да уж, – пробормотал Уайатт.

– Когда Клео начала встречаться с парнями, проблем прибавилось, так как приходилось придумывать способ накраситься, чтобы не заметила мать. К счастью, к этому времени она уже научилась пользоваться косметикой самостоятельно, так что обходилась без моей помощи. Но оставался постоянный страх, что парень увидит ее без грима – это было бы истинной катастрофой.

– Вот уж в этом я ничего не понимаю. Главный специалист по косметике – ты.

– Мне уже не шестнадцать лет, и на многое я теперь смот-

рю иначе. А в шестнадцать я бы скорее умерла, чем позволила кому-нибудь увидеть свое настоящее лицо. Почему-то в этом возрасте девочки считают, что хорошенькими их делает исключительно косметика. Почти все. Я так не думала, потому что у меня была мама. Она еще в начальной школе научила нас краситься, так что особого значения этому занятию мы не придавали. Видишь ли, косметику надо воспринимать не как камуфляж, а как оружие.

– А мне необходимо это знать? – вслух задумался Уайатт.

– Может быть, и нет. Большинство мужчин просто не в состоянии понять столь тонкую материю. Но и мне в шестнадцать лет все-таки пришлось пройти через сложный период – из-за необходимости бороться с лишним весом.

Бладсуорт смерил меня удивленным взглядом.

– Неужели ты была толстушкой? – Я шлепнула его по руке.

– Разумеется, нет. Но я выступала в группе поддержки и должна была выглядеть не просто хорошо, а великолепно. Больше того, я ведь была флаером, то есть той из девушек, которую подкидывают.

– Флаером?

– Ну, так называют ту, которая летает. Группа поддержки подкидывает одну из участниц на самую вершину пирамиды. Большинство этих птичек имеют рост около пяти футов и двух дюймов и ограничивают вес сотней фунтов, чтобы подругам было легче. А я выше, и поэтому могла себе позволить весить фунтов на пятнадцать больше, даже оста-

ваясь внешне худенькой. Но приходилось тщательно следить за весом.

– Боже мой, да ты, наверное, выглядела совсем спичкой. – Уайатт снова внимательно посмотрел на меня. Сейчас я вешу сто двадцать пять фунтов, однако благодаря своей спортивной форме кажусь фунтов на десять – пятнадцать легче.

– Да, но при этом нельзя было забывать и о силе, – напомнила я. – Мускулатура была просто необходима. А с мускулатурой никогда не будешь выглядеть тощей. Так что мне удавалось оставаться и сильной, и стройной.

– А цель оправдывала такие мучения? Ведь все усилия направлены только на то, чтобы прыгать и махать помпончиками во время футбольного матча.

Видимо, этот человек совсем ничего не понимал в группах поддержки. Я смерила Уайатта презрительным взглядом.

– Видишь ли, в колледже за эту работу я даже получала стипендию, так что не сомневаюсь, что цель в полной мере оправдывала средства.

– Неужели за такие дела назначают стипендию?

– Назначают же стипендию парням, которые гоняют по полю мячик. Так чем хуже группа поддержки?

К счастью, у лейтенанта хватило мудрости сойти с узкой тропинки спора.

– Вернемся к школьным дням. Ты, часом, ни у кого не увела парня? – Я презрительно фыркнула:

– Еще чего! Мне хватало своих.

– А со стороны на тебя не заглядывались?

– Разумеется, заглядывашь, ну и что? У меня был постоянный друг, а на остальных я просто не обращала внимания.

– И кто же был этим постоянным? Джейсон?

– Нет, Джейсон появился только в колледже. А в школе я встречалась с Патриком Хейли. В двадцать лет он погиб – разбился на мотоцикле. Расставшись, мы с ним не поддерживали отношений, так что я даже не знаю, была у него девушка или нет.

– С Патриком все ясно. А где сейчас Клео Клеланд?

– В Роли-Дареме. Она химик. Примерно раз в год мы встречаемся, вместе обедаем и ходим в кино. Она замужем, ребенку четыре года.

Насчет Клео Бладсуорт тоже мог не волноваться. Она до сих пор оставалась моей близкой подругой. Кроме того, она, естественно, была женщиной, а Уайатт сказал, что убить меня пытался скорее всего мужчина.

– Но ведь кто-то должен существовать. Кто-то, о ком ты не вспоминала уже много лет.

Да, он был прав. Мотив нападений личный, а значит, покушался кто-то из знакомых. Но я понятия не имела, кто именно.

Озарение пришло внезапно.

– Знаю! – воскликнула я.

Уайатт вздрогнул и моментально напрягся.

– Кто?

– Это наверняка одна из твоих девушек!

Глава 23

Машина резко вильнула. Уайатт выровнял ее и быстро взглянул на меня:

– Как ты до этого додумалась?

– Очень просто. Если дело не во мне, значит, в тебе. Я человек миролюбивый и не нажила врагов. Во всяком случае, ничего о них не знаю. Рассуждаем дальше. Когда произошло первое покушение? Сразу после возвращения с моря. Твое поведение после вечера четверга, когда убили Николь...

– Мое поведение? – В голосе Уайатта послышалось возмущенное изумление.

– Ты же сказал сотрудникам, что мы вместе, так ведь? Хотя на тот момент между нами еще равным счетом ничего не произошло. Я заметила, как люди на меня смотрели, и ни один из пятидесяти полицейских не пришел на помощь, когда ты начал заниматься рукоприкладством. Из всего этого можно сделать вывод, что кое-кто соврал, сказав всем, что мы встречаемся.

Бладсуорт недовольно нахмурился:

– Но я вовсе не занимался рукоприкладством.

– Перестань цепляться за несущественные детали. Тем более что ты действительно хватал меня руками. Ведь я права? Растрезвонил о наших отношениях?

– Да. Потому что так оно и есть.

– На этот счет можно поспорить.

– Мы живем вместе. Спим вместе. Так неужели после всего этого в наших отношениях остается какая-то неясность?

– Да. Потому что мы даже ни разу не назначили друг другу свидание, а все, что между нами происходит, временно. Итак, с кем ты встречался и ради кого так резко меня бросил?

Несколько секунд Бладсуорт мрачно, тяжело молчал. И даже скрипел зубами. Правда, я слышала звук. Потом наконец поинтересовался:

– Из чего ты заключила, что я с кем-то встречался? – Я закатила глаза.

– О, ради Бога! Ты сам прекрасно знаешь, что за тебя и умереть не жалко. Женщины, наверное, записываются в очередь.

– Нету меня никаких женщин... А что, ты действительно считаешь, что за меня не жалко умереть? Хм...

Он казался откровенно польщенным. Зато я уже была готова биться головой о приборную панель, если бы это не было так больно. Но на данный момент мне и без того вполне хватало синяков и ссадин.

– Уайатт! – заорала я. – С кем ты встречался?

– Так, чтобы постоянно, – ни с кем.

– Вообще не обязательно «постоянно», вполне достаточно просто встречаться. Дело в том, что женщинам свойственно формировать далекие от реальности представления и ожида-

ния. Иногда одного свидания достаточно, чтобы отпра-виться выбирать свадебное платье. Так какая же из твоих подруг оказалась последней в списке? Возможно, она считала, что происходит нечто серьезное, и, когда ты помчался за мной на море, обезумела от ревности? Может быть, как раз в тот четверг, когда убили Николь, у тебя было свидание с ней?

Обратите внимание, как ловко я ввернула этот вопрос. Честно говоря, он давно не давал мне покоя.

Мы уже подъехали к дому лейтенанта Бладсуорта. Уайатт притормозил и свернул на дорожку.

– Нет, в тот вечер я проводил занятия по самообороне для женщин, – к моей искренней радости, сообщил он. – Не думаю, что твоя теория состоятельна, потому что... о Боже, да я почти два месяца ни с кем не встречался! Моя светская жизнь вовсе не настолько активна, как тебе представляется.

– А твоя последняя подруга? Ты встречался с ней не один раз?

– Наверное, пару раз... да. – Уайатт заехал в гараж.

– Ты с ней спал?

Ответом послужил осуждающий, раздраженный взгляд.

– Кажется, я начинаю понимать, зачем тебе нужен этот неофициальный допрос. Нет, я с ней не спал. Больше того, между нами даже не пробежала искра.

– Это в тебе искра не пробежала, а в ней, возможно, очень даже пробежала.

– Нет, – решительно отрезал Уайатт. – Ничего не пробе-

жало. Вместо того чтобы копаться в моем прошлом, ты бы лучше повнимательнее заглянула в собственное. Ты кокетка, а кто-то из мужчин вполне мог воспринять кокетство всерьез.

– Я не кокетка! Перестань приклеивать мне этот ярлык!
– Уайатт обошел вокруг машины и открыл пассажирскую дверцу. Нагнулся и бережно сгреб меня с сиденья, чтобы большим негнущимся мышцам не пришлось делать лишнего усилия. Потом так же бережно поставил меня на ноги.

– Еще какая кокетка, – стоял он на своем. – Просто сама не отдаешь себе отчета, кокетство – твоя вторая натура.

Бладсуорт так выразительно произносил слово «кокетка», что в конце концов мне надоело его слушать. Да, иногда я действительно флиртую, но это вовсе не превращает меня в записную кокетку. И я совсем не финтифлюшка. Никогда не могла и сейчас не могу обвинить себя в легковесности, а Уайатт упорно пытается превратить меня в типичную глупую и пустую блондинку.

– Ну вот, теперь надулась, – заметил он, проводя пальцем по моей нижней губе. Возможно, она действительно немножко выпятилась. Уайатт наклонился и поцеловал меня – медленно, тепло и нежно. Поцелуй согрел и утешил, наверное, потому, что мы оба знали, что дальше него не продвинемся ни на шаг. Уайатт целовал меня просто для того, чтобы поцеловать, а не для того, чтобы заманить в постель.

– С чего это вдруг такие нежности? – поинтересовалась

я, едва он отстранился, причем постаралась придать голосу сварливый оттенок, чтобы не было заметно, насколько мне приятен этот неожиданный поцелуй.

– Просто так, потому что выдался очень тяжелый день, – ответил Уайатт и поцеловал меня еще раз.

Я вздохнула и позволила себе расслабиться: ведь день действительно оказался просто ужасным. На этот раз Бладсуорт не разомкнул объятий даже после того, как поцелуй закончился; он нежно прильнул щекой к моей макушке.

– Оставь полицейскую работу полицейским, – попросил он. – Если, конечно, не вспомнишь вдруг о каком-нибудь заклятом враге, который грозился тебя убить. В этом случае сразу расскажи.

Я обиженно отвернулась и нахмурилась:

– Значит, ты все-таки считаешь, что я настолько тупа, что не в состоянии сразу вспомнить важный факт собственной биографии?

Бладсуорт вздохнул:

– Этого я не сказал. И не мог сказать, потому что ты вообще не тупа. Ты обладаешь массой самых разных качеств, но тупости среди них нет.

– О, неужели? Так какие же это качества? – В душе кипела откровенная злость, потому что было больно и страшно, и эти отвратительные ощущения требовалось как можно скорее на кого-нибудь выплеснуть. Уайатт казался большим и сильным, следовательно, вполне мог выдержать натиск.

– Отвратительные, – с выражением произнес он, и я едва его не стукнула. – Раздражающие. Ты упряма и в то же время хитра, потому что в нужный момент готова прикинуться простенькой блондиночкой и таким образом получить желаемое. Очевидно, прием работает безупречно. За ходом твоих мыслей уследить невозможно. Вдобавок ты безрассудна, забавна, сексапильна. И при этом совершенно восхитительна.

Да уж, в этом мире хитростью отличаюсь не одна я. Все шло к приступу ярости, и вдруг негодник совершенно обезоружил меня. Так, значит, он находит меня восхитительной? Узнать об этом оказалось удивительно приятно. Уайатт снова наклонился и поцеловал меня в губы, добавив:

– За такую и умереть не жалко. – Я прищурилась:

– Это девчачья фраза. Парни так не должны говорить. – Уайатт выпрямился.

– Это почему же?

– Слишком по-женски. Тебе лучше сказать что-нибудь в духе мачо, например, «я готов принять за тебя пулю». Чувствуешь разницу?

Бладсуорт изо всех сил прятал улыбку.

– Еще как чувствую! Пойдем в дом.

Я вздохнула. Предстояло приготовить целых два пудинга, а сил не было. Но обещание есть обещание. Нет, конечно, сотрудники полицейского департамента даже не знали, что я собиралась угостить их пудингом, но мысленное обещание тоже считается.

Уайатт достал с заднего сиденья пакет с пончиками и сгущенным молоком, потом открыл багажник и вытащил большой джутовый пакет с торчащими из него зелеными ниточками. Аккуратно закрыл багажник и хмуро взглянул на пакет.

– Что это? – удивилась я.

– Ты же просила куст. Вот тебе куст.

Растение выглядело несчастным и пожухшим. Жалкие зеленые ниточки, должно быть, когда-то были ветками.

– И что же с этим кустом делать?

– Но ты же заявила, что в доме нет ни единого растения и от этого в нем невозможно жить. Так вот тебе растение, пожалуйста.

– Но это же не комнатное растение! Это кустарник. Ты купил мне кустарник?

– Растение есть растение. Поставь его в комнате, и оно тут же станет комнатным.

– Совсем ничего не соображаешь, – набросилась я на Уайатта и выхватила несчастное создание из рук мучителя. – Ты весь день продержал его в багажнике? На такой жаре? Оно же задохнулось и теперь погибнет. Впрочем, может быть, мне и удастся его выходить при помощи неустанной нежной заботы. Будь добр, открой дверь. Надеюсь, ты догадался купить для него какой-нибудь еды?

Уайатт отпер дверь и осторожно уточнил:

– А что, разве растения едят? Поразительное невежество!

– Разумеется, едят. Все, что живет на свете, должно питаться. – Я взглянула на куст и печально покачала головой. – Впрочем, скорее всего этому несчастному существу пища уже не потребуется.

Пока провинившийся носил сумки, я направилась в ванную и начала обливать бедное растение прохладной водой.

– Срочно необходимо ведро, – потребовала я. – Причем ненужное, чтобы можно было пробить в дне дырки.

В этот момент Уайатт ташил из прачечной голубой пластиковый пакет. Услышав мои слова, остановился.

– Ты что, собираешься испортить хорошее ведро? Зачем?

– Затем, что ты умудрился приговорить несчастное растение к смерти. Ему срочно необходима вода, но корни размокнуть не должны. Это значит, что нужен хороший дренаж. Если в твоём хозяйстве не найдется нормального горшка с дырочками – а его, конечно, не найдется, поскольку здесь нет растений, – то придется испортить ведро.

– Вот потому-то мужчины и не заводят растений. Слишком сложно и много возни.

– Но растения украшают дом, создают уют и очищают воздух. Я бы ни за что не смогла жить в доме без растений.

Уайатт тяжело вздохнул:

– Хорошо, хорошо. Сейчас проковыряю в ведре дырки.

О, мой герой!

Герой взял дрель и быстро проткнул пластик. Через несколько минут несчастный кустик уже уютно сидел в соб-

ственной посудине. Корни пили воду, а все лишнее вытекало. Оставалось лишь надеяться, что к утру пациент оживет. Я включила духовку и начала собирать необходимые для приготовления пудингов продукты.

Уайатт положил руки мне на плечи и осторожно нажал, заставив опуститься на стул.

– Сядь, – попросил он. Мог бы и не просить, потому что я уже и так сидела. – Пудинги могу приготовить и я. Только говори, что делать.

– Зачем? Ты же все равно никогда меня не слушаешь.

Интересно, научусь я когда-нибудь держать язык за зубами?

– Я все-таки попытаюсь, – сухо возразил Бладсуорт. – Один-единственный раз.

Грандиозно, правда? Вообще-то, учитывая, какой у меня выдался день, он должен был по крайней мере торжественно пообещать, что отныне и впредь всегда готов обращать внимание на мои слова.

Потом я руководила приготовлением пудингов, что на самом деле вовсе не трудно. Разрывая прекрасные пончики на кусочки, Уайатт попросил:

– Объясни мне кое-что, пожалуйста. Эта пара, о которой рассказывала твоя мама: муж старался сделать жене приятное, а она за это решила его убить... Почему вы все дружно встали на ее сторону?

– Джаз хотел сделать Салли приятное? – переспросила я,

с ужасом глядя на того, кто мог такое сказать.

– Конечно. Пригласил специалиста, чтобы в подарок жене украсить общую спальню. Даже если ей не понравился стиль, почему бы просто не поблагодарить мужа за внимание и оригинальную идею?

– Ты считаешь нормальным то, что, несмотря на брак продолжительностью в тридцать пять лет, муж даже не заметил, с какой любовью его жена обставляла и обустроивала спальню и как эта спальня была ей дорога? Прекрасную старинную мебель раскупили сразу же, Салли даже не успела ничего вернуть. Потерю уже не возместишь.

– Какую бы любовь ни питала к ней дама, это всего лишь мебель. А мы говорим о ее муже. Неужели этот человек не заслужил лучшей участи, чем погибнуть под колесами машины собственной жены?

– Правильно. Он – ее муж, а она – его жена. Не кажется ли тебе, что и жена заслуживает лучшей участи, чем полное и окончательное разрушение всего, что ей дорого, в обмен на то, что она не приемлет? Наверное, после тридцати пяти лет совместной жизни можно было сказать дизайнеру, что бедная Салли ненавидит металл и стекло.

На лице Уайатта появилось выражение, показывающее, что он и сам не слишком склонен к ультрасовременности, однако словами он его не подкрепил.

– Так что же, женщина взбесилась только потому, что мужчина не знал, какой именно стиль спальни ей по душе?

– Нет, она почувствовала себя оскорбленной, когда поняла, что он всю жизнь не обращал на нее ни капли внимания. Не забывай к тому же, что Джаз продал ее любимые вещи.

– Но разве мебель в той же степени не принадлежала и ему?

– А разве он потратил месяцы на поиски каждой из драгоценных вещей? Сам, собственными руками довел все до совершенства? Я бы сказала, что спальня вообще не его.

– Пусть так. И все же это еще не повод для убийства.

– Видишь ли, на самом-то деле Салли вовсе не собиралась убивать мужа. Она всего лишь хотела заставить его почувствовать хотя бы часть той боли, которую испытывала сама.

– Тогда ей действительно следовало избрать в качестве оружия не машину, а газонокосилку. Ведь, несмотря на все страдания Салли, убей она этого бедолагу, мне пришлось бы ее арестовать.

Я немного подумала, а потом сделала вывод:

– Есть вещи, за которые не жалко и под суд пойти.

Правда, мне самой и в голову не пришло бы зайти так далеко, как Салли, но знать это Уайатту было совсем ни к чему. Женщины должны держаться вместе и проявлять солидарность, а этот случай мог стать для лейтенанта хорошим уроком: не вмешивайся в женские дела. Если бы Уайатт смог преодолеть привычку рассматривать события жизни только через призму нарушения закона, ему скорее удалось бы увидеть зерно истины.

– Женские глупости также важны для нас, как для мужчин важны их собственные игрушки, например машина... – Я замолчала, как громом пораженная, и уставилась на Уайатта. – У тебя же нет машины!

Да, единственной машиной в гараже был «форд», принадлежавший городскому муниципалитету и во весь голос кричавший: «Коп!»

– У меня есть машина, – миролюбиво ответил Уайатт, рассматривая две большие миски, в которые успел раскрошить сорок пончиков. – Что делать дальше?

– Разбей яйца. Я не говорю о казенной машине. А что случилось с твоей «тахо»?

Я помнила, что два года назад он ездил на большой черной «тахо».

– Отдал в счет покупки новой. – Уайатт быстро взбил два яйца, потом в другой мисочке взбил еще два.

– Какой новой? В гараже ничего нет.

– «Аваланш». Купил три месяца назад. Тоже черную.

– И где же она?

– У сестры. Лайза позаимствовала две недели назад, когда отдала в ремонт свою. – Уайатт нахмурился. – Вообще-то уже можно было бы и вернуть. – Секунду подумал, потом взял телефон, набрал номер и зажал трубку между плечом и подбородком. – Привет, Лиз. Вот вспомнил, что у тебя моя тачка. Твоя еще не готова? И в чем же проблема? – Сестра что-то объясняла. – Ну хорошо, ничего страшного. Я же

сказал , что просто вспомнил. – Уайатт замолчал, и в трубке снова раздался женский голос, однако слова оставались неразборчивыми. – Правда? Возможно. – Он засмеялся. – Да, это так. Подробности сообщу позже, когда все выяснится. Пока. Целую. Увидимся. – Уайатт отключился и положил телефон на место. Потом внимательно осмотрел поле кулинарной деятельности. – Итак, что же дальше?

– В каждую миску надо вылить банку сгущенного молока. – Я с любопытством взглянула на него. – Что значит «да, это так»?

– Ничего особенного. Просто одна проблема, над которой я сейчас работаю.

У меня возникло подозрение, что той проблемой, над которой он работал, была именно я. Однако для того, чтобы достойно вступить в поединок, требовалось находиться в нормальной физической форме, так что пришлось сделать вид, будто все в порядке.

– Когда будет готова ее машина?

– Надеется, что в пятницу. Правда, я подозреваю, что сестренке просто нравится водить мою. Ведь там присутствуют всевозможные лампочки, свисточки и колокольчики. – Уайатт подмигнул. – Раз тебе нравятся пикапы, то и мой экипаж тебе придется по вкусу. Кстати, он тебе очень пойдет.

Силы мои стремительно истощались, а потому я поспешила перечислить остальные необходимые ингредиенты: соль, корица, еще немного молока и ванильный сахар. Уайатт все

смешал, а потом разлил содержимое мисок по формам. Духовка уже нагрелась, и потому оставалось лишь поставить формы с тестом и завести таймер на тридцать минут.

– Все? – удивился Уайатт – процесс показался ему слишком простым.

– Все. Если не возражаешь, я почищу зубы и лягу спать. Когда таймер зазвенит, вытащи пудинги, заверни в фольгу и поставь в холодильник. Утром я приготовлю глазурь.

Я устало поднялась на ноги. Силы уже почти иссякли. Лицо лейтенанта смягчилось; не говоря ни слова, он взял меня на руки.

Я положила голову на надежное плечо.

– В последнее время тебе часто приходится это делать, – заметила я, пока Уайатт нес меня наверх. – Носить на руках женщину.

– Очень приятное занятие. Правда, лучше бы это происходило при других обстоятельствах. – Лицо Уайатта утратило нежность, выражение его стало мрачным. – Ты снова ранена, и терпеть это уже невозможно. Я готов собственными руками убить подлеца, который виноват в твоих страданиях.

– Ага! Теперь ты, наверное, понимаешь, какие чувства испытывала Салли! – торжествуя воскликнула я. Для завоевания лишнего очка годятся любые пути, хотя по большому счету я бы не рекомендовала такие методы, как огнестрельное ранение и автомобильная авария. С другой стороны, раз уж подобные события произошли, то почему бы этим

не воспользоваться? Глупо выбрасывать козырную карту, каким бы путем она ни досталась.

Я почистила зубы. Потом Уайатт помог мне раздеться и в буквальном смысле засунул в кровать, не забыв тщательно подоткнуть одеяло. Не успел он выйти из комнаты, как я уснула.

Проспала всю ночь напролет, не проснувшись даже тогда, когда он лег рядом. Разбудил меня только будильник. Уайатт протянул руку, чтобы его заткнуть, а я сонно прижалась к теплому плечу.

– Как ты себя чувствуешь? – Уайатт лег на спину и повернул ко мне голову.

– Могло быть и хуже. Во всяком случае, значительно бодрее, чем вечером. Конечно, я еще не пыталась встать с кровати. Под глазами чернота? – Я затаила дыхание, с опаской ожидая ответа.

Уайатт внимательно посмотрел.

– Ненамного больше, чем вчера. Наверное, помогло коллективное колдовство на кухне мамы.

Слава Богу. Сегодня непременно надо снова подержать на лице пакет со льдом – так, на всякий случай. Енот, конечно, замечательный зверь, но походить на него не очень-то хочется.

Уайатт не встал с постели, как, разумеется, и я. Он потянулся, зевнул и снова задремал. Под одеялом, ниже пояса, в это время происходили какие-то увлекательные события, и

мне очень бы хотелось выяснить, какие именно. Но ведь я твердо решила не заниматься с этим человеком сексом. Нет, формулировка не совсем точна; дело вовсе не в том, что мне не хотелось этого делать, – хотелось, и даже очень. Просто, на мой взгляд, мы не должны были этого делать до тех пор, пока не выясним и не урегулируем массу самых разных вопросов.

Чтобы в очередной раз не поддаваться искушению, я честно постаралась переключить внимание на другое и осторожно села в постели. Сидеть оказалось больно. Очень больно. Собрав все силы, я сползла с постели, встала и сделала шаг. Потом еще один. Согнувшись и волоча ноги, словно древняя старушка, поплелась в ванную.

Плохая новость заключалась в том, что мышцы болели гораздо сильнее, чем накануне, однако этого следовало ожидать. Но была и хорошая новость: я знала, как вывести собственный организм из подобного состояния. Завтра должно было стать гораздо лучше.

Пока Уайатт готовил завтрак, я приняла теплую ванну. Стало заметно легче. Помогли также пара таблеток ибупрофена, несколько осторожных упражнений на растяжку и первая чашка кофе. Кофе, конечно, в большей степени помог морально, но ведь и это тоже очень важно.

После завтрака я приготовила глазурь и покрыла ею пудинги. Рецепт совсем прост: всего лишь кусочек масла и пачка сахарной пудры, ароматизированной ромом. Содержание

сахара здесь, конечно, превышало разумные пределы, но уже от одной лишь мысли о первом кусочке текли слюнки. Уайатт даже и не пытался противостоять искушению; глазурь еще не успела застыть, а он уже отрезал солидный ломоть аппетитного пудинга и с жадностью набросился на него. Прикрыв глаза, промычал что-то невнятное, но явно одобрительное.

– Ну и вкусотища, черт возьми! – наконец объявил он. – А давай оставим себе оба?

– Если ты это сделаешь, я пожалуюсь на тебя твоим сотрудникам.

Лейтенант тяжело вздохнул:

– Ну хорошо, хорошо. Ты ведь будешь каждый год готовить такой пудинг на мой день рождения, правда?

– Теперь и сам умеешь его готовить, – по привычке возразила я, однако сердце подпрыгнуло от счастья: подумать только, быть с ним рядом год за годом, от одного дня рождения к другому... – Кстати, а когда твой день рождения?

– Третьего ноября. А твой?

– Пятнадцатого августа.

О Господи! Не то чтобы я очень верила в астрологию, но Скорпион и Лев – поистине гремучая смесь. Оба упрямы, горячи, несдержанны и вспыльчивы. Впрочем, я исключение из правила – я вовсе не вспыльчива. Но зато компенсирую это отклонение высшей степенью упрямства.

– О чем задумалась? – Уайатт осторожно провел пальцем

по моему наморщенному лбу.

– Ты Скорпион.

– Ну и что? – Он положил руку мне на тал ию и прижал к себе, одновременно наклоняясь и целуя за ухом. – Хочешь увидеть мое жало?

– А ты не хочешь узнать, чем плох Скорпион? Не то чтобы я очень верила в астрологию...

– Если ты сама не веришь в астрологию, то с какой стати мне интересоваться, чем плох Скорпион?

Безупречные логические построения отвратительны.

– Чтобы понимать, что с тобой творится.

– Я и так прекрасно понимаю. – Уайатт провел ладонью по моей груди и поцеловал в шею. – Творится следующее: блондинка ростом в пять футов и четыре дюйма, стройная, красивая, с чувственными губами и круглой упругой попкой, сводит меня с ума.

– Моя попа вовсе не упругая, – моментально возмутилась я. На самом-то деле я упорно работала над тем, чтобы ягодичи оставались твердыми.

– Ты же не видишь себя сзади, когда ходишь.

– Что правда, то правда.

Уайатт улыбнулся прямо мне в шею. Голова моя сама собой запрокинулась, я вцепилась в его плечи и совсем забыла, как больно двигаться.

– Она прыгает вверх-вниз, как два мячика. Тебе не приходилось замечать, как идущие следом мужчины вытирают

с подбородков слюни?

– Разумеется, приходилось, но я относилась это за счет какого-то сбоя в эволюции.

Уайатт весело рассмеялся:

– Возможно. Черт возьми, если бы только ты не была сейчас такой избитой и больной...

– На работу опоздаешь. – Не имело ни малейшего смысла кричать, что я ни за что не буду заниматься с ним сексом, потому что практика показала полное отсутствие у меня самообладания.

– И к тому же все сразу поймут, чем я занимался, если я явлюсь в департамент с улыбкой до ушей.

– В таком случае даже хорошо, что я избитая и больная, потому что и сама терпеть не могу, когда опаздывают на работу.

Раз уж на самообладание нельзя положиться, то стоит попробовать сыграть на собственных болячках и извлечь из них максимально возможную пользу. Не отрицаю, подход не особенно достойный, но «на войне, как на войне», тем более если противник побеждает.

Уайатт снова поцеловал меня в шею, просто для того, чтобы напомнить, что я теряю, хотя напоминания и не требовалось – я и так все прекрасно помнила.

– Чем собираешься заниматься в мое отсутствие?

– Посплю. Может быть, сделаю кое-какие упражнения из йоги, чтобы размять и растянуть мышцы. Поброжу по твое-

му дому и суну нос во все закоулки. Потом, если хватит времени, составлю алфавитный список имеющихся в наличии продовольственных запасов, наведу полный порядок в кладовке и займусь пультом дистанционного управления, чтобы телевизор сразу включался на канале «Лайфтайм». – Если честно, я даже не знала, возможно ли такое, но угроза прозвучала внушительно.

– Боже милостивый! – В голосе Уайатта был неподдельный ужас. – Одевайся быстрее. Поедешь со мной в департамент.

– Но ведь все равно не удастся отложить инспекцию навечно. Если хочешь, чтобы я здесь осталась, придется смириться с неизбежными последствиями моего присутствия.

Уайатт поднял голову и задумчиво прищурился.

– Ну хорошо, действуй. Только помни, что вечером придет отмщение.

– Я ранена, не забыл?

– Если ты в состоянии совершить все, что перечислила, то жалобы на здоровье не принимаются. Вечером все и выясним, договорились? – Он легонько хлопнул меня по попе. – Весь день буду предвкушать.

О, как уверен в себе этот человек!

Я пошла следом за Уайаттом наверх, посмотрела, как он принял душ и побрился, а потом села на кровать и принялась наблюдать за процессом облачения. Сегодня выбор пал на темно-синий костюм, белую рубашку и желтый галстук с

узкими темно-синими и красными полосками.

– Сначала отвезу пудинг ребятам – они будут страшно рады, – а потом встречусь с твоим бывшим мужем. – Лейтенант надел пиджак.

– Пустая трата времени.

– Вполне возможно. Но все-таки хотелось бы увидеть все своими глазами и услышать собственными ушами.

– А почему его не допрашивают Макиннис и Форестер? Как они относятся к тому, что начальство лезет в их работу?

– Во-первых, им и так дел хватает, а во-вторых, парни осознают личный компонент и потому идут на уступки.

– Коллеги очень возмущались, когда тебя повисили через их головы?

– Не без этого, конечно. Люди есть люди. Я стараюсь никому не наступать на мозоли, но то, что я их босс, они отлично понимают.

Я проводила Уайатта до гаража. На прощание он нежно поцеловал меня.

– Когда будешь бродить по дому и совать нос во все углы, ничего не выбрасывай, хорошо?

– Обещаю. Если, конечно, это не письма прежних подружек или что-нибудь подобное. Такие вещи обычно почему-то вдруг загораются. Сам знаешь, как это бывает.

Да, Бладсуорт должен знать, как это бывает: не случайно он собирался допрашивать Джейсона по подозрению в покушении на убийство только потому, что услышал на автоот-

ветчике его сообщение.

Уайатт широко улыбнулся.

– Никаких писем здесь нет, – успокоил он меня, садясь в машину.

Я, разумеется, наблюдала. Впереди простирался целый долгий день – без спешки, без забот, без разговоров. При таком огромном количестве свободного времени я просто не могла не посмотреть, как лейтенант Бладсуорт отправляется на работу. Наводить порядок в кладовке и устраивать ревизию припасов я не стала, так как эти занятия предполагали движение и поднятие тяжестей.

В результате весь день я провела в приятной праздности и неге. Посмотрела телевизор. Поспала. Загрузила в стиральную машину целый ворох грязного белья и придвинула к окну немного пришедший в себя куст, чтобы он мог увидеть солнышко. Это занятие тоже требовало движения и поднятия тяжестей, а значит, вызывало боль, но помощь растению того стоила. Потом я позвонила Уайатту на сотовый и напечатались на автоответчик. Оставила сообщение с просьбой купить кустику еды.

Уайатт перезвонил во время ленча.

– Как ты себя чувствуешь?

– Все болит, но в целом неплохо.

– Насчет Джейсона ты оказалась права.

– Видишь, я же говорила.

– У него такое алиби, что круче не бывает: сам шеф Грей.

Твой бывший муж и мой шеф в воскресенье днем играли в гольф в парном турнире в клубе «Литл крик», так что стрелять он никак не мог. Не вспомнила, кто еще мог бы попытаться расправиться с тобой?

– Понятия не имею. – Я и сама постоянно искала ответ на этот вопрос, но пока не могла придумать ничего стоящего. В итоге пришла к выводу, что кто-то пытался убрать меня по причине, неведомой мне самой. Радости эта мысль не доставила.

Глава 24

Когда вечером Уайатт приехал домой, за его машиной следовала еще одна – «таурус» зеленого цвета. Я вышла к гаражу, ожидая, что из прокатного средства передвижения появится отец, но вместо него неожиданно возникла Дженни.

– Привет. – Скрыть удивление мне не удалось. – А я думала, что машину пригонит папа.

– Он и собирался, да я напросилась тебя навестить, – объяснила Дженни, привычным жестом заправляя за уши длинные волосы. Потом отступила на шаг, чтобы Уайатт смог меня поцеловать. Губы его оказались теплыми и мягкими, а объятие бережным.

– Как прошел день? – поинтересовался он, нежно проведя пальцем по моей щеке.

– Абсолютно без происшествий, что и требовалось.

Действительно, спокойная безмятежность дня даже удивляла. Не произошло ровным счетом ничего, что могло бы хоть сколько-нибудь угрожать здоровью и жизни. Отрадная перемена. Я улыбнулась Дженни:

– Зайди, выпей чего-нибудь холодного. Я весь день сидела в доме и даже не знала, как сегодня жарко.

Уайатт пропустил гостью вперед. Сестра оглядывалась по сторонам, даже не пытаясь скрыть любопытства.

– Какой замечательный дом! – осмотревшись, восхити-

лась она. – Сколько здесь спален?

– Четыре, – ответил Уайатт, снимая пиджак и вешая его на спинку стула. Потом расслабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу на воротничке. – Девять комнат и три с половиной ванных. Хочешь, проведу экскурсию?

– Только по первому этажу, – улыбнулась Дженни. – Чтобы в том случае, если мама спросит, где и как вы спите, я могла честно ответить, что не знаю.

Мама наша вовсе не ханжа, а вполне современная и продвинутая дама, но она внушила дочерям, что уважающая себя женщина не должна спать с мужчиной, пока между ними не сложились устойчивые отношения. Под устойчивыми отношениями она понимала по меньшей мере обручальное кольцо на пальце. Мужчин же мама считала совсем простыми, почти примитивными созданиями, способными оценить только то, что досталось с большим трудом. В принципе подобная теория мне близка, хотя при применении ее на практике я считаю возможным некоторые отклонения. Я имею в виду собственную ситуацию. Уайатту вовсе не пришлось меня завоевывать, оказалось вполне достаточно нескольких поцелуев в шею. Мне оставалось лишь оплакивать тот день, когда он обнаружил эту мою вопиющую слабость. Впрочем, если говорить честно, то лейтенант Бладсуорт – первый и единственный мужчина, которому удалось так быстро подорвать мое самообладание.

Дженни небрежно бросила ключи от арендованной маши-

ны на кухонный стол и отправилась вслед за Уайаттом на короткую экскурсию по первому этажу. Здесь располагались кухня, утренняя гостиная, парадная столовая (пустая), большая гостиная (аналогично) и общая комната. Еще я обнаружила возле кухни небольшой кабинет, но сейчас Уайатт его пропустил. Помещение это было совсем маленьким, наверное, шесть на шесть футов, и больше подходило для кладовки или буфетной, а не для рабочего кабинета, однако хозяин обставил его по всем правилам: рабочий стол, секретер, компьютер, принтер, телефон. В секретере ничего интересного не оказалось. Компьютер я включила, немного поиграла в игры, которые нашла, но ни один из документов открывать не стала. Чувство меры и воспитание все-таки берут свое.

Когда Уайатт и Дженни вернулись в утреннюю гостиную, их уже ждали стаканы с охлажденным чаем. Уайатт взял один и залпом проглотил половину содержимого – только загорелый кадык энергично ходил вверх-вниз. Хозяин пытался принять гостью как можно любезнее, однако ему не удалось скрыть от меня своего настроения. Было件нятно, что полиции так и не удалось продвинуться в выяснении вопроса, кто и почему упорно пытался убить Блэр Мэллори.

Когда стакан опустел, Уайатт посмотрел на меня и улыбнулся:

- Твой пудинг имел шумный успех. Прикончили его за несколько минут, и все были на седьмом небе от счастья.
- Ты приготовила пудинг из пончиков? – восторженно воскликнула

Дженни, а потом закатила глаза и простонала: – Неужели ни кусочка не осталось?

Уайатт самодовольно ухмыльнулся:

– Дело в том, что предусмотрительно было приготовлено *два* пудинга и один из них все еще в холодильнике. Хочешь?

Дженни приняла предложение с энтузиазмом голодного волка, и Уайатт вытащил пудинг из холодильника. Я повернулась к буфету и достала два блюдца и две ложки.

– А ты сама? – слегка нахмурилась Дженни.

– Не могу. Я же сейчас не тренируюсь, а потому должна соблюдать диету.

Такое положение меня вовсе не радовало; чем сидеть и считать калории, куда приятнее час-другой попотеть. К тому же очень хотелось съесть хотя бы кусочек пудинга, но – увы – приходилось отложить удовольствие на будущее.

Мы уселись за стол, и Уайатт с Дженни вдохновенно принялись за дело. Я поинтересовалась, есть ли вообще какие-нибудь версии, и Уайатт тяжело вздохнул:

– Команда судебной экспертизы обнаружила за твоим домом, в грязи, след, и мы его проверили. Оказалось, это женские кроссовки.

– Наверное, мои, – предположила я, но Уайатт покачал головой:

– Только в том случае, если ты носишь размер восемь с половиной, а я точно знаю, что это не так.

Он был прав. Я ношу шесть с половиной. В нашей семье

ни у кого из женщин нет такого большого размера. У мамы – шестой, а у Шоны и Дженни – седьмой. Я постаралась вспомнить какую-нибудь подругу, которая носит обувь размером восемь с половиной и которая могла бы оказаться за моим домом, но в голову мне так ничего и не пришло.

– Ты, кажется, говорил, что скорее всего убить меня пытаются вовсе не женщина, – тоном обвинителя напомнила я.

– Я и сейчас так думаю. Снайперские выстрелы и игры с тормозами, как правило, вовсе не женские развлечения.

– Получается, что след ничего не значит?

– Скорее всего. Но хотелось бы, чтобы значил. – Уайатт устало потер глаза.

– Прятаться вечно невозможно. – Я сказала это не жалуясь, а просто констатируя очевидный факт. Ведь у меня была собственная жизнь, и если мне не давали ее прожить, это означало, что в определенном смысле преступник меня убил, хотя и не смог уничтожить физически.

– Может быть, этого делать и не придется, – нерешительно произнесла Дженни, пристально глядя в ложку, словно в ней уместился весь смысл жизни. – То есть я хочу сказать... я вызвалась пригнать машину потому, что много думала и сочинила план. Я могла бы надеть светлый парик и притвориться тобой, чтобы послужить приманкой в ловушке. Тогда Уайатт сможет поймать преступника и ситуация войдет в норму. – Последние слова сестренка выпалила с такой скоростью, что их едва можно было понять.

От удивления я широко раскрыла рот.

– Что? – Вопрос прозвучал пискляво и жалко. Более нелепое предложение придумать было трудно. Еще труднее было ожидать его от Дженни. Она ведь всегда прекрасно чувствовала, какую именно роль должна играть. Но сейчас шла моя игра!

– Я и сама могу сыграть роль приманки. Даже не понадобится тратиться на парик!

– Пожалуйста, позволь мне это сделать! – неожиданно взмолилась Дженни, и ее красивые глаза наполнились неподдельными слезами. – Позволь искупить свою вину. Я знаю, что ты так и не простила меня, и не обижаюсь, ведь я вела себя как последняя эгоистичная сучка: вовсе не думала о твоих чувствах. Но теперь я повзрослела и больше всего на свете хочу, чтобы мы с тобой были так же близки, как близки вы с Шоной.

Я так растерялась, что почти потеряла дар речи, а это случается с тобой далеко не каждый день. Открыла было рот, но тут же снова его закрыла – мозг бездействовал.

– Я завидовала тебе, ревновала, – тараторила Дженни с такой скоростью, словно боялась, как бы мужество не изменило ей. – Ты всегда пользовалась таким успехом, такой популярностью, что даже *мои* подруги считали тебя самой крутой в городе. Все старались делать такую же прическу, как у тебя, покупали помаду такого же цвета. Всеобщее помешательство! От поклонения просто тошнило!

Вот *такую* Дженни я хорошо знала. Сразу стало спокойнее: нет, инопланетяне не похитили тело младшей сестрички. Уайатт сидел неподвижно, он не сводил глаз с внезапно раскрывшего источника и ловил каждое слово. Мне же очень хотелось, чтобы он проявил такт и вышел, но еще больше хотелось самой внезапно обрести крылья и улететь куда подальше.

– Ты считалась гордостью группы поддержки, самой красивой и умной, самой спортивной, настоящей звездой класса. Тебе назначили спортивную стипендию, ты прекрасно училась и получила отличный диплом в управлении бизнесом, а в довершение всего вышла замуж за самого красивого парня на свете! – безутешно рыдала Дженни. – Он когда-нибудь непременно станет губернатором, а может быть, сенатором или даже президентом, и такой человек свалился к тебе в ладони, словно перезревшая слива! Я бешено завидовала и безумно ревновала, потому что, какой бы хорошенькой я ни была, всеравно мне никогда не удастся добиться того же, чего добилась ты. Мне всегда казалось, что мама с папой любят тебя больше! И даже Шона любит тебя больше! Вот поэтому я так и поступила: стоило Джейсону проявить ко мне внимание, я тут же за него ухватилась. Ведь если он на меня смотрит, значит, на самом деле вовсе не ты лучше всех на свете, а я!

– Так что же произошло? – негромко и очень спокойно поинтересовался Уайатт.

– Блэр застала нас с Джейсоном, когда мы целовались, – обреченно призналась Дженни. – Больше ничего не было, да и это случилось впервые, но мир тут же взорвался, развалился на мелкие кусочки, и Блэр с Джейсоном развелись. Во всем виновата я и только я, а потому должна загладить свою вину.

– Но для этого тебе придется поискать другой способ, – деловито заметил Уайатт. – Ни в коем случае не допущу, чтобы ты или Блэр выступили в качестве приманки и мишени. Если уж придется пойти по этому пути, то играть роль будет одна из сотрудниц полиции. Рисковать жизнью граждан мы не имеем права.

Дженни жутко расстроилась. Грандиозный план быстро и бесповоротно лопнул; и отвергла его не только я, но и сам лейтенант полиции. В конце концов, решающим оставалось именно его слово. Только Бладсуорт обладал полномочиями решать, запустить ли схему в действие или перечеркнуть. Он перечеркнул ее без малейшего колебания, одним резким движением.

– Но ведь должно же существовать что-то, что мне позволено сделать, – простонала Дженни, и по щеке ее скатилась слеза. В глазах застыла мольба.

– Давай подумаем. – Мне наконец-то удалось снова обрести голос. Я сделала паузу и для пущей театральности даже прикусила губу. – Ну, например, ты вполне могла бы в течение года мыть по субботам мою новую машину, понимаете-

ся, после того, как она появится. Или регулярно заливать в унитаз дезинфицирующий раствор – я просто ненавижу это делать.

Сестра замигала, словно никак не могла взять в толк, что именно я имею в виду. Потом захихикала. Она хихикала и одновременно рыдала, да вдобавок еще начала икать. Такое странное сочетание звуков заставило захихикать и меня, но я упорно старалась прекратить дурацкий смех из соображений имиджа. Я блондинка, а блондинкам строго-настрого запрещается хихикать.

Представление закончилось жаркими объятиями и дружным смехом. Дженни извинилась раз пять или шесть, а я объяснила, что она своя, родная, и в любом случае я предпочла бы ее Джейсону Карсону, который оказался подлецом и негодяем, спровоцировавшим собственную семнадцатилетнюю свояченицу, и мне без него живется просто отлично.

Уф! Семейные драмы изматывают.

Уайатту пришлось отвезти Дженни домой. Они звали и меня, но я решила побыть в одиночестве, чтобы хоть немного привести в порядок чувства и мысли. Тогда, давно, я старалась простить Дженни, и до определенной степени мне это удалось, так как львиная доля вины лежала, конечно, на Джейсоне. Карсон был взрослым, женатым мужчиной, в то время как от девочки-подростка трудно ожидать разумных решений. И все же где-то в глубине сознания прочно поселилась уверенность в том, что меня предала собственная сест-

ра. Я упорно старалась относиться к ней нормально, но, очевидно, разницу между «до» и «после» скрыть не удавалось. Самым удивительным для меня оказалось то, что Дженни переживала, даже страдала. Нет, пожалуй, все же больше всего удивило признание в зависти и ревности. Дженни просто великолепна, неотразима и была такой всю жизнь, с самого рождения. Я умна, но мне далеко до Шоны. Я хорошенькая, но Дженни даже в подметки не гожусь. В нашей семье мне выпала роль самого средненького середнячка. Так чему же Дженни так мучительно завидовала?

Очень захотелось позвонить Шоне и обсудить с ней положение вещей, но потом я все-таки решила этого не делать. Если девочка всерьез решила восстановить отношения – по-настоящему восстановить, – тогда не стоило вставлять палки в колеса и выбалтывать то, в чем она мне призналась.

Уайатт вернулся примерно через час, причем выглядел мрачнее тучи: брови насуплены, взгляд ледяной.

– Какого черта ты ничего мне не сказала о том, что шантажом добилась от мужа столь выгодных условий развода? Неужели не понимаешь, что это вполне может послужить мотивом ненависти?

– Не забывай, что Джейсон в меня не стрелял, – заметила я. – Кроме того, он думает, что негатив у него.

Зеленые глаза пронзили, словно луч лазера.

– Он думает?

Я заморгала и нацепила на физиономию самое невинное

выражение.

– То есть он знает, что негатив у него.

– Понятно. А он знает, что у него и все копии?

– Ну... он так считает, а это самое главное, правда?

– Итак, сначала ты шантажировала его, а потом еще и обманула.

– Я рассматриваю этот поступок как своего рода страховку. Как бы там ни было, мне ни разу не пришлось воспользоваться уликой, и Джейсон даже не знает о ее существовании. С момента развода мы не общались, а произошло это пять лет назад. Я уверена, что не Джейсон пытался меня убить, потому что у него нет на это оснований.

– Основания как раз имеются.

– Они имелись бы, если бы он знал правду, но он ничего не знает.

Уайатт потер переносицу, словно устал со мной бороться.

– Где фотографии?

– В банке, в моем сейфе. Никто не мог их увидеть даже случайно, и никто не знает о них, в том числе и родственники.

– Хорошо. Однако я настоятельно рекомендую, как только все выяснится и ты сможешь выйти из подполья, немедленно изъять и уничтожить снимки.

– Я могу это сделать.

– Знаю, что можешь. Вопрос лишь в том, сделаешь ли. Обещай.

Я нахмурилась:

– Я же сказала, что сделаю.

– Нет, ты сказала, что можешь сделать. Большая разница.

Обещай.

– Да, пожалуйста. Обещаю уничтожить фотографии.

– И не делать новых копий.

Да уж, этого парня никак нельзя назвать доверчивым. Я молчала.

– И не делать новых копий, – сурово повторил Бладсуорт.

– Обещаю! – недовольно рявкнула я.

– Отлично. – Уайатт торжественно скрестил руки на груди. – А теперь признавайся, существуют ли еще какие-нибудь маленькие секреты, которые тебе не хочется раскрывать: какой-нибудь шантаж или тайная месть, о которых до сих пор ты не рассказала просто потому, что не сочла нужным?

– Нет, кроме Джейсона, я никого и никогда не шантажировала. А он вполне заслужил такое отношение.

– Он заслужил нечто значительно худшее. В свое время надо было размазать его задницу по стенке.

Слегка умиротворенная таким советом, я пожала плечами:

– Папа, конечно, мог бы это сделать, а потому мы решили не сообщать ему причину развода. Чтобы защитить от неприятностей его, а не Джейсона.

Какой-то жалкий Джейсон не стоил и минуты папиных

неприятностей с полицией по поводу нападения. А неприятности непременно бы случились, так как Карсон – скользкий тип и наверняка побежал бы жаловаться.

– Согласен. – Уайатт с минуту внимательно меня разглядывал, а потом вздохнул, покачал головой и заключил в объятия. Успокоившись и размякнув, я, в свою очередь, обняла его и положила голову на грудь. Уайатт прижался щекой к моей макушке. – Теперь понятно, почему тебе требуется такое количество доказательств, – пробормотал он. – Серьезный удар – застать собственного мужа целующим младшую сестру.

Если я что-то и ненавижу в этом мире, так это сочувствие посторонних. Тем более что в данном случае оно было лишним. Я давно уже двинулась вперед, оставив Джейсона далеко позади, в грязи и пыли. Однако было бы неправдой, если бы я сказала, что событие меня совсем не тронуло. Бладсорт сразу бы все понял. Больше того, непременно решил бы, что мне до сих пор настолько больно, что я даже не в силах сознаться. Поэтому я просто прошептала:

– Пережила, как видишь. И купила «мерседес».

Вот только «мерседеса» больше не было: он превратился в кучу помятого, покореженного металла.

– Ты справилась с болью, но приобретенный опыт и переживания сделали тебя слишком настороженной.

Теперь его слова превращали меня в какую-то несчастную раненую птичку. Я подняла голову и строго взглянула в зе-

ленные глаза.

– Я не настороженная, а просто умная. Это совсем разные вещи. Прежде чем спать с тобой, хочу убедиться в серьезности наших отношений.

– Слишком поздно, – хмыкнул Уайатт.

– Знаю, – вздохнув, признала я и снова положила голову ему на грудь. – Твоя излишняя самоуверенность призывала меня к необходимости укрепить оборону. Однако возникла одна серьезная проблема: мне не хотелось укреплять оборону; напротив, хотелось вообще от нее отказаться. Здравый смысл нашептывал, что разумнее было бы отменить запрет на занятия сексом, потому что я только зря тратила нервы и силы. Но с другой стороны, никак нельзя было позволять тебе во всем одерживать верх. – Чтобы стереть с красивого мужественного лица несносную улыбочку, я добавила: – Вообще-то я считаю, что мне лучше всего уехать в другой город и остановиться в мотеле.

Сработало.

– Что? – тут же встрепенулся Уайатт. – Что за бредовая идея?

– Но ведь в другом городе я буду в безопасности, правда? Тем более что я могу зарегистрироваться под чужим именем.

– Забудь, – решительно отрезал Уайатт. – Убежать я тебе ни за что не позволю. – Но тут он вспомнил о том, что теперь в моем распоряжении опять появились колеса, а сам он в рабочее время не сможет контролировать действия под-

опечной. Больше того, если бы мне захотелось сбежать, достаточно было бы всего лишь снять трубку и позвонить родителям: они бы тут же приехали. Кстати, как и его мама. – Ах, черт! – лаконично закончил мысль лейтенант Бладсуорт.

Что и говорить, очень красноречивый человек.

Глава 25

Ночью меня мучили кошмары. В свете последних событий это совсем не удивительно. Наверное, кошмары снились и раньше, но, к счастью, подсознание способно так же успешно игнорировать информацию, как и сознание. Как правило, кошмары обходят меня стороной, а снится повседневная жизнь, во всех деталях и подробностях. Ну, например, снится, что я сижу в офисе собственного клуба и пытаюсь разобраться с горой бумажных дел. Однако посетители то и дело отвлекают. Надо признать, это вполне соответствует истине. И так далее, в том же духе.

Стрельба мне не снилась. Да и что в ней интересного? Только звук, а потом боль в руке. На этом много не нафантазируешь. А вот автомобильная авария предоставила подсознанию массу деталей и богатые возможности. Мне не снилось, что я снова проскакиваю мимо знака «Стоп»; нет, во сне я сидела за рулем красного «мерседеса» – того самого, который достался мне в результате развода и со временем уступил место белому. Ехала я по высокому, в форме арки, мосту, когда «мерседес» внезапно потерял управление, вышел из-под контроля и начал безумно вращаться. Все едущие следом машины одна за другой нещадно меня били, и с каждым ударом я оказывалась все ближе и ближе к ограждению. Возникла уверенность, что очередной удар неизбежно

столкнет меня вниз с огромной высоты. Я видела, как медленно приближается роковая машина; и вот уже страшный толчок материализовался, красный «мерседес» стукнулся об ограждение и начал стремительно падать.

Вздрогнув, я в ужасе проснулась. Сердце отчаянно колотилось, внутри все дрожало. Надомной склонился Уайатт. В темноте спальни он выглядел большой, надежно защищающей тенью.

Уайатт осторожно погладил меня по плечу, а потом приподнял и крепко прижал к себе.

– Страшный сон?

– Приснилось, что мою машину столкнули с моста, – проворботала я в полусне. – Ужас.

– Да, представляю, что это такое.

У Уайатта имелся испытанный способ успокоения, и был он вовсе не сложен: лейтенант просто накрывал меня собственным телом. Я обвила ногами его ноги и постаралась прижаться еще ближе.

– Ты достаточно хорошо себя чувствуешь? – шепотом поинтересовался он, однако немного запоздал с вопросом, так как уже начал действовать.

– Да, – все-таки ответила я.

Уайатт вел себя очень осмотрительно и явно осторожничал. Корпус он удерживал на весу, а двигался медленно и ровно – до того последнего мгновения, когда ничего медленного и ровного в движении не осталось. Однако он не при-

чинил мне боли, а если и причинил, то боль потонула в совсем иных ощущениях и я просто ее не почувствовала.

Следующий день почти полностью повторил предыдущий, с той лишь разницей, что мне удалось сделать больше упражнений на растяжку и осилить новые позиции йоги. Чувствовала я себя значительно лучше. Конечно, левая рука все еще болела, особенно когда приходилось напрягать мышцы, чтобы что-нибудь поднять. Однако если не спешить и не дергаться, можно было вполне сносно ею управлять.

Куст, который купил мне Уайатт, ожил и обещал жить дальше, хотя выдержать шок от пересадки во двор смог бы только после целой недели любовного и тщательного ухода. Бладсуорт, конечно, не имел ни малейшего понятия о комнатных растениях, но ведь он старался и не поленился купить кустику специально для меня. Ну, а я питала к бедному созданию самые нежные чувства. Изнывая от вынужденного безделья, я вышла из дома, чтобы выбрать место для нового жильца. Дом был старым. Растительность вокруг уже давно оформилась и приобрела собственную пышную индивидуальность. Впрочем, росли здесь одни кустарники, а цветов заметно не было. Яркие пятна были бы совсем не лишними. В этом сезоне сажать цветы уже поздно, но вот на будущий год...

Жара и солнце казались приятными, благотворными. Роль инвалида давно мне наскучила, и я искренне мечтала о хорошей, напряженной тренировке. Очень хотелось выйти на

работу, необходимость сидеть взаперти просто злила.

Ночной кошмар не забывался. И беспокоило вовсе не то обстоятельство, что машина падала с моста, а то, что это был красный «мерседес», который я продала уже два года назад. Если верить в пророческую сущность снов, то факт наверняка что-то означал. Но что? Разгадка не приходила. Может быть, я в глубине души сожалела о том, что не купила еще одну красную машину? Или считала белый цвет слишком скучным? Да нет, не считала, и, уж во всяком случае, на юге белый цвет куда практичнее из-за жары.

Если говорить о «крутизне», а точнее, о престижности, то в моем понимании красный цвет занимает третье место. Второе принадлежит белому, а первое, конечно же, черному. Черная машина неизбежно утверждает силу и власть, мощная и уверенная в себе. Красная – спортивная и несколько вызывающая, белая – сексуальная и элегантная. Возможно, моя новая машина будет именно черной, если, конечно, представится шанс ее купить.

От скуки я занялась перестановкой в общей комнате, двигая мебель ногами и правой рукой. Из вредности убрала кресло Уайатта с самого почетного места перед телевизором.

С момента открытия фитнес-клуба мне редко удавалось посмотреть телевизор, за исключением, может быть, новостей в одиннадцать вечера, так что от этого занятия я давно отвыкла. Уайатт, конечно, даже не подозревал о данном обстоятельстве, так что вполне можно было позабавиться и по-

жаловаться, что пропускаю свои любимые передачи. А они, разумеется, должны оказаться на самых нудных семейных каналах, в частности на «Лайфтайм». Однако все-таки существовала опасность выиграть битву за пульт. А тогда действительно придется смотреть телевизор. Во всем есть свои минусы.

Я вышла за калитку, вытащила из ящика газеты, а потом уселась за кухонный стол и принялась читать все подряд. Мне очень не хватало книг. А еще хотелось отправиться по магазинам и купить какую-нибудь косметику и туфли. Новая косметика и новые туфли всегда поднимали мне настроение.

В хозяйстве Уайатта не нашлось кофе с ароматизирующими добавками. Да и вообще дом оказался очень плохо приспособленным для безмятежного существования.

К тому времени как хозяин вернулся с работы, я уже была готова лезть на стены. В отчаянии даже принялась составлять новый список злоупотреблений и недостатков, и первым номером в нем значилось именно отсутствие моего любимого кофе. Если уж мне предстояло провести в заточении продолжительное время, то следовало обеспечить необходимый комфорт. Прежде всего требовались одежда, любимый гель для ванны, любимый ароматный шампунь и многое другое.

Уайатт одарил меня нежным поцелуем и сказал, что должен подняться наверх и переодеться. Путь к лестнице лежал через общую комнату. Я осталась в кухне и отлично слыша-

ла, как шаги внезапно замерли – хозяин заметил изменения в привычном жизненном пространстве.

Громким голосом он поинтересовался:

– Что случилось с мебелью?

– Мне стало скучно, – также громко ответила я. Уайатт пробормотал что-то невразумительное и пошел дальше.

Должна сказать, что я вовсе не лодырь и не ничемное украшение. Ближе к вечеру мне в голову пришла идея изучить содержимое холодильника, и в морозилке нашелся очень приличный кусок мяса. Я его потушила и приготовила соус для спагетти. Поскольку лейтенант никогда не возвращался с работы в одно и то же время, варить спагетти заранее я не стала, а начала делать это только сейчас. Булочек в доме, разумеется, не нашлось, но зато обнаружилась буханка хлеба, так что я отрезала несколько кусков, намазала их маслом и посыпала чесночной пудрой и сыром. В моем понимании такую пищу нельзя было считать здоровой. Но овощей для зеленого салата не оказалось. Оставалось только открыть банку фасоли – она нашлась в кладовке.

Уайатт спустился в кухню без рубашки, в одних джинсах, и от захватывающего зрелища у меня едва не потекли слюнки: плоский, крепкий живот и мускулистая волосатая грудь. Чтобы не выдать слабости, я отвернулась к плите и засунула в духовку противень с гренками. Когда они поджарятся, как раз будут готовы и спагетти.

– Вкусно пахнет, – похвалил Уайатт и уселся за стол.

– Спасибо. Но если мы не пополним продовольственные запасы, то готовить будет просто не из чего. Что ты обычно ешь на ужин?

– Обычно я ужинаю где-нибудь в городе. Завтракаю дома, а ужинаю в ресторане. Так удобнее, потому что к концу дня усталость берет свое и возиться на кухне уже не хочется.

– А мне в ресторан нельзя, – угрюмо заметила я.

– Можно, только в другом городе. Хочешь, завтра съездим? Это будет считаться свиданием, хорошо?

– Нет, не будет. – Этот вопрос уже обсуждался на пляже. – Ведь едим мы регулярно. А свидание предполагает что-то необычное, например театр или бальные танцы.

– А как насчет какого-нибудь спортивного матча? – осторожно предложил Уайатт.

– Сейчас нет ничего, кроме бейсбола, а это самая глупая игра. В ней даже нет группы поддержки. Вот когда начнется футбольный сезон, тогда и поговорим.

Никак не отреагировав на оскорбительный выпад в сторону бейсбола, Уайатт положил в стаканы лед, а потом налил чай.

– Судебная экспертиза обнаружила сегодня кое-что интересное, – неожиданно произнес он.

Я переключила конфорку, на которой варились спагетти, на минимум. В тоне Уайатта слышалась неуверенность, словно он не знал, как распорядиться обнаруженными уликами.

– Что именно?

– Пару волосков – они застряли в днище твоей машины. Зная, в каком она состоянии, в это просто трудно поверить.

– И что же может подсказать эта пара волосков? – поинтересовалась я. – Если бы у вас был подозреваемый, то тест на ДНК принес бы пользу, но ведь подозреваемого-то нет.

– Волосы темные, то есть принадлежат брюнету. Кроме того, каждый длиной около десяти дюймов, поэтому существует вероятность, что все-таки следует искать женщину. Об уверенности пока говорить не приходится, потому что длинные волосы носят и некоторые мужчины. Сейчас идет проверка на наличие лака, геля и прочих веществ. Результат может что-то дать, ведь мало кто из мужчин пользуется такой косметикой.

– Джейсон пользуется.

– Джейсон – женоподобный ублюдок, безмозглый и чванливый, – последовало лаконичное заключение.

О, Уайатт терпеть не может Джейсона. Как приятно!

– Тебе известны длинноволосые брюнетки, которые хотели бы тебя убить? – последовал прямой вопрос.

– На свете столько длинноволосых брюнеток, что этот признак ровным счетом ни о чем не говорит. – Я растерянно пожалала плечами. История все больше и больше походила на головоломку. – У меня нет врагов. На протяжении многих лет даже не возникало неприятностей на парковках.

– Причина, вполне возможно, таится в прошлом, – заме-

тил Уайатт. – После убийства Николь Гудвии кто-то мог воспользоваться твоим положением свидетельницы и попытаться отомстить под прикрытием ее убийства. Ведь Дуэйн Бейли признался в совершении преступления, так что ему незачем стрелять в тебя.

– Тогда почему же та женщина, которая покушается на меня, не остановилась после его ареста? Ведь очевидно, что на него уже не свалить.

– Возможно, надеется, что раз ее до сих пор не поймали, то удастся довести дело до конца и скрыться.

– И все-таки вспомни, с кем ты встречался за последние полтора года. Среди твоих приятельниц есть брюнетки?

– Да, конечно, есть, но я же говорил, что ничего серьезного не происходило.

– И все же вызови их всех и допроси, – раздраженно распорядилась я. Дело наверняка уходило корнями в личные отношения, потому что сама я не сделала ровным счетом ничего такого, что могло бы послужить мотивом для убийства.

– А как насчет твоих парней? Может, какая-нибудь бывшая подружка с ума сходила по тому, кто начал встречаться с тобой? Заметь, в данном случае «сходила с ума» – очень точное выражение. Поэтому она и возненавидела тебя лютой ненавистью.

– Такой вариант вполне возможен. – Я задумалась. – Впрочем, не припомню, чтобы кто-нибудь упоминал о своей сумасшедшей подружке. Никто не жаловался, что его высле-

живают, а ведь такая женщина непременно была бы упорным преследователем, разве не так?

– Может быть, да, а может быть, и нет. Упускать нельзя никого, так что мне срочно нужен список всех, с кем ты встречалась в последние два года.

– Хорошо. Но начнем все-таки с тебя. – Я мило улыбнулась. – Давай сначала проверим твоих девушек.

Понятно, что путь оказался тупиковым, а потому мы оставили его и просто поужинали, а после ужина вместе вымыли посуду. Уайатт вернул свое любимое кресло на прежнее место перед телевизором и уселся в него с газетой в руках, спокойный и счастливый, как моллюск. Я встала напротив и молча стояла, пока Уайатт наконец не соизволил оторваться от газеты и поднять глаза.

– Что?

– Мне скучно. Я уже два дня не выходила из дома.

– Вот и умница. Кто-то пытается тебя убить, а потому тебе следует оставаться в надежном месте.

Неужели этот человек надеялся таким образом меня утешить?

– Я могла бы сегодня съездить в какой-нибудь другой город, но решила, что ты не захочешь отпускать меня одну.

Уайатт коротко кивнул:

– Все верно.

– Но теперь-то ты здесь. – Он вздохнул:

– Ну хорошо. Чем ты хочешь заняться?

– Не знаю. Чем-нибудь.

– Это облегчает задачу. Как насчет кино? Мы успеем в Хендерсон на девятичасовой сеанс. И это будет считаться свиданием. Согласна?

– Согласна. – Хендерсон – небольшой городок в тридцати милях от нашего. Часы показывали почти семь, и потому я пошла наверх, чтобы собраться. Благодаря маминым усилиям синяки на лице уже начали желтеть, и тональный крем вполне справился с большинством из них. Я выбрала длинные брюки и блузку с короткими рукавами, а концы блузки завязала узлом на животе. Причесалась, надела сережки. Все, готово!

Уайатт, разумеется, до сих пор сидел в кресле и читал газету. Причем даже не подумал переодеться.

– Готово, – объявила я. Он взглянул на часы:

– У нас еще полно времени. – И снова погрузился в чтение.

Я нашла список провинностей и добавила пункт об отсутствии внимания. Как видите, самонадеянный лейтенант Бладсуорт даже не пытался произвести на меня впечатление. И это во время первого за два года свидания! Эх, что и говорить, роковой ошибкой было так быстро лечь в постель с этим человеком! Теперь вот он принимает меня как нечто само собой разумеющееся.

– Пожалуй, мне лучше переехать в одну из свободных спален, – задумалась я вслух.

– Господи! Хорошо, сейчас выезжаем. – Уайатт бросил газету на пол и через две ступеньки побежал наверх.

Я подняла газету и уселась в освободившееся кресло. Разумеется, за целый день я уже успела прочитать ее вдоль и поперек, но вот информацию о фильмах пропустила, а потому понятия не имела, что сейчас идет в кинотеатрах. Список относился к нашему городу, но в Хендерсоне наверняка показывали то же самое.

Было бы неплохо развлечься и посмеяться, так что я выбрала новую романтическую комедию, которая, как я предполагала, была и сексуальной, и интересной. Уайатт оказался на лестнице, на ходу застегивая белую рубашку. Остановился, расстегнул молнию на брюках, заправил рубашку, снова застегнул молнию.

– Что будем смотреть? – поинтересовался он.

– «Добрачные отношения». Наверное, смешно. – Он застонал:

– О нет! Не собираюсь смотреть такую чепуху!

– Хорошо, а что бы выбрал ты?

– По-моему, может оказаться интересным боевик, в котором банда охотится на парня.

– «Конец пути»?

– Да, кажется, так.

– Договорились.

Уайатт выбрал типичный боевик-стрелялку, где герой упорно сражается в горах за собственную жизнь. Разумеется,

сюжет не обходится без полуобнаженной красотки, которую он попутно спасает, хотя трудно понять зачем – настолько она глупа. Но Уайатту, судя по всему, такие фильмы нравились, и он имел полное право их смотреть.

Солнце уже садилось, до предела удлинив все возможные тени, а жара никак не сдавалась, и потому кондиционер в машине трудился с полной отдачей. Я направила поток холодного воздуха прямо в лицо, чтобы не растаял тональный крем.

К кинотеатру мы подъехали почти за полчаса до начала сеанса, и Уайатт решил немного поколесить по улицам. Хендерсон – маленький городок с пятнадцатью тысячами жителей, и потому в нем только один кинотеатр, но зато с четырьмя залами. Хороший кинотеатр, обновленный всего пару лет назад. Как и большинство мужчин, Уайатт ненавидел прогулки в фойе перед началом сеанса, а потому, когда мы остановились у кинотеатра, в запасе у нас оставалось не больше пяти минут.

– Плачу я. – С этими словами я достала деньги и подошла к кассе. – Будьте добры, один билет на «Добрачные отношения» и один на «Конец пути». – Я сунула в окошко двадцать долларов.

– Что? – раздался за спиной возмущенный голос Уайатта, но я не отреагировала. Кассирша оторвала билеты и сунула в окошко вместе со сдачей.

Я повернулась и отдала один билет галантному спутнику.

– Теперь каждый сможет посмотреть то, что хочет, – провозгласила я и направилась к залам. К счастью, сеансы начались практически одновременно.

Мой кавалер выглядел разъяренным, однако беспрекословно отправился смотреть желанный боевик. Я же устроилась в темноте и прекрасно провела время, наблюдая за происходившими на экране чудачествами и совершенно не беспокоясь о том, как отнесется к ним сопровождающее меня лицо. Интимные сцены оказались очень симпатичными и откровенными – именно такими, какие мне нравятся. Почему-то мне вдруг пришла в голову идея соблазнить Уайатта прямо по дороге домой. Я усмехнулась, вспомнив, что последний раз занималась этим в машине еще подростком.

Фильм закончился, и зал я покинула с улыбкой, вовсе не напрасно проведя в темноте один час пятьдесят минут. Пришлось немного подождать Уайатта, но и это время пролетело незаметно: в фойе висели интересные афиши.

Фильм не улучшил настроения лейтенанта Бладсуорта. Минут через десять он появился мрачный и насупленный, словно грозовая туча. Молча схватил меня за руку и потащил к машине.

– Какого черта это все значит? – закричал Уайатт, едва мы оказались в машине, вдали от посторонних ушей. – Разве мы не собирались смотреть фильм вместе?

– Нет, не собирались. Ведь ты не захотел смотреть тот фильм, который заинтересовал меня, а твой выбор оказался

неинтересен мне. Мы взрослые люди и вполне в состоянии ходить в кино без сопровождающих.

– Но ведь идея заключалась в том, чтобы провести время вместе, отправиться на свидание, – процедил Уайатт сквозь стиснутые зубы. – Если ты не хотела смотреть кино вместе со мной, вполне можно было остаться дома.

– Но мне очень захотелось посмотреть романтическую комедию.

– Посмотрела бы позже: через несколько месяцев ее обязательно покажут по телевизору.

– То же я могу сказать и о «Конце пути». – Мне начинало надоедать упрямство Уайатта. Я сложила руки на груди и пошла в наступление: – Объясни, пожалуйста, с какой стати я должна смотреть то, что меня абсолютно не интересует, в то время как ты считаешь себя вправе отказаться от фильма, предлагаемого мной?

– То есть все должно быть только по-твоему, так?

– Не передергивай. Я с удовольствием посмотрела фильм в одиночестве и вовсе не настаивала, чтобы ты пошел со мной. Так что это не я, а ты требуешь, чтобы все было только по-твоему.

От бешенства Уайатт закрипел зубами.

– Я знал, что все получится именно так! Знал! Ты просто чертовски надменна!

– Неправда! – Я так рассвирепела, что запросто могла бы его ударить, если бы не была вполне мирным человеком –

как правило, мирным.

– Если ты посмотришь в словаре толкование слова «надменный», то увидишь собственный портрет. Хочешь знать, почему я вдруг внезапно ушел два года назад? Просто понял, что все произойдет именно так, и решил, что, вовремя ретировавшись, избавлюсь от массы неприятностей.

Бладсуорт взбесился до такой степени, что слова вылетали как пули. От неожиданности у меня даже открылся рот.

– Так что же, ты разорвал отношения только потому, что счел меня надменной? – Вопрос прозвучал недоуменно и жалко. Я-то думала, что причина окажется глубокой, серьезной и важной. Например, герой переходит на опасную секретную работу и расстается с героиней заранее, на всякий случай, потому что в любой момент его могут убить. Или что-нибудь в том же духе. А оказывается, этот негодяй бросил меня просто потому, что счел излишне требовательной и высокомерной!

Я схватила ремень безопасности и изо всех сил его скрутила, чтобы побороть искушение сделать то же самое с шеей врага. Поскольку противник обладал преимуществом в весе в целых восемьдесят фунтов, итог схватки предсказать было трудно. А если честно, я отлично знала, чем она закончится, а потому предпочла душить ремень безопасности, а не того, кто сидел рядом.

– Если даже я и надменна, то это не твоя забота! – кричала я. – Я самостоятельный, независимый человек! Сама о

себе забочусь и вполне обеспечиваю собственное существование! Хотя сейчас избавлю тебя от своего присутствия, и ты сможешь преспокойно вернуться к мирной, безмятежной и счастливой жизни!

– К черту! – внезапно с яростью в голосе произнес Уайатт и попытался меня поцеловать. Я так разозлилась, что даже хотела его укусить. Он увернулся, засмеялся и сделал еще одну попытку. Потянул сзади за волосы – так, что голова запрокинулась и шея оказалась незащищенной и уязвимой.

– Не смей! – Я попробовала увернуться и, отпустив ремешок безопасности, уперлась ладонями в его плечи.

Но Бладсуорт, разумеется, очень даже посмел.

– Мне не нужна мирная, безмятежная и счастливая жизнь, – через несколько минут пробормотал он мне в ухо. – С тобой, конечно, масса неприятностей, но я тебя люблю, и тут уж ничего не поделаешь.

Уайатт бережно посадил меня обратно на сиденье, завел машину и выехал со стоянки, пока мы не привлекли внимания окружающих своими криками и кто-нибудь не вызвал полицию. Я все еще дулась и была готова в любую секунду расплакаться. Даже не знаю, сколько мы проехали, прежде чем Уайатт свернул с дороги и остановился за деревьями – так, чтобы никто нас не заметил.

Идея, пришедшая мне в голову после просмотра фильма, осуществилась.

Глава 26

Может быть, вы решили, что, услышав признание в любви, я оказалась на седьмом небе от счастья? Да, Уайатт действительно произнес священные слова, но сказал он их таким тоном, будто я была ложкой отвратительно горькой микстуры, которую ему предстояло принять, чтобы не умереть. Не помогла даже страстная сцена на заднем сиденье: я все равно чувствовала себя оскорбленной в лучших чувствах. Больше того, когда пришло время задуматься, я заволновалась о санитарном состоянии этого самого заднего сиденья. Ведь машина была арендована; нечего и говорить, что на этом самом заднем сиденье могло происходить все, что угодно.

Всю дорогу я молчала, а приехав домой, тут же бросилась наверх, чтобы принять душ, – на тот случай, если уже успела подхватить какую-нибудь особую заразу, проживающую в арендованном автотранспорте. Я заперла за собой дверь, чтобы в душ не смог проникнуть противник. Прекрасно известно, чем заканчиваются совместные гигиенические процедуры. А роль доступной женщины меня не устраивает.

Надо было заранее все предусмотреть и взять с собой в ванную чистую одежду. Я этого не сделала, а потому пришлось после душа надеть то, в чем я была до него. Выйти, обернувшись полотенцем, было нельзя. Уайатт Бладсуорт в

любой ситуации оставался самим собой и ни за что на свете не упустил бы возможность вероломного нападения.

Разумеется, он подждал меня у двери ванной. Стоял, прислонившись к стене, так терпеливо, словно, кроме ожидания, нечем было и заняться. Надо признать, что этот человек никогда не пытался увильнуть от выяснения отношений – прямота относилась к числу немногих его достоинств.

– Ничего не получится. – Я попыталась взять инициативу в свои руки. – Даже в кино нам не удалось сходить без громкой ссоры. А ты потом пытался загладить ее сексом.

Уайатт удивленно поднял брови:

– А что, существует лучший способ?

– Секс – типично мужской способ. Женщины, если сердиты и обижены, не стремятся к близости.

Брови поднялись еще выше.

– Ну, значит, ты меня обманывала, причем достаточно искусно, – изобразил удивление Уайатт. По-моему, это замечание трудно отнести к числу самых умных.

У меня даже задрожали губы.

– Не смей дразнить! Я не виновата, что ты сумел обнаружить мою слабость. А вот тебе стыдно пользоваться ею и добиваться своего таким нечестным способом!

На губах Уайатта появилась торжествующая улыбка. Оторвавшись от стены, он медленно выпрямился.

– Если бы ты только знала, как безумно приятно мне слышать о своей неотразимости! – Стремительно, словно змея,

он схватил меня и крепко прижал к себе. – Отгадай, о чем я думал весь день.

– О сексе, – не задумываясь ответила я, глядя прямо перед собой, то есть в широкую мускулистую грудь.

– Да. И об этом тоже. Достаточно много. Но еще и о том, как ты меня смешишь, и о том, как приятно просыпаться по утрам рядом с тобой и возвращаться к тебе по вечерам. Я очень люблю тебя и вовсе не хочу поменять на какую-нибудь уравновешенную, невзбалмошную, ненадменную женщину. Никто в целом мире не сможет с тобой сравниться – просто потому, что искра не вспыхнет.

– Да уж, конечно, – саркастически вставила я. – Именно поэтому ты меня бросил и исчез на целых два года.

– Испугался. – Уайатт пожал плечами. – Признаю. Уже после второго свидания мне стало ясно, что рядом с тобой не дождешься ни единой спокойной минутки, а-потому я решил сократить потери, пока не увяз слишком глубоко. Ведь при взятом темпе уже через неделю мы оказались бы в постели, а к алтарю побежали бы раньше, чем поняли, что к чему.

– Так что же изменилось на сей раз? Я все та же.

– Слава Богу! Только такой ты мне и нужна! Вполне стоишь всех мыслимых волнений и неприятностей. Вот потому-то я полетел за тобой на море; по той же причине досидел в кино до самого конца, хотя от злости даже не понял, о чем шла речь в этом дурацком боевике. Ради твоей безопасности я готов свернуть горы.

Мне не хотелось успокаиваться, но злость сама собой как-то незаметно улетучилась. Я изо всех сил за нее цеплялась, а потому упорно хмурилась в нагрудный карман рубашки, чтобы злодей не вообразил, будто его сладкие речи возымели действие.

– Каждый день приносит что-нибудь новое, – продолжал Уайатт, склонив голозу и уткнувшись носом мне в висок.

Я задрала плечи, чтобы не позволить ему добраться до шеи, и он тихо рассмеялся. – С каждым днем я влюбляюсь все больше и больше. Ты даже помогла мне на работе, потому что те ребята из департамента, которые раньше из-за зависти терпеть меня не могли, теперь искренне сочувствуют.

Я нахмурилась еще больше – на этот раз по-настоящему. Что же, значит, любовь ко мне достойна сочувствия?

– Я не настолько плоха.

– Милая, ты неукротима, и они жалеют меня, потому что думают, что остаток дней мне придется провести в постоянных попытках каким-то образом тебя урезонить. В определенной степени они, конечно, правы. – Он поцеловал меня в лоб. – Но зато с тобой никогда не будет скучно, а в трудную минуту рядом всегда окажется твой отец, Блэр-старший, который подскажет мне, как лучше выжить в эпицентре торнадо. Ну вот. – Уайатт нежно коснулся губами моего уха. – Я первым раскрылся. Теперь твоя очередь. Можешь тоже сказать, что любишь меня. Не сомневаюсь, что так оно и есть.

Я поерзала, покрутилась, но объятие оказалось крепким

и теплым, а запах кожи доводил до головокружения. Я обреченно вздохнула.

– Ладно, – произнесла я тоном угрюмой безысходности. – Да, я действительно тебя люблю. Но только даже на мгновение не надейся, что из-за этого я согласна превратиться в покорную бессловесную жену.

– Можно подумать, будто кто-нибудь когда-нибудь верил в такую перспективу, – уклончиво заметил Уайатт. – Но ты готова стать моей женой, и это главное. Я с самого начала серьезно об этом думал... то есть с самого начала нашей повторной встречи. Попытка убийства сразу расставила все по местам.

– Какая именно? – уточнила я, заглянув в зеленые глаза. – Ведь их было три.

Уайатт крепко прижал меня к себе.

– Первая. На прошлой неделе на мою голову свалилось столько страхов, что хватит на всю жизнь.

– Неужели? Что же тогда говорить мне? – Я окончательно сдалась и положила голову на грудь, которую упорно и хмуро разглядывала. Сердце стучало так, как умел заставить его стучать только Уайатт, но почему-то звук был стереофоническим. Не понимая, в чем дело, я сосредоточилась и прислушалась. Оказывается, ощущая бег собственного сердца, я одновременно слышала, как бьется сердце Уайатта – оно тоже куда-то стремительно летело.

И в это мгновение в душе моей расцвел восторг – он рас-

крывался до тех пор, пока я не ощутила, что наполнилась до краев. Еще немного, и восторг начнет выплескиваться, не помещаясь в тесном резервуаре. Я подняла голову и с торжествующей улыбкой громогласно объявила:

– Ты меня любишь!

В зеленых глазах возникла тревога.

– Знаю. Я сам только что это сказал, разве не так?

– Так. Но ты действительно меня любишь!

– А ты думала, вру?

– Нет, не думала. Но слышать и чувствовать – не одно и то же.

– И ты чувствуешь... – Фраза повисла в воздухе, приглашая заполнить многоточие.

– ...как бьется твое сердце. – Я похлопала ладонью по надежной груди. – Скачет точно так же, как и мое.

Лицо Уайатта смягчилось, став непривычно нежным.

– Стоит мне оказаться возле тебя, как оно начинает безобразничать. Сначала я даже решил, что у меня развивается аритмия, но потом понял, что это всего лишь реакция на твое присутствие. А поначалу собрался бежать к врачу.

Уайатт, конечно, преувеличивал, но меня это мало волновало. Он любил меня. Этого я жаждала, к этому стремилась, об этом мечтала, на это надеялась с той самой минуты, как впервые увидела героя своего романа. Безжалостно бросив меня два года назад, он нанес мне страшный удар. Разрыв в любом случае поверг бы меня в отчаяние, но удар

оказался тем более тяжким, что злодей даже не объяснил, почему уходит. Всю последнюю неделю я изо всех сил старалась усложнить Бладсуорту жизнь, ведь своим поведением он в полной мере заслужил испытание. Нет, я не жалела ни о едином поступке, ни о едином капризе! Раскаиваться приходилось лишь в одном: едва Уайатт прикасался ко мне, я тут же уступала всем его желаниям. Все-таки неплохо было бы заставить мучителя хоть немного помучиться самому. Впрочем, какая теперь разница? Иногда приходится просто плыть по течению.

– Как бы ты хотела это организовать? Предпочитаешь сделать все побыстрее и попроще или хочешь устроить шумное веселье? – поинтересовался Уайатт.

В том, какой способ предпочитает он сам, сомневаться не приходилось. Я на минуту задумалась, от усердия даже прикусив губу. В моей жизни уже была настоящая пышная церковная свадьба, и должна признаться, что спектакль доставил всем присутствующим огромное удовольствие. Но церковная свадьба требует огромных хлопот и больших денег, да и немалого времени на подготовку. Я была рада, что однажды уже прошла по этому пути, хотя брак и оказался совсем коротким. Во всяком случае, потребности в повторении помпезной церемонии уже не ощущалось. Но с другой стороны, поспешная, совсем простая свадьба меня тоже не устраивала.

– Хочу гостей и шумное веселье, – наконец ответила я,

и Уайатт с явным усилием подавил стон. Я похлопала страдальца по руке. – Не волнуйся, ничего грандиозного. Мы просто должны вспомнить о своих семьях и устроить любимым родственникам небольшой праздник. А воздвигать ледяные скульптуры и фонтан с шампанским никто не собирается. Просто маленькое торжество, человек на тридцать или около того, может быть, в саду у твоей мамы. Как ты думаешь, идея ей понравится? Не будет она слишком уж переживать, если кто-нибудь из гостей наступит на ее цветы?

– Мама непременно обрадуется. Ей очень нравится демонстрировать дом.

– Вот и хорошо. Подожди, а что, если ты так и не сможешь выяснить, кто стрелял в меня и повредил машину? Что, если придется прятаться до самого Рождества? Ведь к тому времени все цветы уже отцветут и станет слишком холодно, чтобы праздновать в саду. Мы даже не можем назначить конкретную дату! – Я заплакала. – Пока проблема не разрешится, ничего нельзя планировать!

– Если потребуется, мы можем отвезти всю компанию в Гетлинбург и пожениться в одной из маленьких свадебных часовен.

– Неужели придется устраивать свадьбу в мотеле? – Тон вопроса не оставлял сомнений в моем отношении к этому варианту.

– Почему бы и нет? Ведь тебе же вовсе не обязательно наряжаться в чудовищное платье с огромной юбкой, правда?

Вообще-то конечно, но... хотелось бы иметь под рукой все необходимое. Вдруг понадобится что-нибудь, что забуду упаковать и взять с собой? Подобная катастрофа способна полностью омрачить память о важном событии.

– Нужно срочно позвонить маме. – Я освободилась из объятий и направилась к телефону.

– Блэр... уже первый час ночи.

– Знаю. Но если не сообщу ей сразу, она непременно обидится.

– Но как же она узнает? Позвони утром и скажи, что мы все решили за завтраком.

– Маму не проведешь. Раскусит в один момент. За завтраком не говорят о свадьбе. О свадьбе говорят поздно вечером, после пылкого свидания, страстных любовных сцен и всего такого прочего.

– Да, особенно привлекательно звучит пункт насчет страстных любовных сцен, – задумчиво произнес Уайатт. – В последний раз я участвовал в сцене на заднем сиденье лет двадцать назад. Даже успел забыть, как там чертовски неудобно и чертовски приятно.

Я начала набирать номер.

– Собираешься рассказать маме обо всем, в том числе и о страстных сценах?

Я отвергла предположение осуждающим взглядом.

– Можно подумать, что она ни о чем не догадывается. Мама сняла трубку после первого же гудка, голос ее звучал тре-

ВОЖНО.

– Блэр? Что-нибудь случилось?

– Нет, все в порядке. Просто хотела сообщить, что мы с Уайаттом решили пожениться.

– Ну и что же в этом удивительного? Еще при первом знакомстве, когда мы встретились в больнице, где тебе зашивали руку, он сказал, что вы собираетесь пожениться.

У меня почему-то вдруг закружилась голова. Я смерила самонадеянного выскочку презрительным взглядом.

– Неужели? Как интересно! Странно только, что мне он об этом не говорил вплоть до сегодняшнего вечера.

Бладсуорт лишь недоуменно пожал плечами. Раскаяния заметно не было. Да, совместная жизнь может оказаться слишком напряженной. Человек явно страдает излишней уверенностью в себе.

– А я-то никак не могла понять, почему ты сама мне ничего не говоришь. Уже начала обижаться.

– Виновный за это поплатится, – мрачно пообещала я.

– О, черт! – негромко воскликнул Уайатт, понимая, что речь идет о нем, но не подозревая, чем именно заслужил немилость. Конечно, зная тему разговора, мог бы и догадаться. Но ведь он еще и понятия не имел, что обижать миссис Мэллори строжайше запрещено.

– В отношении данной ситуации возможны две линии поведения, – продолжала мама, и я поняла, что она уже успела рассмотреть вопрос с различных точек зрения. – Первая

заключается в том, что тебе следует должным образом отчитать виновного, чтобы он понял, как надо себя вести, и в дальнейшем уже не повторял подобных ошибок. Вторая же предполагает, что ты можешь дать ему поблажку, учитывая неопытность и неосведомленность.

– «Поблажку»? А что это такое?

– Узнаю мою дочь, – одобрительно произнесла мама.

– А почему ты до сих пор не спишь? Ответила с первого же звонка, словно держишь телефон в руках.

Если честно, мне просто было любопытно услышать ее ответ. Дело в том, что мама буквально спала с телефоном, когда волновалась за одну из нас. Привычка уходила корнями в то время, когда мне исполнилось пятнадцать и я начала встречаться с мальчиками.

– Я не сплю с телефоном с тех самых пор, как Дженни закончила колледж. А сейчас просто все еще вожусь с этими дурацкими квартальными отчетами, а компьютер то и дело зависает. Вот, опять начал печатать какую-то чушь. С удовольствием отослала бы отчет в закодированном виде, ведь налоговое ведомство присылает такие отвратительно четкие и детальные инструкции и правила, хотя сотрудники понятия не имеют, что делают. Как, по-твоему, они к этому отнесутся?

– Плохо отнесутся. Налоговое ведомство чувством юмора не обладает.

– Знаю, – мрачно согласилась мама. – От руки можно было

бы сделать все гораздо быстрее, если бы знать, что эта дурацкая техника сойдет с ума. Но ведь в компьютере все мои файлы. Теперь непременно буду оставлять бумажную копию.

– А разве у тебя нет страховочного диска?

– Разумеется, есть. Только спроси, работает ли он.

– Думаю, неисправность достаточно серьезная, так что ничего не получится.

– Конечно. И вообще я уже устала от всей этой возни. Но победить монстра – дело чести, сама понимаешь.

Последнее высказывание означало, что мама собирается бороться, даже перейдя за ту грань, когда всякий нормальный человек уже сдался бы и отвез компьютер в мастерскую.

Здесь мне кое-что пришло в голову, и я вопросительно взглянула на Уайатта:

– Можно, я скажу маме о тех волосках, которые вы нашли?

Он на секунду задумался и кивнул.

– Что за волоски? – заинтересовалась мама.

– Следствие обнаружило на днище моей машины два темных волоса длиной около десяти дюймов. Ты не знаешь кого-нибудь с такими волосами, кто хотел бы меня убить?

– Хм-м... – Мама явно задумалась. – Волосы просто темные или черные?

Я переадресовала вопрос Уайатту. На лице лейтенанта возникло такое выражение, словно он хотел сказать, что не видит в этом существенного различия, но потом напрягся и

сумел все-таки это различие осознать.

– Скорее черные, – ответил он.

– Черные, – перевела я.

– Естественные или крашеные?

Мама оказалась в своей стихии. Я обратилась к Уайатту:

– Естественные или крашеные?

– Пока не знаем. Улики должны подвергнуться тщательному анализу.

– Вопрос еще выясняется, – ответила я маме. – Ты о ком-нибудь вспомнила?

– Ну, существует, например, Мелинда Коннорс.

– Но это же было тринадцать лет назад, когда я выиграла у нее титул «Королева выпускного бала». Она уже наверняка давно об этом забыла.

– Не уверена. Мне эта девочка всегда казалась мстительной.

– Мелинда слишком нетерпелива. Она ни за что не смогла бы ждать целых тринадцать лет.

– Что правда, то правда. Хм-м... И все же сделала это женщина, которая тебе почему-то завидует. Или ревнует. Спроси-ка Уайатта, с кем он встречался до тебя.

– Об этом мы уже думали. Он утверждает, что подходящих кандидатур нет.

– Если молодой человек не вел монашеский образ жизни, кандидатуры наверняка найдутся.

– Знаю, но он отказывается даже называть имена, зная ко-

торые я могла бы сама все выяснить.

Уайатт подошел и сел рядом со мной, всем своим видом выражая тревогу.

– О чем вы говорите?

– О тебе и твоих женщинах, – ответила я, поворачиваясь спиной и закрывая трубку, чтобы он не мог подслушать.

– Моих женщин не существует, – раздраженно возразил Уайатт.

– Слышала? – спросила я маму.

– Слышать-то слышала, да только не верю. Поинтересуйся, как долго до встречи с тобой он соблюдал обет безбрачия.

Обратите внимание: подразумевалось, что мама считает период безбрачия законченным. А сам факт абсолютного безразличия к моей нынешней личной жизни свидетельствовал о полном и безоговорочном одобрении спутника этой самой жизни, что уже само по себе было очень важным. Одобрение мамы в значительной степени определяет семейное счастье.

Я взглянула через плечо:

– Мама хочет знать, сколько времени прошло между твоим последним свиданием и нашей встречей.

Бладсуорт казался несколько растерянным.

– Неправда, она этого не сказала.

– Сказала. Возьми трубку, она спросит тебя сама. Я протянула трубку, и он неохотно ее взял.

– Алло!

Потом долго говорила мама. Уайатт слушал, и на щеках

его постепенно разгорались алые пятна. Наконец он даже прикрыл ладонью глаза, словно стремился спрятаться от вопроса.

– Ну... недель шесть, – неуверенно произнес он после паузы. – Возможно, даже дольше. Передаю трубку Блэр.

Передать трубку достаточно быстро Уайатту не удалось. Наконец я все-таки взяла ее и продолжила разговор:

– К какому выводу ты пришла?

– Шесть недель – немалый срок. Если помешаться на ком-то и сходить с ума от любви и ревности, ждать так долго невозможно. Так что скорее всего здесь мы ничего не найдем, – заключила мама. – А как насчет тебя? Может быть, кто-то из твоих «полупарней» впоследствии начал встречаться с излишне чувствительной особой и прежние отношения вызвали у нее резкий приступ ревности?

В маминой терминологии слово «полупарень» не означает ничего страшного. Это просто человек, с которым я пару раз встретилась, но без серьезных последствий. В дальнейшем наши орбиты просто больше не пересекались. После неожиданного разрыва с Уайаттом в моем активе числилось несколько таких кавалеров, сейчас я даже не смогла бы всех вспомнить по именам.

– Отношений мы, разумеется, не поддерживаем, но все-таки можно что-нибудь выяснить, – ответила я. – Если удастся вспомнить имена.

– Это единственное, что приходит мне на ум, – заметила

мама. – И скажи Уайатту, чтобы он по возможности ускорил расследование, потому что приближается день рождения бабушки, а мы не сможем праздновать, если тебе придется прятаться.

Я повесила трубку и должным образом передала сообщение по назначению. Уайатт кивнул, показывая, что все понял, но, уверена, в полной мере осознать ситуацию с бабулей он все-таки не смог. Непосвященному трудно представить себе гнев, который обрушится на наши головы, если старушка не получит соответствующей порции внимания и любви. Она не раз повторяла, что в ее возрасте впереди не так уж много дней рождения, а потому следует выжать из них максимум удовольствия. Если вы еще не догадались, то поясню, что бабуля – это мамина мама. Ей исполняется семьдесят четыре, так что она вовсе не старая, просто умело пользуется возрастом для достижения собственных целей.

Да уж, гены – забавная штука, правда?

Я пронзила Уайатта взглядом.

– Итак, как же все-таки ее зовут?

Лейтенант сразу прекрасно понял, о чем речь.

– Так и знал, – покачал он головой. – Знал, что присосешься как пиявка. На самом деле ничего не было. На конференции я встретил давнюю знакомую и... и ничего не произошло.

– Кроме того, что ты с ней переспал, – тоном обвинителя закончила я.

– У нее рыжие волосы, – оправдывался Бладсуорт. – И она детектив в... нет, черт возьми, не скажу, где она работает. Не дожدهшься. Иначе ты завтра же позвонишь ей и либо обвинишь в покушении на убийство, либо начнешь обсуждать меня.

– Если она служит в полиции, то наверняка умеет стрелять.

– Блэр, пожалуйста, поверь. Ведь если бы существовала хоть мизерная доля вероятности, что эта особа способна на нечто подобное, я бы уже давным-давно ее допросил.

Я вздохнула. Бладсуорт действительно умел так формулировать мысли, что совсем не оставлял мне места. Да к тому же и соображал он здорово.

– И все-таки мама права – дело в ревности. И я права. Причины покушений именно личные.

– Согласен. – Уайатт поднялся и начал раздеваться. – Но сейчас уже очень поздно. Я устал, и ты устала. Поговорить мы успеем после того, как найденные волосы пройдут необходимую экспертизу. Тогда и узнаем, замешана ли в деле естественная брюнетка или та, которая покрасила волосы для маскировки.

Насчет усталости Уайатт был абсолютно прав. Я решила, что прав он и относительно второго пункта. Поэтому разделась и заползла в прохладную постель. Уайатт поставил регулятор кондиционера на «холод», выключил свет и лег рядом. Здесь-то и выяснилось, что относительно усталости он

все-таки солгал.

Глава 27

Мне снова приснился красный «мерседес». Моста, правда, уже не было, зато появилась женщина. Она стояла перед машиной и целилась из пистолета. Волосы ее не были черными. Они были светло-русыми, почти как у блондинки, но несколько иного оттенка. Странным оказалось то обстоятельство, что «мерседес» стоял у обочины возле того самого дома, где мы с Джейсоном снимали квартиру сразу после свадьбы. Жили мы там недолго, не больше года, а потом купили собственный дом. При разводе я с удовольствием уступила Джейсону новый дом со всеми платежами, а взамен получила капитал, за счет которого и организовала свой фитнес-клуб.

Сон не испугал меня, хотя незнакомка целилась почти в упор. Раздражение ее глупостью вытеснило страх. В конце концов я просто вышла из машины и удалилась. Сны – нелепая штука, ведь в реальной жизни ничто на свете не заставило бы меня бросить «мерседес» на произвол судьбы.

Проснулась я в некоторой растерянности, что случается достаточно редко. Откуда появилось это чувство? Ночью не могло произойти ничего странного.

В комнате стоял такой холод, что было страшно вылезать из-под одеяла. Трудно сказать, почему Уайатт по ночам так любил ставить регулятор кондиционера на «холод», если, ко-

нечно, он не был наполовину эскимосом. Я подняла голову и посмотрела на часы: пять ноль пять. Будильник зазвенит только через двадцать пять минут. Но я ведь проснулась, так почему бы не проснуться и Уайатту? Тихонько ткнула соседа в плечо.

– М-м? Уф... – сонно пробормотал он и перевернулся на другой бок. На мой живот легла большая теплая рука. – Что с тобой? Снова страшный сон?

– Нет. Вернее, сон снился, но не кошмарный. Просто проснулась, а в комнате холоднее, чем в морозилке. Страшно вставать.

Уайатт что-то пробормотал, зевнул и взглянул на часы.

– Вставать еще рано, – сделал он вывод и снова зарылся головой в подушку.

Я настырно ткнула его в бок:

– Нет, не рано. Мне нужно кое-что обдумать.

– А нельзя это сделать, пока я сплю?

– Было бы можно, если бы ночью ты не заморозил все на свете и если бы нашлась чашка кофе. Наверное, стоит поставить термостат на «тепло», чтобы я начала понемногу оттаивать. А когда встанешь, дашь мне одну из своих фланелевых рубашек или еще что-нибудь теплое.

Уайатт снова застонат и перевернулся на спину.

– Ну хорошо, хорошо. – Что-то тихо бормоча, он вылез из постели и направился в прихожую, где находился термостат. Через несколько секунд ветер стих. Воздух все еще оставался

холодным, но по крайней мере не кружился в вихревом потоке. Вернувшись в спальню, Уайатт скрылся в стенном шкафу, а через некоторое время появился, держа в руках что-то темное и длинное. Бросил одеяние на постель, а сам снова залез под одеяло. – Встретимся через двадцать минут, – попрощался он и тут же снова погрузился в сон.

Жадно схватив неизвестный предмет, я быстро в него завернулась. Это оказался мягкий теплый халат. Стоило мне встать на пол, как тяжелые складки тут же упали почти до щиколоток. Я подпоясалась и на цыпочках, стараясь не разбудить спящего, вышла из спальни. Чтобы не сломать на лестнице голову, включила свет.

Я достала с полки буфета чашку и стала ждать, когда кофеварка выдаст мне кофе. Пол казался таким холодным, что стоять босиком было почти невозможно – хотелось поджать пальцы. Неожиданно мне подумалось, что когда появятся дети, отцу семейства придется отказаться от привычки замораживать дом на ночь.

От этой мысли в животе у меня что-то оборвалось, так, как это случается на первом крутом витке «американских горок», а потом появилось ощущение нереальности. Чувствовала я себя так, словно одновременно находилась в двух измерениях: в действительном мире и мире мечты. Мечтой был Уайатт. Он был ею с того самого момента, как я его встретила и так быстро упустила свой шанс. А сейчас мечта совершенно внезапно соединилась с реальностью, и мне с

большим трудом удавалось вписаться в новое измерение.

Всего лишь за одну неделю мир перевернулся. Джефферсон Уайатт Бладсуорт признался, что любит меня. Сказал, что мы непременно поженимся. Я поверила и тому и другому, потому что он не забыл сообщить важную новость и моим родителям, и своей маме, и всему департаменту полиции. Больше того, я даже начинала понимать побудительные мотивы первоначального бегства: сила собственного чувства способна испугать любого мужчину.

Женщины справляются с подобными ситуациями гораздо лучше, потому что они сильнее. В конце концов, мы, как правило, растем и взрослеем с сознанием собственного предназначения, прекрасно понимая, что настанет время беременности, родов и воспитания детей. А если задуматься о том, что все это значит для женского тела, то просто удивительно, что женщина вообще позволяет мужчине подойти ближе чем на милю.

Мужчины чувствуют себя мучениками из-за того, что им приходится ежедневно бриться. Но разве подобная чепуха может сравниться с тем, что испытывают в жизни женщины?

Уайатт потерял два года только потому, что считал меня недоступной, требовательной и надменной. Но это неправда. Если существует на свете кто-то действительно требовательный и высокомерный, то это моя бабуля. Конечно, она может похвастать куда более богатой практикой. Надеюсь, что к столь почтенному возрасту и я наберу необходимый

размах. А сейчас я всего лишь благоразумная, логично мыслящая взрослая женщина, которая руководит собственным бизнесом и верит в равноправные отношения с мужчиной. Конечно, в некоторых ситуациях чаша весов должна неизбежно склоняться в мою сторону: так случилось, когда меня ранили; так случится во время беременности. Но ведь это особые случаи, правда?

Кофеварка уже нацедила приличную порцию кофе. Я вытащила стеклянный кувшин и вылила долгожданный напиток в чашку. Как хорошо, что современные кофеварки отключаются автоматически! На горячий поддон попала всего одна-единственная крошечная капля. Наполнив чашку, я сразу поставила кувшин на место, прислонилась к буфету и задумалась, чем же меня так озадачил сон.

Ноги совсем замерзли, а потому я направилась в общую комнату, взяла блокнот, в который записывала прегрешения Уайатта, и уселась в кресло, плотно закутавшись в халат.

То, о чем мама говорила ночью – а ведь беседа эта состоялась всего лишь несколько часов назад, – дало толчок определенной цепочке мыслей. Сложность заключалась в том, что отдельные сегменты до сих пор не соединились. Так что, строго говоря, цепочка еще не оформилась, потому что она предполагает именно соединение. При этом отдельные ее звенья лежали, словно ожидая, что кто-то их возьмет и надежно скрепит в единое целое.

Главная ценность разговора с мамой заключалась в том,

что мама выразила мои мысли, но сумела повернуть их по-своему. Кроме того, она углубилась в историю, в старшие классы школы, когда Мелинда Коннорс устроила настоящую истерику. Меня наградили титулом «Королева выпускного бала». А поскольку я уже была старшей в группе поддержки, завистливая девица решила, что столько почестей сразу – слишком жирно. Совсем не очевидно, впрочем, что Мелинда стала бы королевой вместо меня, потому что ее физиономию вполне можно было бы поместить на плакат «Союза страхолюдин», существуй такой на свете. Однако эта особа сохраняла самое высокое мнение о собственной персоне и считала, что я стою у нее на пути.

И все же убить меня пыталась не она. Мелинда Коннорс вышла замуж за какого-то недоумка и переехала в Миннеаполис, так что теперь радуется народ в тех краях.

Мама навела меня на мысль о том, что сегодняшние неприятности вполне могут уходить корнями в глубь времен. Я же пыталась думать о каких-то недавних событиях и отношениях, в частности о последней девушке Уайатта или о моем последнем парне. Однако все эти рассуждения не выдерживали критики, поскольку именно Уайатт был последней значительной фигурой в моей жизни, а его даже трудно было назвать бойфрендом – настолько быстро он тогда ретировался.

Я начала записывать в блокнот отдельные пункты. Они все еще оставались разрозненными звеньями, хотя рано или

поздно непременно должен был найтись тот самый гвоздик, который смог бы соединить их в единое целое.

Сверху донесся шум воды. Звук означал, что Уайатт проснулся и принимал душ. Я включила телевизор, чтобы узнать погоду: жара, жара и жара. Потом снова устала в блокнот, обдумывая, чем занять время. Сидеть дома отчаянно надоело. Первый день оказался просто потрясающим, второй, то есть вчерашний, уже отдавал скукой. Если же придется остаться в четырех стенах еще и сегодня, то могут случиться самые непредвиденные неприятности – исключительно от безделья.

К тому же я прекрасно себя чувствовала. Левая рука заживала уже седьмой день, так что мышцы работали вполне исправно. Я могла даже самостоятельно одеваться. Боль и ломота после автомобильной аварии тоже почти исчезли благодаря йоге, пакетам со льдом и многолетней практике общения с утомленными мышцами.

Минут через пятнадцать Уайатт спустился и нашел меня перед телевизором.

– Новый список? – с опаской поинтересовался он.

– Да, но не твой.

– Хочешь сказать, что составляешь перечень злоупотреблений и других людей?

В вопросе послышалась обида, словно он считал себя единственным, кто достоин подобного списка.

– Нет, составляю список свидетельств и улик. Уайатт на-

клонился, чтобы поцеловать меня, и попутно заглянул в блокнот.

– А с какой стати сюда попал твой красный «мерседес»?

– Я дважды видела его во сне. Это должно что-то означать.

– Может быть, то, что белый разбит вдребезги и тебе очень хочется вернуть красный? – Еще один поцелуй. – Что желаете на завтрак? Французские тосты? Или яичницу с сосисками?

– Устала от мальчишеской еды, – призналась я, вставая и послушно шлепая на кухню. – Почему у тебя нет девчачьей еды? Хочу девчачьей еды.

С кофейником в руках Уайатт на секунду замер.

– А разве женщины едят не то же самое, что мужчины? – осторожно полюбопытствовал он.

Иногда этот парень просто не может не раздражать.

– Ты уверен, что был женат? Ты же совсем ничего о нас не знаешь!

Уайатт налил себе кофе и поставил кувшин на место, на горячую подставку.

– Я как-то не обращал внимания. Раньше ты ела то же самое, что и я.

– Исключительно из вежливости, чтобы не обидеть радужного хозяина. Ты так старательно меня кормил.

Уайатт на секунду задумался.

– Дай только выпью кофе и тогда уж отомщу сполна. А тем временем приготовлю завтрак, и ты его съешь как милень-

кая, потому что другого нет, а голодать я тебе не позволю.

Подумать только, он обижается из-за каждой мелочи.

– Фрукты, – пришла я на помощь. – Персики. Грейпфруты. Цельный пшеничный хлеб для тостов. Йогурт. Иногда каша. Вот что значит девчачья еда.

– Стоит ли заботиться о здоровой пище? Если ты ешь йогурт и при этом до сих пор жива, значит, способна есть буквально все. Ведь эта штука просто отвратительна.

– Тебя никто и не заставляет это есть. Просто нужно, чтобы в доме была и девчачья еда – для меня. Естественно, если мне предстоит здесь остаться.

– Насчет того, чтобы остаться, сомневаться не приходится. – Уайатт засунул руку в карман джинсов, что-то вытащил и бросил мне: – Вот.

Я поймала маленькую бархатную коробочку, повертела в руках, но открывать не стала. Если в ней скрывалось именно то, о чем я думала... Коробочка полетела в обратном направлении. Уайатт подставил ладонь и нахмурился:

– Не хочешь?

– Чего не хочу?

– Это же обручальное кольцо.

– О, так в коробочке лежит обручальное кольцо? И ты мне его так небрежно швырнул?

Да, такой колоссальный промах надо записать на отдельной странице самыми большими буквами и, когда дети вырастут, показывать им в качестве примера того, как не сле-

дует поступать.

Бладсуорт склонил голову и задумчиво взглянул на меня-босиком, в длинном, не по росту, халате, напряженно прищурившись, я ждала его дальнейших действий. Улыбнувшись, он подошел ближе, сжал мою правую руку и поднес к губам. Потом элегантно опустился на одно колено и снова поцеловал мне руку.

– Я люблю вас, Блэр Мэллори, – с тяжеловесной торжественностью провозгласил лейтенант Джефферсон Уайатт Бладсуорт. – Согласны ли вы выйти за меня замуж?

– Да, согласна, – также торжественно ответила я. – Потому что я вас тоже люблю.

Ответственный момент закончился. Я бросилась в раскрытые объятия. Равновесие удержать не удалось, и мы оказались на полу; правда, Уайатту удалось приземлиться на пятую точку, так что ничего страшного не произошло. Некоторое время мы целовались, потом халат как-то сам собой сполз и произошло то самое, о чем вы скорее всего подумали.

Придя в себя, мы нашли бархатную коробочку – она закатилась под буфет – и вместе открыли крышку. Уайатт вынул очаровательное колечко с бриллиантом и осторожно надел мне его на безымянный палец левой руки.

Я взглянула на кольцо, и из глаз почему-то сами собой потекли слезы.

– Эй, девочка, не плачь, – попытался успокоить меня Уай-

атт. – Разве это повод для слез?

– Я плачу потому, что люблю тебя, и еще потому, что это так красиво. – Я вытерла слезы. Иногда этому человеку удавалось все делать правильно. Когда такое случалось, впечатление оказывалось слишком сильным. – Когда же ты его купил? Не представляю, как можно было выкроить время.

Уайатт усмехнулся:

– В прошлую пятницу. Уже целую неделю ношу в кармане.

– В прошлую пятницу? На следующий день после убийства Николь? Еще до того, как отправиться за мной на море?

Рот открылся сам собой.

Уайатт шутливо подтолкнул пальцем мой подбородок, и рот закрылся.

– Уже тогда я не сомневался. Решение пришло в четверг, поздним вечером, когда я увидел тебя в офисе с собранными в «конский хвост» волосами и в этом маленьком розовом топе, от которого у всех мужиков потекли слюнки. Внезапно оказалось огромным счастьем обнаружить, что убили не тебя. И сразу стало понятно, что последние два года я занимался только тем, что пытался уйти от неизбежного. Упустить шанс еще раз было просто невыносимо, а потому уже на следующий день я и купил это кольцо.

Я попыталась систематизировать факты. И так, я упорно добивалась, чтобы Уайатт осознал, что любит меня именно так, как, по моим понятиям, и должен был полюбить, если

бы только позволил себе это, в то время как он уже все давным-давно решил. Реальность преломилась еще раз.

Да, возможно, мужчины и женщины принадлежат к одному биологическому виду, но важнейший факт заключается в том, что *мы не* одинаковы. В нашем с Уайаттом случае различия не выглядели трагическими, потому что он старался. Даже купил специально для меня кустик, помните? И это великолепное кольцо.

– Чем ты собираешься сегодня заниматься? – поинтересовался Уайатт, когда мы сели завтракать. В итоге долгих рассуждений на столе оказались яичница, тосты и сосиски. Мне вполне хватило и трети той порции, которую поглотил он.

– Пока не знаю. – Я неопределенно пожала плечами. – Скучно. Что-нибудь придумаю.

Уайатт поморщился:

– Именно такого твоего настроения я и боюсь. Собирайся, и поедем ко мне на работу. Во всяком случае, там ты будешь в безопасности.

– Не обижайся, но сидеть в твоём офисе еще скучнее, чем здесь.

– Ничего, – без малейшего сочувствия возразил железный лейтенант. – Ты крепкая. Выдержишь.

Возражать было бессмысленно: опыт показывал, что, если лейтенант Бладсуорт принял решение, он уже ни за что не передумает. Поэтому я решила отомстить чисто по-женски. Просто вспомнила вдруг, что рука еще немного побаливает,

так что Уайатту пришлось помочь мне нанести макияж, чтобы спрятать синяки. Кроме того, оказалось, что волосы не хотят слушаться, а потому он должен заплести их в косички. После нескольких неудачных попыток Уайатт раздраженно пробурчал что-то себе под нос и заявил:

– Ну все, хватит. Ты уже достаточно меня наказала. Пора выезжать, иначе я опоздаю на работу.

– Неплохо было бы тебе научиться заплетать косы, – заметила я, сделав большие невинные глаза. – Наша дочка наверняка когда-нибудь будет носить косички, и ее очень порадует, если папочка сумеет их заплести.

При упоминании о дочке лейтенант мгновенно растаял, однако сумел достаточно быстро взять себя в руки.

– У нас будут только мальчики, – решительно парировал он, поднимая меня со стула. – Никаких девочек. Мужскому населению семьи придется сплотиться и выступить единым фронтом.

Я успела схватить блокнот за секунду до того, как меня вывели в гараж и практически воткнули в «форд». По крайней мере, сидя в департаменте полиции, можно будет продолжить собственное расследование.

Когда мы приехали на место и Уайатт открыл передо мной дверь, я сразу увидела офицера Вискосая. Он был в гражданском, а потому я решила, что Вискосай только что закончил работу и направляется домой. Офицер остановился и в знак приветствия поднял руку.

– Мне очень понравился ваш десерт, мисс Мэллори, – признался он. – Хорошо, что я задержался на службе, а то и не попробовал бы.

– Рада доставить удовольствие, – вежливо ответила я, улыбаясь. – Позвольте поинтересоваться, где вы тренируетесь? Это сразу заметно.

Офицер немного растерялся, но тут же пришел в себя.

– В молодежной христианской организации.

– Когда вся эта история закончится и я смогу вернуться на работу, с удовольствием покажу вам свой клуб «Фанаты тела». Мы предлагаем целый ряд программ, и у нас имеется самое новое, первоклассное оборудование.

Тем временем Уайатт незаметно, но упорно подталкивал меня вперед. Прежде чем свернуть за угол, к лифту, я обернулась и крикнула:

– Пока, до встречи!

– Ты можешь не флиртовать? – прорычал Бладсуорт.

– Я не флиртовала, а занималась бизнесом.

Двери лифта открылись, и мы вошли. Уайатт нажал кнопку своего этажа.

– Именно флиртовала, и ничего больше. Так что прекращай свои штучки.

Шеф Грей разговаривал с группой детективов, среди которых оказались Макиннис и Форестер. Едва мы появились, он замолчал, поднял голову и принялся внимательно наблюдать за тем, как Уайатт эскортирует меня в кабинет. Началь-

ник был одет в темно-серый костюм и яркую синюю рубашку. Я наградила прилежного ученика ослепительной улыбкой и в знак одобрения подняла большие пальцы; шеф смущенно поправил галстук.

– Кажется, произошла тактическая ошибка, – пробормотал Уайатт, усаживая меня в собственное кресло. – Однако менять что-то уже поздно, а потому просто сиди здесь и составляй списки, хорошо? Среди сотрудников немало ребят с высоким уровнем холестерина, а потому старайся не слишком улыбаться, чтобы не случилось сердечных приступов. Кроме того, даже не пытайся флиртовать с теми, кому за сорок, кто страдает лишним весом и кто женат, а также с теми, кому еще нет сорока и кто свободен. Поняла?

– Но я вовсе не кокетка, – обиженно возразила я и вытаскивала блокнот. Ведет себя просто как настоящая собака на сене. Это необходимо записать.

– Факты свидетельствуют об обратном. После того, как ты сказала шефу, что ему идет синий цвет, он полностью перешел на синие рубашки. Так что, думаю, тебе стоит подсказать бедняге какой-нибудь новый оттенок.

– Ах, как мило! – просияла я. – Мистер Грей, должно быть, в тот же день отправился по магазинам.

Некоторое время Уайатт молча, с огромным вниманием изучал потолок, а потом поинтересовался:

– Может быть, хочешь кофе? Или диетической колы?

– Нет, спасибо, пока ничего не надо. А где же устроишься

ты? Ведь я заняла твой стол.

– Где-нибудь, – неопределенно ответил Уайатт и вышел.

Скучать было некогда. То и дело в кабинет заглядывали люди, благодарили за пудинг и просили дать рецепт. То есть рецепт просили, конечно, женщины. Мужчинам подобное и в голову не приходит. В перерывах между разговорами я смотрела в свой блокнот, рисовала всякую чепуху и время от времени записывала некоторые детали, которые могли иметь какое-то значение, а могли и не иметь. Однако магическое звено, способное скрепить цепь в единое целое, так и не обнаружилось.

Когда наступило время ленча, в кабинете появился хозяин. В одной руке он держал белый пакет с двумя сэндвичами, а в другой – две банки с напитками. Первым делом он согнал меня с кресла – понятия не имею, что за секрет таят его кресла и почему он никак не хочет ими делиться. Потом он уселся и принялся за еду, одновременно рассматривая рисунки в блокноте и читая записи.

Мое творчество особого успеха не имело. Понравилось лейтенанту лишь собственное имя: Уайатт нарисовал вокруг него сердце, пронзенное стрелой. Но тут же нахмурился, обнаружив новый список злоупотреблений.

Покончив с сэндвичем, Бладсуорт наконец заговорил:

– Ребята из лаборатории выяснили, что черные волосы натуральные, а не крашенные. Кроме того, они принадлежат человеку азиатского типа, и это очень важно. Среди твоих зна-

комых много этнических азиатов?

Вопрос заставил меня задуматься. В нашей части страны не так уж много граждан азиатского происхождения. В колледже я дружила с несколькими из них, но никаких отношений между нами не сохранилось.

– После колледжа не могу вспомнить никого.

– Не забывай, что коренные американцы, то есть индейцы, тоже имеют азиатские корни.

А вот это совсем другое дело! Вблизи резервации восточных чероки жило немало представителей этого племени. Среди моих знакомых многие имели индейские корни, но убивать меня им было абсолютно незачем.

– Придется как следует подумать, – наконец заключила я – И составить список.

Уайатт ушел, а я занялась составлением перечня всех знакомых коренных американцев. Однако, прилежно записывая имена, я понимала, что лишь напрасно трачу время. Никто из них не мог покушаться на мою жизнь.

Пришлось вернуться к началу. Я написала: «Волосы азиатского типа». Но разве не из таких волос делают все качественные натуральные парики? Эти волосы крепкие, прямые и блестящие, а потому с ними можно делать все, что угодно, даже красить и завивать. Немного подумав, я написала слово «парик» и обвела его кружочком.

Если убийца додумался надеть парик, то не имеет смысла обращать внимание на цвет волос. Круг подозреваемых сно-

ва расширился. Неожиданно мне в голову пришла безумная мысль; я написала имя, а рядом нарисовала жирный вопросительный знак.

Часа в два дверь открылась, в кабинет заглянул Уайатт.

– Оставайся здесь, – коротко скомандовал он. – Поступило сообщение об убийстве или самоубийстве. Включи сотовый. Как только смогу, сразу позвоню.

Если телефон при мне, то он всегда включен. Главный вопрос заключался в том, когда вернется Уайатт. Я уже знала, как много времени занимает осмотр места преступления; вполне возможно, что будущий муж не придет за мной и до полуночи. Без собственных колес жить просто невозможно.

Неумолкаемый гул за дверью кабинета, в большой комнате, постепенно стих. Я вышла и увидела, что почти все исчезли – должно быть, отправились туда, где произошло это самое убийство или самоубийство. Если бы только была возможность, я бы тоже сбежала.

Справа негромко звякнул лифт, предупреждая о том, что кто-то приехал. Я оглянулась в тот самый момент, когда открылась дверь, и застыла в шоке: из лифта вышел Джейсон собственной персоной.

Нет, наверное, это все-таки был не шок: подобная реакция слишком остра. Скорее изумление. Ну, и если уж говорить совсем точно, то я вовсе не застыла, а состояние шока подразумевает полную неподвижность.

Мне захотелось поскорее спрятаться, но Джейсон меня

уже увидел. Широко улыбаясь, решительно пошел прямо ко мне.

– Блэр! Я послал сообщение. Ты его получила?

– Привет, – поздоровалась я без особого энтузиазма, слово и не слышала вопроса. – Что ты здесь делаешь?

– Ищу мистера Грея. Позволь задать тот же вопрос тебе.

– Срочно потребовалось выяснить кое-какие детали, – уклончиво ответила я. За прошедшие пять лет я впервые разговаривала с бывшим мужем и делала это без малейшего удовольствия. Прошлое казалось таким далеким, что трудно было даже представить, что мы когда-то жили вместе.

Джейсон и сейчас был красавцем, однако на меня его красота совсем не действовала. В это время года конгресс штата не заседал, но теперь, став конгрессменом, Джейсон проводил время, играя в гольф с шефом полиции, и даже в спортивной одежде явно претендовал на особый статус. Джинсы, полотняные туфли, овсяного цвета льняной пиджак. Сейчас появились льняные ткани, которые почти не мнутся, однако у Джейсона не хватило смекалки поискать что-то подобное. Его пиджак выглядел так, словно в нем спали по меньшей мере в течение недели, хотя скорее всего еще утром он спокойно висел в шкафу тщательно отглаженным.

– Не видела шефа с самого утра, – заявила я, отступая к двери и собираясь за нею спрятаться. – Желаю удачи.

Вместо того чтобы отправиться по собственным делам, Джейсон сделал шаг в сторону уже открытого кабинета.

– А здесь нет какой-нибудь комнаты отдыха, куда бы мистер Грей мог зайти, чтобы выпить кофе?

– Он же шеф, – сухо заметила я. – А потому наверняка существует кто-то, кто варит ему кофе, наливает в чашку и приносит в кабинет.

– Не хочешь пойти со мной и помочь в поисках? По пути вспомнили бы прошлое.

– Нет уж, спасибо. У меня полно бумажной работы. – Я показала на заваленный бумагами стол Уайатта. Моим там был только блокнот. Но поскольку я уже сунула нос в каждый листок, то имела полное право говорить о бумажной работе.

– Да ладно, – не унимался Джейсон. Он быстро сунул руку в карман и вытащил тупоносый, с коротким дулом, пистолет.
– Пойдем со мной. Нам предстоит многое обсудить.

Глава 28

Разумеется, я никуда бы с ним не пошла, не приставь он к моему боку пистолет. Но Джейсон поступил именно так, а потому пришлось подчиниться. Мысли куда-то летели, пытаясь ухватить смысл происходящего. Сейчас нельзя было думать о постороннем в надежде на то, что подсознание само предложит верное решение. Очень скоро до меня дошло, что стрелять при свидетелях Карсон ни за что бы не стал – в департаменте все-таки оставалась пара сотрудников. Однако поняла я это слишком поздно: мы уже сидели в машине.

Похититель заставил меня сесть за руль, а сам держал пистолет наготове. Мелькнула мысль въехать правым крылом в столб или во что-нибудь еще, но очень не хотелось снова переживать аварию. Я даже сморщилась. Бедное тело только что начало приходить в себя после недавних событий. Получить очередной удар в лицо подушкой безопасности тоже не самая большая радость. И все же синяки – это временно, а вот пуля могла бы оказаться вечной. На всякий случай, если вдруг иного выхода не найдется и придется целиться в столб, я посмотрела на руль, чтобы убедиться в наличии подушки безопасности. Машина была прекрасной – «шевроле» последней модели, так что можно было бы и не проверять. Однако, судя по всему, последняя неделя все-таки не прошла для меня даром.

Самое забавное заключается в том, что я встревожилась, но не пришла в ужас. Имея дело с Джейсоном, необходимо твердо помнить следующее: ради сохранения собственного имиджа этот человек готов на все. Жизнь его построена на политической карьере, выборах и честолюбии. Уж не знаю, каким образом он надеялся замести следы убийства, если двое сотрудников видели, что я вышла из департамента вместе с ним.

Я послушно исполняла все приказы, ожидая, когда же похититель это поймет, но он словно существовал в собственном, параллельном мире. Понятия не имею, куда он меня вез. Скорее всего мы просто бесцельно кружили по городу, пока Джейсон решал, куда бы направиться. Свободной от пистолета рукой он постоянно теребил нижнюю губу, что, как я помнила, свидетельствовало о немалом волнении.

– Ты надевал черный парик, да? – словно между прочим поинтересовалась я. – Ну когда обрезал тормозной шланг?

Джейсон нервно прищурился.

– Откуда тебе это известно?

– Пара волосков зацепилась за днище, и судебные эксперты их обнаружили.

Джейсон немного растерялся, но потом кивнул:

– Ах да, кажется, парик действительно за что-то слегка задел. Правда, я даже не подумал, что волосы могут остаться, так как никакого натяжения не почувствовал.

– Теперь полиция проверяет, кто в последнее время по-

купал черные парики, – соврала я. Джейсон снова занервничал. Впрочем, ложь была не стопроцентной, потому что, заметив в моем блокноте обведенное слово «парик», Уайатт обязательно обратил бы на него внимание. – Люди видели, как я уходила вместе с тобой, – продолжала я. – Если ты меня убьешь, как потом объяснишь то, что сделал?

– Что-нибудь придумаю, – пробормотал Джейсон.

– Что-нибудь? А куда денешь тело? Не забывай, полиция тут же проверит тебя на детекторе лжи, причем так быстро, что ты и глазом не успеешь моргнуть. Даже если не удастся обнаружить достаточных улик и выдвинуть обвинение, твоя карьера все равно окажется безнадежно загубленной.

Видите ли, я хорошо знаю Джейсона Карсона. Больше всего на свете он дорожит своей драгоценной карьерой. Поэтому даже несмотря на то, что он способен запросто испортить тормоза в моей машине, на явное убийство он вряд ли решится.

– Но ты можешь просто меня отпустить, – продолжала я. – Не знаю, с какой стати вдруг понадобилось меня убивать. .. Постой-ка! Возможно, ты перерезал тормозной шланг, но в прошлое воскресенье стрелял не ты. Так что же происходит? – Я резко повернулась, чтобы взглянуть в лицо похитителю, и машина вильнула. Джейсон выругался, и я поспешно выправила руль.

– Не понимаю, о чем ты, – заговорил он, глядя прямо перед собой и забыв о пистолете. Точно, Джейсон не создан

для преступной жизни.

– В меня стрелял кто-то другой. – Мысли торопливо на-скакивали одна на другую, и постепенно отдельные звенья соединились, наконец-то образовав цепь. – Твоя жена! Твоя жена пыталась меня убить, так ведь?

– Дебра безумно ревнует, – признался Джейсон. – Оста-новить ее невозможно, она просто ничего не слушает. Если ее поймают, мне придет конец. А это непременно произой-дет, так как она сама не ведает, что творит.

Значит, их двое.

– И поэтому ты решил, что лучше убьешь меня сам, чтобы это не пришлось делать ей? Предупредишь удар?

– Что-то в этом роде. – Джейсон устало провел рукой по светлым волосам. – Если тебя не будет в живых, она пере-станет сходить с ума.

– Но с какой же стати ей сходить из-за меня с ума? Я ведь так далека от вашей жизни. Со времени развода мы даже впервые с тобой разговариваем.

Джейсон пролепетал что-то невнятное, и я бросила в его сторону быстрый взгляд.

– Что? Говори нормально! – Обычно этот человек лепе-чет, когда ощущает собственную вину.

– Наверное, все дело во мне, – произнес он немного гром-че.

– Да? Как это? – Я старалась говорить ободряющим тоном, хотя на самом деле с большим удовольствием стукнула бы

его головой об асфальт.

– Когда мы ссоримся, я иногда говорю что-нибудь о тебе, – признался Джейсон. Теперь он уже и вообще смотрел в окно. Правда. Можно было запросто протянуть руку и забрать у него пистолет. Но он держал палец на спусковом крючке, что само по себе достаточно опасно, особенно если человек не умеет стрелять. Джейсон стрелять не умел. Если бы умел, то следил бы за мной как ястреб, а не отвернулся к окну.

– Джейсон, дурачок, ну зачем ты затеял всю эту глупость? – простионала я.

– Жена постоянно испытывает мое терпение. – Он явно пытался оправдаться. – Я люблю Дебру, действительно люблю, но она совсем не похожа на тебя. Такая скользкая, ненадежная. Я уже устал от бесконечных козней и начал отвечать тем же. Понимал, что свожу ее с ума, но не предполагал, что она совсем свихнется. В прошлое воскресенье, вечером, вернувшись после игры в гольф, я узнал, что она в тебя стреляла. Разразился страшный скандал, и она поклялась, что убьет тебя во что бы то ни стало. Думаю, жена следила за твоим домом и за тобой, чтобы выяснить, что между нами происходит. Никакими словами ее не убедить. Она обезумела от ревности. Если ей все-таки удастся осуществить задуманное, то меня больше никогда не выберут представителем штата. А это значит, что о губернаторстве можно забыть.

Я немного подумала.

– Джейсон, очень неприятно об этом говорить, но ты же-

нился на дурочке. Это точно.

Он недоуменно взглянул на меня:

– Как это?

– То же самое можно сказать и о ней.

Последняя фраза заставила похитителя обиженно надуться, но уже через несколько секунд он снова заговорил о своем:

– Понятия не имею, что делать. Я не хочу тебя убивать. Но если смалодушничая, Дебра будет продолжать попытки и в конце концов разрушит мою карьеру.

– У меня есть неплохая идея. Что, если поместить ее в специальное закрытое учреждение? – не без сарказма предложила я. Однако предложила всерьез. Жена Джейсона представляла нешуточную опасность для окружающих, в частности для меня.

– Это невозможно! Я люблю Дебру!

– Послушай. Мне кажется, у тебя есть выбор: если меня убьет она, это может разрушить твою карьеру; но если убьешь ты, последствия будут куда более серьезными. Ведь ты уже совершал предварительную попытку, а это говорит о преднамеренности и резко отягощает вину. Больше того, я обручена с полицейским, и он просто тебя прикончит. – С этими словами я сняла с руля левую руку и подняла ее над головой, показывая кольцо.

– Ого, вот это камень! – с простодушным восхищением воскликнул Джейсон. – Не думал, что в полиции зарабаты-

вают такие деньги. Кто он?

– Уайатт Бладсуорт. Позавчера тебя допрашивал, помнишь?

– Так вот почему он так бесился. Теперь понятно. Этот парень раньше играл в футбол, так ведь? Должно быть, жуток богат.

– Не голодает, – согласилась я. – Так вот, если со мной что-нибудь случится, он не только тебя убьет – а другие копы просто ничего не заметят, так как хорошо ко мне относятся, – но вдобавок сожжет твою деревню и посыплет солью твои поля. – Чтобы усилить эффект и подчеркнуть нешуточность последствий, я решила использовать библейскую угрозу.

– У меня нет полей, – возразил Джейсон. – И деревни тоже нет.

Иногда бывший муж поражал прямолинейностью.

– Знаю, – терпеливо согласилась я. – Это была метафора. Она означает, что лейтенант Бладсуорт тебя безжалостно уничтожит.

Джейсон кивнул:

– Понимаю. Кстати, ты отлично выглядишь. – Он откинул голову на спинку сиденья и застонал: – Что же мне делать? Не могу придумать ничего стоящего. Я специально позвонил и сообщил об убийстве или самоубийстве, чтобы все копы смылись из департамента. Но кое-кто все равно остался. Ты права: свидетели были. Так что если я убью тебя, их тоже придется убивать. Это вряд ли получится, потому что поли-

ция уже наверняка выяснила, что тревога ложная, и все вернулись на место.

Словно по приказу, зазвонил мой телефон. Джейсон вздрогнул. Я принялась рыться в сумке, но он приказал: «Не отвечай», – и я вытащила руку.

– Это наверняка Уайатт, – предупредила я. – Как только он узнает, что я уехала с тобой, раскалится добела.

Угроза не имела ни малейшего отношения к Библии, однако вполне соответствовала истине. На лбу Джейсона выступил пот.

– Но ведь ты можешь сказать ему, что мы просто разговаривали, правда?

– Постарайся понять: ты пытался и до сих пор пытаешься меня убить. Необходимо срочно уладить этот вопрос, иначе мне придется сказать Уайатту, что ты снова угрожал пистолетом, и он разберет тебя на части – очень мелкие, вплоть до молекул.

– Знаю, – простонал Джейсон. – Поедем ко мне домой и спокойно поговорим, придумаем какой-нибудь план.

– А Дебра там?

– Нет, она наблюдает за домом твоих родителей, в надежде, что рано или поздно ты там появишься.

Ах, так эта сучка еще и маму с папой выслеживает? Вот за это она поплатится отдельно! Я постаралась обуздать приступ ярости, чтобы не потерять ясность мысли. Заговаривая Джейсону зубы, я нисколько его не боялась, так как очень

хорошо знала все слабости этого человека. Но вот с его женой дело обстояло гораздо серьезнее: судя по всему, рассудка в ней не было ни грамма. Чего ждать от безумной особы и что с ней делать, было совершенно непонятно.

Я подъехала к дому Джейсона – тому самому, который мы купили вместе. Во время развода я его отдала. За пять лет дом мало изменился. Растительность вокруг, правда, стала выше и гуще, в остальном же все сохранилось в прежнем виде. Двухэтажный особняк из красного кирпича, с белыми ставнями и орнаментом на фасаде. Построен в современном стиле, с интересными архитектурными деталями. Однако ничто не выделяло этот дом среди других, чинно выстроившихся вдоль дороги. Наверное, строители используют не больше пяти различных проектов, а потому особого разнообразия и фантазии на наших улицах не наблюдается. Закрытая дверь гаража говорила о том, что хозяев дома нет.

Повернув на дорожку, я задумчиво проговорила:

– А знаешь, тебе, наверное, не стоило приводить Дебру в этот дом.

– Почему?

Я же говорила, что Джейсон никогда ничего не понимает.

– Потому что здесь жили мы, когда были женаты, – терпеливо объяснила я. – Возможно, она ощущает дом не своим собственным, а моим. Ей нужен собственный дом. – Странно, но в этот момент я даже ощутила некое сочувствие к несчастной женщине.

– С домом все в порядке, – энергично запротестовал Джейсон. – Хороший дом, красивый и современный.

– Джейсон! Купи жене другой дом! – заорала я. Иногда внимание можно привлечь только таким способом.

– Хорошо, хорошо, только не кричи, – мрачно отозвался он.

Если бы здесь была стена, я бы начала биться об нее головой, а не только кричать.

Мы вошли внутрь, и я невольно закатила глаза, увидев все ту же, хорошо знакомую мне мебель. Человек поистине безнадобен. Дебре следовало бы убить его, а не меня.

Теперь не приходилось сомневаться в том, что кавалерия уже на марше. Ведь Уайатт с товарищами первым делом бросятся проверять дом Джейсона, так ведь? Они, конечно, понимали, что стрелял в меня не Джейсон, но Уайатт увидит мои записи и тут же сосчитает, сколько будет дважды два, – так же, как это сделала я. Ненавидеть меня могла только новая жена моего бывшего мужа. Правда, она была не такой уж и новой, поскольку они прожили вместе целых четыре года.

Куда уж очевиднее! Джейсон в меня не стрелял, но именно он на следующее же утро оставил на автоответчике то взволнованное сообщение – после пяти лет полного и абсолютного молчания. Уайатт мог сразу и не догадаться, что тормоза вывел из строя сам Джейсон, но сейчас главным было не это, а то, что не позднее чем через пять минут сюда примчится первая полицейская машина.

– Итак, – заговорил Джейсон, глядя на меня, словно на кладезь премудрости, – что нам делать с Деброй?

– Ты спрашиваешь, что вам делать со мной?!

От этого крика я подпрыгнула не меньше, чем на целый фут. Не только потому, что прозвучал он совершенно неожиданно, но и потому, что явно означал близкое присутствие Дебры. Ведь, несмотря на заверения мужа, ревнивая особа оказалась дома. В списке неблагоприятных обстоятельств этот факт, несомненно, занимал первое место.

Джейсон тоже подскочил и выронил пистолет. Слава тебе Господи, пистолет не выстрелил, иначе мое бедное сердце просто остановилось бы от страха. И все-таки оно едва не остановилось в ту секунду, когда я обернулась и увидела за собственной спиной бывшую мисс Дебру Шмейл, ныне миссис Джейсон Карсон. Дама выглядела очень внушительно. В руках винтовка, приклад у плеча, щека у приклада; все говорило о том, что нынешняя жена моего бывшего мужа отлично понимала, что делает.

Я судорожно сглотнула и пустила в ход язык, поскольку мозги пока еще оставались в полном ступоре.

– Он имел в виду: как нам убедить тебя в том, что причин для ревности просто нет? С момента развода мы с Джейсоном сегодня впервые встретились и поговорили. Он упоминал обо мне только для того, чтобы заставить тебя ревновать и отомстить за собственную ревность. И вообще, мне кажется, стоит убить не меня, а его – за то, что так подло поступал.

Как ты думаешь?

В сложившихся обстоятельствах речь представляла собой настоящий шедевр красноречия, если автору позволено будет самому себя похвалить. Однако женщина и глазом не моргнула. Так и держала винтовку, целясь мне прямо в грудь.

– Ненавижу тебя, – наконец злобно прохрипела она. – С утра до вечера только и слышу: «Блэр, Блэр, Блэр... Блэр то, Блэр это...» До тошноты!

– Но ведь я-то в этом не виновата. Больше того, я и понятия не имела, что он так себя ведет. Seriously говорю: лучше застрели собственного мужа!

До Джейсона наконец дошло, к чему я клоню.

– Эй! – возмущенно крикнул он.

– Не «эйкай», – огрызнулась я. – Сам во всем виноват. Тебе следует упасть на колени и просить прощения у нас обеих. Ты практически свел с ума бедную женщину, а меня едва не лишил жизни. Во всем виноват ты, и только ты.

– Я вовсе не «бедная женщина», – подала голос Дебра. – Я хорошенькая и умная, и Джейсон должен ценить меня, но он так влюблен в тебя, что едва способен соображать.

– Ничего подобного, – мгновенно отреагировал Джейсон, делая шаг в сторону жены. – Я люблю только тебя! А Блэр разлюбил давным-давно, задолго до развода.

– И это правда, – поддержала его я. – Он когда-нибудь рассказывал, что изменял мне? По-моему, так не любят, или ты не согласна?

– Джейсон любит тебя, – повторила Дебра. Прислушаться к голосу рассудка она явно не собиралась. – Он даже настоял на том, чтобы мы жили в этом доме.

– Слышишь? Я же говорила... – повернулась я к Джейсону.

– Не смей с ним переговариваться! Не допущу, чтобы ты сказала еще хотя бы одно слово. Я не хочу даже, чтобы ты дышала.

Дебра подступила ближе – так близко, что дуло винтовки почти уткнулось мне в нос. Я слегка отпрянула, потому что синяки от подушки безопасности уже начали бледнеть, а приобретать новый набор мне совсем не хотелось.

– У тебя есть все на свете, – рыдала Дебра. – О, я знаю, дом достался Джейсону, но он даже не разрешает ничего в нем изменить, надеясь, что ты еще сюда вернешься. Ты едешь на «мерседесе». Гоняешь по городу с открытым верхом, словно самая крутая штучка, а мне приходится тухнуть в «тауресе» только потому, что американская машина полезна для имиджа Джейсона.

Мне показалось, что на улице раздался какой-то звук, но я боялась даже повернуть голову и взглянуть. Помимо обычных отверстий, через которые можно проникнуть в дом – парадной двери, кухонной двери и окон, – здесь присутствовало еще и французское окно, ведущее из утренней гостиной во внутренний дворик, патио. С того места, где я стояла, было заметно, как на небольшом пяточке что-то мелькнуло. Однако посмотреть прямо я не решалась, чтобы не насторо-

жить Дебру.

Джейсон стоял справа от меня и не мог видеть ничего, кроме лестницы на второй этаж. Дебра имела возможность смотреть на улицу из окна гостиной, однако ей мешали расположение дома и тонкие шторы, задернутые таким образом, чтобы пропускать дневной свет, но в то же время защищать от любопытных взглядов. Так что я оказалась единственной, кто знал о приближении помощи.

Но что, если ребята ввалятся с обычным полицейским шумом, испугают Дебру и та нажмет на курок? Для меня это «но что, если» означало неминуемую смерть.

– Где ты научилась обращаться с винтовкой? – спросила я. Спросила не потому, что сгорала от желания узнать, где дают уроки стрельбы по людям, а просто чтобы заставить женщину говорить, отвлечь ее внимание от насущной необходимости немедленно меня убить.

– Часто ходила с отцом на охоту. А сейчас тренируюсь в стрельбе по тарелочкам, так что промахиваюсь редко. – Дебра быстро взглянула на мою перевязанную руку. – Если бы ты тогда так неожиданно не нагнулась, то узнала бы, какая я меткая. Нет, конечно, не узнала бы, потому что отправилась бы на тот свет.

– Может быть, уже пора перестать играть в эти игры? Все это довольно утомительно. Кроме того, не надейся, что убийство сойдет тебе с рук.

– Еще как сойдет! Джейсон никому ничего не скажет, по-

тому что побоится нанести ущерб собственному имиджу.

– Ему и говорить ничего не придется. Двое полицейских видели, как он меня похитил.

– Похитил? – От изумления глаза Дебры стали совершенно круглыми.

– Он ведь тоже пытался меня прикончить, – пояснила я.
– Видишь, как он тебя любит, – на все готов.

Дебра взглянула на мужа.

– Это правда? – неуверенно, с сомнением спросила она.
Джейсон кивнул:

– Я перерезал тормозной шланг на ее машине.

Бедная женщина несколько секунд стояла, словно громом пораженная, а потом глаза ее наполнились слезами.

– Так ты любишь меня, – наконец пролепетала она. – Действительно любишь.

– Конечно, люблю. До безумия, – заверил супруг.

Не кажется ли вам, что в данных обстоятельствах слово «безумие» является ключевым? Я облегченно вздохнула:

– Ну вот и хорошо, наконец-то все выяснили. Живите счастливо. А мне, наверное, пора... – С этими словами я сделала маленький шагок в сторону двери, но не тут-то было! Одновременно произошло сразу несколько событий. Стоило мне пошевелиться, как Дебра машинально отреагировала и едва не стукнула меня винтовкой. За ее спиной раздался оглушительный звон выбитого французского окна, и, словно в замедленной съемке, женщина дернулась и подпрыгнула

от неожиданности. Ощутив приближение дула, мое тело стало действовать автоматически, само, не дожидаясь команды. Слышали о мышечной памяти? Как только Дебра сделала резкое движение, я моментально отскочила. Годы упорных тренировок сделали свое дело. Я продолжала двигаться: спина изогнулась, ноги напряглись для мощного толчка, руки разлетелись в стороны, лоя равновесие. Комната перевернулась. Потом ноги и мышцы спины послушно сработали и обеспечили полет.

Если оценивать качество совершенного мною сальто, то оно оказалось просто отвратительным. Ноги взлетели вверх, а Дебра стояла слишком близко. Поэтому левая ступня стукнула ее в подбородок, а правая выбила из рук винтовку. К сожалению, палец ее оставался на курке и от толчка непроизвольно нажал на спуск. Раздался оглушительный грохот. Из-за недостатка места мои ноги не смогли совершить необходимый оборот, и я приземлилась прямо на спину, довольно больно ударившись. Дебра от удара в подбородок пошатнулась и замахала руками, словно ветряная мельница крыльями. Однако удержать равновесие ей не удалось. Бедняга шлепнулась на пол и на пятой точке прокатилась по полированному паркету.

– Ой! – вскрикнула я, хватаясь за большой палец левой ноги. На мне были босоножки, а эта обувь совсем не годится для ударов по подбородку.

– Блэр! – Неожиданно дом заполнили полицейские. Пото-

ки копов вливались в комнату через все возможные отверстия. Копы в форме, копы в гражданском. И среди них Уайатт. Он в прямом смысле влетел сквозь французское окно, решив, что Дебра сию же секунду выстрелит, и, подхватив меня с пола, так крепко прижал к груди, что я едва не задохнулась. – С тобой все в порядке? Она в тебя не попала? Крови не заметно.

– Все нормально, – с трудом проскрипела я. – Если не считать того, что ты сжал меня почти до полусмерти. – Железное кольцо рук немного ослабло, и я добавила: – Палец болит.

Уайатт немного отклонился назад и уставился на меня, словно не веря собственным глазам: ведь я осталась жива и даже умудрилась выйти из переделки без единой царапины. Опыт прошедшей недели подсказывал, что мне следовало истекать кровью по крайней мере от дюжины огнестрельных ран.

– Палец болит? Боже милостивый, срочно необходимо шоколадное печенье!

Вот видите? Я всегда говорила – лейтенант быстро сообщает, что к чему.

Эпилог

Знаете, кого ранил случайный выстрел? Джейсона. Согласитесь, этот человек в полной мере заслужил суровое наказание. Шальная пуля Дебры скользнула по его голове, и Джейсон упал как подкошенный.

Дебра не убила Джейсона, но он лежал и истекал кровью не хуже зарезанной свиньи. Не слушая друг друга, муж и жена что-то говорили, обвиняя самих себя. Понять что-нибудь из этого бессвязного лепета было почти невозможно, а потому я сама все объяснила Макиннису, Форестеру, Уайатту и самому шефу Грею, который почему-то тоже приехал. Похоже, в доме собрался весь департамент полиции. Примчалась даже группа особого назначения – мощные ребята в крутых черных костюмах. Подросли и медики. Я обрадовалась, когда увидела среди них милую Кейшу. Мы обнялись, как соскучившиеся подружки.

Выяснение обстоятельств – дело долгое, а потому я пошла на кухню и поставила на плиту большой кофейник – чтобы угостить всех. Палец на ноге болел, так что походка была не слишком изящной, но признаков перелома не замечалось.

Около шести Уайатт отвез меня домой.

– Сделай милость, – попросил он по пути, – постарайся во время нашей совместной жизни больше не устраивать таких веселых недель, как эта, хорошо?

– Но разве здесь есть хоть малая доля моей вины? – возмутилась я. – Тем более что мне пришлось тяжелее всех. Я ранена, избита, вся в синяках, и если бы ты не отвлекал и не развлекал меня, то, наверное, все это время только и делала бы, что плакала.

Уайатт крепко сжал мою руку.

– Господи, как же я тебя люблю! А удар карате в челюсть этой сумасшедшей дамочки оказался просто неподражаем, ребята будут обсуждать его до конца своих дней. Даже спецназ восхитился, а уж там калачи тертые, их ничем не удивишь. Где ты занималась?

– Мой клуб предлагает самые разные курсы, – скромно заметила я. Неужели вы думаете, я признаюсь, что неосознанно, совершенно машинально сделала не слишком удачное сальто назад, а вовсе не планировала гениальный удар? Ну уж нет.

Другое дело, что этот случай стопроцентно подтверждает необходимость сохранять физическую форму, ведь никогда не знаешь, в какую минуту жизнь заставит тебя сделать сальто.

Мы обзвонили родственников и сообщили, что кризис миновал. Конечно, пришлось долго все объяснять. Встретаться пока ни с кем не хотелось. Счастливое избавление выдалось слишком бурным, ведь дуло винтовки у самого носа оказалось еще страшнее, чем автомобильная авария, хотя и она выглядела ужасно даже во сне. Кстати, винтовка мне

ни разу не снилась. Возможно, потому, что в итоге пострадал Джейсон и справедливость восторжествовала, не так ли? Вечер мы с Уайаттом провели в объятиях, поцелуях и обсуждении планов на будущее. От радости избавления кружилась голова. Но разумеется, одними планами дело не ограничилось. С Бладсуортом это просто невозможно – он самый сексуально озабоченный парень нашего округа. Если Уайатт счастлив, значит, подавай ему секс. Если зол, то тоже думает только о сексе. С ним все и всегда заканчивается сексом.

Жизнь с этим человеком сулила много неожиданных событий, радости и счастья.

На следующий день Уайатт повез меня покупать новую машину. Его сестра, Лайза, наконец-то вернула «аваланш». Поблагодарила за аренду, а попутно задала миллион вопросов. К счастью, она с первого взгляда мне очень понравилась. Впрочем, так и должно было случиться, потому что Лайза во всем походила на миссис Бладсуорт. Машина оказалась красивой и удобной, так что за новым «мерседесом» мы отправились именно на ней.

Разумеется, мне был необходим только «мерседес». Джейсон и его дурочка-жена ни за что на свете не помешали бы мне купить любимую машину. Представьте меня в черном «мерседесе» с откидным верхом. Черный – цвет уверенности и силы, не забывайте.

Страховая компания еще не успела оформить необходимые документы, а банк в воскресенье не работал, так что ди-

лер пообещал придержать мою машину до вечера понедельника. К родителям я приехала в самом радужном расположении духа.

Дверь открыл папа и тут же приложил палец к губам.

– Тс-с, – шепотом предупредил он. – У нас снова компьютерная катастрофа, и Тина ведет себя подозрительно тихо.

– Ох, – вздохнула я и потянула Уайатта за руку. – Что же произошло на сей раз?

– Ей показалось, что она наконец-то победила, но сегодня утром вдруг погас монитор. Я только что вернулся из компьютерного супермаркета с новым, и сейчас она его подключает.

В комнату вошла Дженни и первым делом бросилась меня обнимать.

– Не могу поверить, что Джейсон настолько глуп, – заметила она.

– А я очень даже могу. Ты проходила мимо маминой двери. Что-нибудь слышно?

– Ни звука, – озабоченно ответила Дженни. Дело в том, что когда мама злится, она постоянно что-то бормочет. Но если злость зашкаливает, она внезапно становится очень-очень тихой.

Мы услышали, как мама вышла в коридор. В полной тишине все прислушивались к шагам, пытаясь по звуку предугадать события. Проходя мимо двери в общую комнату, она даже не взглянула в нашу сторону, но зато мы заметили у

нее в руках солидный рулон полиэтилена. Она явно несла сверток в гараж. Очень скоро мама прошагала в обратном направлении, но уже с пустыми руками. И опять ни слова.

– Зачем ей полиэтилен? – поинтересовался у нас Уайатт, и мы дружно пожали плечами в классическом жесте, означающем «Кто ее знает?».

Раздался глухой стук, а за ним последовал странный звук, очень напоминающий скольжение. Мама снова показалась в коридоре. Ее лицо выражало непреклонную решимость. В руке она сжимала толстый шнур, за который тащила доставивший ей столько мучений монитор. Мы молча наблюдали, как она доволокла его до двери гаража, двумя глухими ударами преодолела ступеньки и остановилась посреди расстеленного на полу куска полиэтилена.

Потом подошла к дальней стене, на которой папа держал инструменты – они аккуратно висели на специальных крючках. Мама долго и внимательно изучала весь арсенал, потом выбрала молоток, подержала его в руке и повесила на место – оружие явно показалось ей слишком легким. Подошла к странной штуке, которая напоминала небольшую кувалду. Я не слишком крупный знаток инструментов, а потому не могу точно сказать, что именно это было. Мама сняла оружие с крючка, пристально осмотрела и, очевидно, решила, что оно вполне соответствует самым высоким требованиям. Она вернулась к ничего не подозревающему монитору и принялась методично его уничтожать – до состояния мелких че-

репков. Била до тех пор, пока на полиэтилене не осталась лишь кучка осколков и обломков. Стекло разлетелось по гаражу, пластик крошился и дробился. Высокотехнологичный прибор перестал существовать как физический объект. Закончив работу, мама очень спокойно повесила на место кувалду, отряхнула руки и с безмятежной улыбкой вернулась в дом.

В глазах Уайатта застыло удивительное, не поддающееся описанию выражение, словно он не мог решить, что ему делать – смеяться или бежать куда глаза глядят. Папа покровительственно похлопал растерянного собрата по плечу.

– Ты разумный парень, – одобрительно произнес он. – Не забывай регулярно заглядывать в список злоупотреблений и недостатков, чтобы своевременно решать возникающие проблемы, и все будет в порядке.

– Обещаете? – серьезно спросил Уайатт. Папа рассмеялся:

– Черт подери, конечно, нет! Мне кое-как удастся справиться с собственными трудностями. А если вдруг неприятности возникнут у тебя, разбирайся сам.

Уайатт повернулся ко мне и подмигнул. Нет, самому ему разбираться не придется, ведь он не один. Мы вместе.

Посвящаю книгу своей требовательной и надменной подруге, которая именно таким способом уничтожила свой непослушный монитор и вдохновила меня на создание романа. Имени на сей раз не называю.